

8
историй

ЮЛИЯ
РЕЗНИК

Юлия Резник

8 историй

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35921651

Аннотация

Любовь... Она окружает нас повсеместно. Кружит в пространстве, соединяет судьбы, слагает свои истории. И порой эти истории соприкасаются, приоткрывая кому-то избранному занавесу своих тайн...

Содержание

Пролог	4
История 1. Борис и Соня	11
История 2. Леся и Николай	41
История 3. Ольга и Бахтияр	69
История 4. Савва и Малика	96
История 5. Богдан и Евгения	122
История 6. Ирина и Петр	150
История 7. Бачо и Вита	180
История 8. Все вместе	212

Юлия Резник

8 историй

Пролог

Женский день – Восьмое марта. Для кого-то праздник, а для кого-то неплохая возможность подзаработать. Все-таки хорошо, когда твой недалекий одноклассник вдруг становится ни много ни мало владельцем службы такси. Так размышляла Вита, прикручивая шашечки на крышу своей голубой Шкоды. Она редко таксовала. В основном по праздникам, когда от клиентов не было отбоя. Петька Линьков, тот самый недалекий одноклассник, с радостью включал ее в ряды своего таксопарка. Лишние колеса в такие дни были настоящим спасением. Вообще Петька был неплохим парнем. И платил хорошо. Не жадничал. Нет, Виту, конечно, задевало иногда, что она, умница и красавица, была вынуждена работать на туповатого Линькова. Но если разобраться, то подобные мысли были проявлением обычного жлобства. А с этой чертой характера Вита активно боролась. Она вообще много с чем боролась... С лишними сантиметрами на бедрах, с морщинами, которые поперли после тридцати, со своей язвительностью и крутым нравом. Вялотекущие бои то обострялись, то сходили на нет. Тогда Вита, махнув рукой

на все, покупала любимые эклеры, ликер и, засевав за слезливый романчик, коротала вечерок. А с новым днем приходило раскаяние, и начиналось новое сражение за собственное совершенство. Джудит Макнот в сумочке сменял какой-нибудь шибко умный и такой же скучный Кант, вместо эклеров в меню появлялись зеленые яблоки, а рюмка Бейлиса, как та карета из сказки, превращалась в стакан однопроцентного кефира.

Если честно, то с каждым годом борьба давалась все труднее. Крем не справлялся с тонкими морщинками, а от лишних килограмм и вовсе не было никакого спасения. Хорошо, что нынче, с какого-то перепуга, стали модными попы а-ля Ким Кардашьян. Иногда, в приступе особой сентиментальности, Вита готова была расцеловать заморскую звезду, в благодарность за такой своевременный тренд. Конечно, если признаться, до красотки Ким ей было далеко. Хотя Вита и была на целых два года младше! Ей было тридцать шесть – тот возраст, когда о принце на белом коне уже не мечтаешь, но к топоту копыт все равно прислушиваешься. Только не было его – принца. Впрочем, как и любой другой, менее титулованной особы. В ее жизни было место только для одного мужчины – шестнадцатилетнего сына Сашки. Не по годам развитого парня, который совал свой нос, куда не следует, и распугивал тем самым всех возможных кандидатов в мамы женихи. Собственно, из-за Сашки она и таксовала. Когда растишь сына одна, лишняя копейка всегда нужна.

То ему компьютер приспичит поменять, то ремонт в комнате сделать. Да уж... Быстро вырос парень из обоев с человеком-пауком. В общем, деньги были нужны всегда. Особенно, когда в качестве подарка на день рождения сынок заказал новый телефон. Скажете, балует Вита парня? Ну, а как его не баловать, такое-то сокровище? Умница, а не ребенок. Юный гений, изобретатель. Призер всех возможных олимпиад, и лауреат последнего международного конкурса по физике. Кстати, на его разъезды деньжищ тоже уходило немалое. Сашкин отец в этом деле помощником не был. Нет, он был неплохим человеком, да только в новом браке родил три дочки, на которых и уходила вся его скромная зарплата. Сашке не перепало даже алиментов. Но Вита не огорчилась. И бывшего мужа не проклинала, как это обычно принято среди разведенков.

Телефон запиликал – диспетчер скинул адрес первого заказа. Это был известный в столице ресторан. Женщина завела мотор и выехала на вызов. Несмотря на выходной день, в городе был довольно плотный трафик. Вите даже пришлось кое-где постоять. В общем, она немного задержалась. Совсем чуть-чуть... Минут на пять-семь. Припарковалась. Осмотрелась. Время шло, а клиент, кем бы он ни был, все не выходил. Женщина вышла из машины, толкнула дверь заведения. Та легко поддавалась. Зал был пуст, свет не горел. И только из глубины помещения доносилась чья-то ругань. Вита пошла на звук.

– В последний раз предупреждаю! Если я еще хоть раз увижу, что ты работаешь без шапочки и без перчаток, я тебя четвертую и поджарю вот на этом новомодном гриле, на приобретение которого я потратил всю прибыль за прошлую неделю!

– Бачо, ну, виноват...

– А вытяжка! Меня не было три дня. Во что вы превратили мою кухню? Здесь вообще убирали?! Где уборщица?!

– Бачо, не кипятись... Нина Матвеевна приболела, а Ленка на сессию укатила...

– Это не оправдание! В моей кухне должно быть чисто, как в операционной! А здесь следы на полу! Кто вошел в кухню, не переобувшись?!

– Я же говорил. Рабочие! Меняли фильтры в вытяжках. Мы не успели прибраться.

– Они что, не могли надеть бахилы?!

– В следующий раз наденут, – кивнул головой щуплый парень.

Вита с интересом наблюдала за разворачивающимся скандалом. Крепко сбитый грузин (по всей видимости, владелец ресторана) голосом с легким южным акцентом распекал, на чем свет стоит, своих проштрафившихся подчиненных. И если остальные повара и поварешки стояли, пристыжено понутив головы, то самый смелый из них отдувался за всю честную компанию.

– А это еще что за баба? – Мужчина повернулся в сторону

замершей Виты и бесцеремонно ткнул в нее пальцем.

– Такси заказывали? – бойко поинтересовалась женщина. – Полчаса уже жду. Кто оплачивать простой будет?!

Здоровяк сверился с часами на широком волосатом запястье и смерил женщину тяжелым взглядом.

– Я буду. Почему не перезвонили, что подъехали?

– Вам выслано sms-оповещение, – нашлась Вита.

Мужчина вытащил из кармана новомодный телефон и проверил обновления. Слава Богу, sms-ка действительно пришла! Он кивнул в направлении выхода:

– Вам тоже не стоит пачкать мою кухню, – заметил мужчина, приближаясь к выходу.

Вита даже онемела от такой наглости! Бросила невольно взгляд на свои довольно приличные замшевые ботинки... Чистые, кстати сказать! И вышла из кухни. Мужчина следовал за ней, нетерпеливо кому-то названивая.

– Отец! Ну, слава Богу... Ты почему трубку не берешь?!

Ну, надо же, какой заботливый! Вита села в машину, завела мотор и посмотрела на пассажира, который все так же болтал, но теперь по-грузински.

– Едем куда?

– Что вы сказали?

– Едем куда?!

– На Ахматовой, тринадцать.

Всю дорогу Вита неловко молчала. Уж больно обидно ей было и за небрежное «баба», и за свою обувь. Давно она не

встречала таких мерзких личностей! А ведь он даже мог ей понравиться! Большой, brutальный самец...

Женщина подкатила к обычной серой девятиэтажке, каких миллион, притормозила.

– Вот, возьмите, – мужчина протянул довольно внушительную сумму денег.

– Это слишком много, – заметила Вита, возвращая лишние, на ее взгляд, купюры.

Здоровяк оттолкнул ее руку небрежным жестом и пробурчал, уходя:

– Это за простой.

Буквально пять минут спустя, пришел новый вызов. Вита, которая все еще хмуро рассматривала свой «гонорар», встряхнулась, отгоняя от себя негатив, и покатила по указанному адресу. Это был отель, и, в противовес первому вызову, здесь ее действительно ждали. Худой невысокий мужчина. Волосы немного припорошены сединой, породистый нос... Возраст определить было трудно. Ему могло быть как пятьдесят, так и на десяток лет больше или меньше.

– Добрый вечер. С праздником, – приветливо улыбнулся мужчина. Ну, надо же, какой контраст. Первый – хам, второй – сама любезность! – Мне на Софиевскую. А перед этим в какой-нибудь цветочный, – добавил он, нервно разглаживая полы дорогого, но явно неприспособленного под местные холода пальто.

Вита открыто улыбнулась, задорно поинтересовавшись:

– На свидание?

Мужчина вскинул на нее испуганный взгляд, а потом улыбнулся и кивнул головой:

– Свидание... Запоздалое.

А потом у пассажира зазвонил телефон.

– Мама! – как-то обреченно протянул мужчина, поднося трубку к уху.

История 1. Борис и Соня

– Здравствуй, мама.

– Здравствуй, блудный сын. Не звонишь матери, а меня уже нога замучила. Все болит, и болит!

– Мама, – откашлялся мужчина и неловко взглянул на Виту, которая из-за громкости динамика телефона прекрасно слышала весь разговор. – Твоей ноге уже восемьдесят лет, чего же ты хочешь?

– Другой ноге тоже восемьдесят, но она не болит.

Борис закатил глаза, а Вита улыбнулась, наконец идентифицировав национальную принадлежность мужчины. Еврей, ну, конечно же... И настоящая еврейская мама, судя по всему.

Да... Мама в жизни любого еврейского мальчика – это особая тема. Мама Бори Меерсона – и вовсе величина. Порой ему казалось, что она занимает собой всю его жизнь. И так было всегда. С самого сопливого детства. Борис мог припомнить сотни случаев, которые были тому подтверждением. Например, когда он подрался с Изькой Розенфельдом, мама заорала в окно:

– Боренька, не бей так сильно Изю, а то вспотеешь и простудишься!

В общем, все свое детство и юность он и шага не мог ступить без маминого согласия. Ее одобрение требовалось

по любому вопросу, Боря просто не имел возможности принимать самостоятельные решения. Мать окружала сына настолько сильной любовью и заботой, что эта любовь стала непреодолимой стеной между ним и всем остальным миром. Порой, у подрастающего Бориса складывалось ощущение, что его и вовсе нет. Нет собственных желаний, целей, стремлений... А если и есть, то они все равно нивелируются волей матери. Он натуральным образом задыхался от ее вездесущего контроля, но поделать ничего не мог. И так продолжалось ровно до того момента, пока он не влюбился.

Соня. Он встретил ее на Привозе. Тогда, двенадцатилетним пацаном, он и представить не мог, что эта тонкая девочка станет для него целым миром. Мать Бориса придирчиво выбирала курицу, а Соня стояла за прилавком, помогая молодой продавщице. Только потом Боря узнал, что это была мама девочки.

– Скажите-ка мне, любезная, чем вы кормили этих курей?

– А зачем вам это? – удивилась хорошенькая женщина.

– Как это зачем?! Я тоже хочу так похудеть!

Боря сжался от стыда. Ему было жутко неловко за свою острую на язык родительницу.

– Извините, – растерялась продавщица. – Уж какие есть.

Роза, так звали мать Бориса, презрительно отвернулась и пошла прочь. А Борька еще долго не мог забыть наполненный горечью девичий взгляд.

То лето было особенно жарким, они пропадали в Аркадии

целыми днями. Загоревшая дочерна ребятня прыгала с пирса в воду. И что только они при этом не вытворяли! Борька так и не понял, как там оказалась Соня. Он только увидел, как дурачащиеся мальчишки столкнули девочку в море. Боря подбежал к краю пирса и посмотрел вниз. Она неумело барахталась в воде. Мальчик не сразу понял, что Соня попросту не умеет плавать! Ну, ей богу, кому придет в голову, что с одесситкой может случиться такая оказия? Он прыгнул в воду, не раздумывая. Схватил девочку за руку и потянул к пирсу. Тут уж оживились взрослые и помогли достать щуплому Борьке несостоявшуюся утопленницу. Она даже испугаться толком не успела. Села прямо на бетон, растерянно хлопая глазами.

– Ты что, живешь у моря, а плавать не научилась?! – справедливо возмутился Борис.

– Мой дядя Вова живет в Борисполе. Но я что-то не припоминаю, чтобы он научился летать! – саркастически парировала Соня. А потом вдруг сменила гнев на милость и улыбнулась. – Спасибо тебе.

А он ничего не мог сказать. Залип на ее улыбке с отсутствующими верхними клыками. И на сверкающих, как море, глазах.

Тогда-то он и влюбился. И погрузился в это чувство со всем своим мальчишеским энтузиазмом. Вот только маме Бориса такая подруга не пришлась по душе. Девочка была из небогатой семьи. Мать – торгашка. Отца вообще неиз-

вестно где носило. Не в тюрьме ли? Опять же, не коренные одесситы, а из тех, про кого говорят: понаехали. И зачем Бореньке такая компания? Роза ополчилась на ни в чем не повинную девочку моментально. И Соня это чувствовала. В общем, знакомство девочки с матерью было самой большой ошибкой Бориса. Соня никогда больше не соглашалась зайти к нему в гости, а мать вставляла палки в колеса, когда он собирался в гости к ней. Радовало только то, что девочка теперь училась в одной с ним школе. Правда, на два класса младше. Они проводили вместе каждую перемену, сидели в столовой, где Борис регулярно скармливал девчонке свой обед, ссылаясь на то, что не голоден. Иначе – Соня бы не взяла. Хуже было летом. Семья девочки действительно была небогата. Мать Сони вкалывала с утра до ночи, и Соне приходилось ей помогать. Как-то, года через три после знакомства, она все лето продавала на пляже кукурузу. И Борька ей в этом активно помогал. Еще бы! Такая возможность побыть с любимой девчонкой! А главное, ничего не нужно делать. Ходи себе по пляжу, да изредка кричи: «Кукуруза, кукуруза...» А потом болтай ни о чем, трави байки, ну или плавай в теплом, ласковом море, когда от жары уже рябит в глазах. Сказка кончилась, когда на них напали грабители. Они с Соней как раз шли сдавать заработанную «кассу», когда их подкараулили. Пятнадцатилетний Борька отбивался, как мог, от более крепких воришек, но все было напрасно. Заработок за день отняли, а его прилично избили. Что тут

началось... Роза, подняла на ушу пол Одессы. Начиная от участкового, заканчивая Сониной мамой. Бедной женщине тогда особо досталось. Ее обвинили в том, что она эксплуатирует детский труд, что не в состоянии справиться с воспитанием дочери... Да много чего наговорила Роза в порыве ярости. Сбежавший из-под домашнего ареста Борис полдня пытал Соню, пытаясь выяснить, что еще наговорила мать, но та так и не созналась.

– Брось, Боря. Неважно это. Главное, что ты пришел. Кстати, тебе не перепадет за это? – заботливо поинтересовалась Соня, разливая по чашкам только что сваренный компот.

Перепадет, наверное. Еще как. Да только не мог он без нее и дня прожить. Ломало всего и корежило без ее смеющихся глаз. Без хрупкой фигурки, без льняных волос, заплетенных в забавные баранки. С ним вообще происходило что-то странное. Какие-то неясные желания, которые будоражили воображение и горячили кровь.

– Ну и пусть перепадет! Я все равно буду к тебе ходить! Я тебя люблю! – решился на признание Борька.

Соня выронила ложку, которой вылавливала из компота сливы, и пораженно уставилась на мальчика:

– Правда? – сглотнула она, отчаянно краснея.

– Угу... – пробурчал мальчик, растеряв весь свой запал.

– И я тебя люблю, Боря. С тех пор, как ты меня спас, и люблю...

Он не знал, где взял смелость, просто резко вскочил и неумело коснулся ее губ своими. Замер на мгновение, отпрянул... А Соня распахнула глаза, коснулась аккуратными пальчиками губ, будто бы не в силах поверить, что он это действительно сделал.

– Будешь ругаться теперь? – задиристо поинтересовался Борис.

Девочка отчаянно затрясла головой.

– Нет... Кхм... Нет. Мне понравилось, – прошептала Соня, опуская глаза.

Борька от важности едва не лопнул.

– Ну, тогда мы будем с тобой целоваться. Иногда... Как взрослые. Мне уже пятнадцать! – заявил мальчишка.

Соня кивнула, не отрывая взгляда от пола.

И он сдержал слово. Теперь ни дня не проходило без поцелуев. Поначалу робких и несмелых. Детских и невинных. А со временем – все более страстных и осознанных. Борька уже знал, о чем свидетельствует твердость в штанах. Старшие мальчишки просветили. И ему жутко хотелось попробовать, что же это такое – «секс». К семнадцати годам ожидание стало невыносимым. Их ласки, становились все более смелыми, но и переступить черту никто не решался. Ведь Соне было всего пятнадцать...

Все это время Борис жил, как между двух огней. С одной стороны – мама, которая так и не ослабила контроль над его жизнью. С другой – сумасшедшая любовь к Соне. Порой ка-

залось, что только благодаря ей парню удавалось сохранять свою личность. Борис не был дураком, он прекрасно понимал, что мать видела в их с Соней дружбе угрозу для себя. Она как будто боялась потерять сына, в пользу другой женщины. И он, до сих пор связанный прочной пуповиной с матерью, постоянно находился в конфликте с самим собой. С одной стороны, Боря отвергал мать, а с другой – всем сердцем стремился к ней. Чувство вины перед родительницей сопровождало его постоянно, и порой проецировалось на Соню в виде совершенно необоснованной агрессии.

– Я не понимаю, почему ты не хочешь попробовать! – злился Боря. – Тебе уже шестнадцать. А мне восемнадцать, Соня! Я последний девственник на земле!

Соня неловко встала с пола, возвращая на место задраный нетерпеливым парнем лифчик.

– Мне страшно, Боренька... Давай, как все... После свадьбы.

– Свадьбы?! Ты с ума сошла. Никто не ждёт свадьбу! На дворе восемьдесят третий год!

Такие споры затевались все чаще. Борис рос, а вместе с ним росли и его потребности. Ему уже недостаточно было просто ходить за ручку или целоваться втихаря. Боре хотелось секса! Пацаны в институте уже всюю развлекались с более сговорчивыми девчонками, а он... Нет... не то, чтобы секс стал первоочередным в его отношениях с Соней. Никуда не делась жажда эмоционального контакта, понимания,

душевной близости, простого общения. А с этим, после поступления в институт, было особенно туго. Учеба в медицинском отнимала все свободное время. Борис ужасно тосковал. Ему не хватало Сони. А когда удавалось увидаться, он не мог насмотреться, наговориться, насытиться тем, что она рядом. Соня стала невероятно хорошенькой. Светлые, выгоревшие на солнце волосы, синие, как небо, глаза. Забавные веснушки на курносом носу и пухлые губы, которые он досконально изучил.

– Ты придешь ко мне на выпускной?

– Не знаю. У меня экзамен по патанатомии.

Соня отвернулась к окну, чтобы Борис не заметил, что она опять готова заплакать. Последнее время их отношения приобрели странную горькую нотку. Девушке казалось, что над их любовью нависли угрожающие тени. Соня вообще все эти годы находилась в невероятном напряжении, опасаясь, что матери Бориса удастся их разлучить. А ведь она жизни своей не мыслила без этого парня. Он стал для нее всем. Все ее мысли, все чувства и мечты были сосредоточены исключительно на нем. Ничего другого просто не существовало – только эта сумасшедшая потребность любить и быть любимой. Соня и на секс уже была согласна, только бы Боре было хорошо. Только бы он не ушел к другой, более доступной и раскованной. Собственно, для этого она и звала его на выпускной. Разве это не замечательный повод наконец-то сблизиться? Только как об этом сказать Борису? Как намек-

нуть, если она по-прежнему отчаянно стесняется? А у него экзамен...

– Ты куда это нарядился? – подозрительно поинтересовалась Роза у крутящегося перед зеркалом сына.

– К Соне. На выпускной.

– Сдалась тебе эта оборванка, – завела свою песню мать. – Лучше бы на Сару посмотрел. Перспективная девочка. И родители у нее не лыком шиты. Вот-вот гражданство израильское выбьют. Заживешь, как человек. Из дерьма советского выберешься, – зудела Роза на ухо.

Борька отмахнулся от матери и вышел за дверь. Во дворе мужики забивали козла. Баба Паша развешивала белье, а из квартиры Прилуцких доносились вопли и визг. Наверное, глава семейства опять напился. Парень проскочил в арку и побрел вниз по улице. Купил у уличной торговки ромашки и заскочил на подножку трамвая. Родная школа встречала парня громкой музыкой. У ворот топталась Соня. Из-за отсутствия денег она не могла пойти в ресторан вместе с одноклассниками, но от присутствия на вручении аттестатов не смогла отказаться. Отличница, как-никак.

– Привет! – радостно улыбнулась девушка. – А я думала, ты уже не придешь.

– Еще чего! – воскликнул Борис и аккуратно подхватил девушку под локоток.

Торжественная часть выдалась невыносимо скучной и длинной, а потом они сбежали, и бродили по городу, держась

за руки, и ели мороженое.

– Тили-тили-тесто! Жених и невеста, – слышалась популярная дразнилка из подворотни.

Борька шуганул ребятню, и те пустились наутек, громко улюлюкая. Соня запрокинула голову к небу и задорно рассмеялась. Сколько раз за свою шестилетнюю дружбу они это слышали? Девушка не сомневалась, что Боря и есть ее жених, что только за него она выйдет замуж, и только с ним рядом состарится.

Ночь опустилась на город, когда они добрались до пляжа. Уселись прямо на песок, вдыхая соленый морской воздух. А потом как-то одновременно потянулись друг к другу. Борька, очумевший от вседозволенности, едва с ума не сошел. Накинулся на сладкие губы, задирая юбку, пробираясь пальцами под простые белые трусы. Он взял ее прямо там. На песке, под шум волн и развеселые песни, доносящиеся из ближайших ресторанов. Соня вообще мало что поняла, оглушенная таким стремительным натиском. Просто в один момент стало больно, жарко и дискомфортно. Песок царапал кожу, скрипел на зубах. И ей хотелось только одного – чтобы это все скорее закончилось.

Нет, впоследствии Соня не жалела о происшедшем. Ведь Борис стал таким счастливым! А для нее только это и имело значение. Впрочем, если честно признаться, после того, как болезненные ощущения ушли, их занятия любовью стали вполне терпимы. Особенно Соне нравились откровенные

ласки, которые предшествовали самому акту...

Следующий год пролетел незаметно. Учеба отнимала львиную долю времени. Только изредка Борису удавалось урвать пару часов, чтобы увидиться с любимой. Но чувства не угасали, наоборот, крепили с каждым днем, проведенным в разлуке.

В один из дней, аккурат перед самым началом летней сессии, в комнату парня вошла мать.

– Нам нужно серьезно поговорить, Борис.

– Давай, поговорим. Раз надо, – кивнул Борис, откладывая учебник.

– У нас на работе была ревизия.

Парень пожал плечами. Ничего удивительного. Мать работала бухгалтером в порту. Ревизии там проходили постоянно.

– И что?

– У меня выявили серьезную недостачу, Боря. А это срок, как ты понимаешь...

Парень изумленно распахнул глаза. Недостача у матери? Да такого просто быть не может!

– А как такое случилось?

– Очнись, Борис! Мы в какое время живем?! Ты думаешь, ты своим умом в медицинский поступил?! Или за счет чего, по-твоему, я достаю тебе все эти модные шмотки?! Уж не за счет зарплаты ли?

Боря сглотнул. Вдохнул тяжело, ощущая мерзкий, про-

тивный ужас, который сковывал его душу.

– Но мы же можем вернуть и...

– Не смейся. Время идет на часы. Помочь мне может только Сема Либерман. Черт его знает, что его дочь нашла в тебе, но если вы поженитесь...

– Это исключено! – взвился с кровати Борис. – Я люблю Соню. Мы поженимся сразу же, как я закончу институт.

– А меня отправишь гнить в тюрьму? – Роза пригвоздила сына тяжелым черным взглядом.

– Мы что-нибудь придумаем!

– Ничего мы не придумаем, Боря. За мной придут...

Борису казалось, что у него выбили почву из-под ног. И он как будто балансировал в воздухе, не зная, как удержаться. Как не свалиться в пропасть, на краю которой он оказался. Впрочем, на тот момент выбор был очевидным. Он не мог допустить, чтобы мать задержали. Если для этого ему какое-то время потребуется побыть мужем Сары Либерман, он вытерпит. А Соня... Соня поймет. Она же все всегда понимает...

Десятки лет спустя Борис хорошо помнил то невыносимое, черное отчаяние, которое оплело его своими сетями. Десятки лет спустя он, как наяву, видел полные боли и непонимания голубые глаза Сони.

– Ты что, Боренька? Ты правда меня бросаешь?

– Я не бросаю, Соня! Мне нужно выручить мать. Ну, я же все только что объяснил! Как только дело замнут, я разве-

дусь, Соня... Я обещаю...

Девушка стояла напротив парня, которого любила семь лет, который за эти годы влез в ее душу и вытеснил из нее все другое, и не могла поверить... Не могла поверить, что это происходит с ней. Вот оно – то, чего она всегда боялась. Роза нашла способ их разлучить. Соня прекрасно понимала, что женившись, Боря никогда не выпутается из этого брака. Его мать найдет десятки способов, как этого не допустить. Ощущение конца света надвигалось...

– Нет, Боря... Нет! Она же специально все это придумала, ты что, не понимаешь? Лишь бы ты в очередной раз сделал так, как ей угодно! Она же ненавидит меня. Ненавидит, Боря!

– Ты несешь чушь! Да, мать, конечно, не в восторге от наших отношений, но с чего бы ей придумывать такой спектакль?

Соня понуро опустила голову. Боль костлявой рукой сжала горло. Она понимала, что ее объяснения ничего не изменят. Боря уже все решил. Ноги подкосились, но девушка не показала своего состояния, погрузившись в какое-то оцепенение. В нем она находилась все последующее время. Когда он делал предложение другой, когда женился, и весь двор гулял на их с Сарой свадьбе. В этом ступоре Соня окончила первый курс университета, кое-как сдала экзамены и уехала «на картошку». Батрача в полях под палящим солнцем, она старалась не думать о том, как будет жить дальше. Честно го-

вора, жить вообще не хотелось. Может быть поэтому ее организм все чаще давал сбои? Соню регулярно тошнило, она теряла сознание, а передвижение и вовсе давалось с большим трудом. Девушку отправили домой, и заставили пойти к врачу. Тогда-то она и узнала, что беременна. Полумертвая, вернулась в свою коммуналку. Оглядела обшарпанную комнату и горько заплакала. В таком состоянии ее и застала мать.

– Ну, что опять случилось, горе ты мое? – пробормотала женщина, ласково поглаживая Соню по светлым волосам.

У девушки никогда не было секретов от мамы. У них вообще были очень теплые дружеские отношения. В этот раз ей тоже нечего было скрывать. Рассказала все, как есть. Лариса тяжело вздохнула, налила компот и протянула дочери:

– Нужно рассказать все Борису. Пусть решает, кто ему важнее.

Соня так бы и сделала, если бы на следующий день в женской консультации случайно не столкнулась с Бориной женой. Она, конечно же, не сидела в очереди, как все другие. Сару пригласили к врачу практически мгновенно.

– Извините, дамы. Сил нет дожидаться. Токсикоз извел.

В глазах Сони все закружилось, поплыло... В который раз за последние месяцы она едва не задохнулась. Не помня себя, дошла до дома. Легла на старую кровать. Скрипя пружинами, перевернулась на бок. Слез не было. А разве они могут быть, когда тебя самой не стало?

Первые недели после свадьбы Борис держался, предоста-

вив матери время уладить все свои дела. Но потом... Он смертельно скучал по своей Соне. Никогда раньше они не проводили столько времени порознь. Он пришел в дом, где Соня с матерью снимала квартиру, да только там никого не оказалось:

– Лариса на работе. Соньку на картошку отправили куда-то под Николаев, – пояснила вездесущая баба Рая. – А что это ты сюда явился? Жена надоела?

Борька не посчитал нужным ответить. Вышел на улицу. Закурил. Жена надоела еще до того, как она ею стала. Он вообще не мыслил своей жизни с кем-то, кроме Сони. Сара его раздражала. Даже оказавшись в ее постели, он не мог себя перебороть. Закрывал глаза и представлял Соню. Да, это было недостойно, мерзко... Но иначе он попросту не смог бы. А ему нужно было помочь матери.

В следующий раз он наведлся к Соне только через три недели. Все время до этого он работал, чтобы избавиться от любой зависимости от матери. На скорой много не заработаешь, но хоть что-то...

– Чего стучишь? Нет там никого.

– Опять работают?

– Съехали они.

– Как... съехали? Куда?!

– Да кто ж его знает. На прошлой неделе еще. Собрали нехитрые пожитки и уехали. Говорят, за Ларкой давно какой-то мужик нездешний ухлестывал...

– А Соня?

– Соня с матерью уехала, понятное дело, – пожала плечами старуха и закрыла дверь перед носом шокированного мужчины.

Боря выполз из вонючего, душного подъезда. Вдохнул жаркий августовский воздух. Вдох опек легкие, и не принес никакого облегчения. С ужасом осознал: ее нет. Он не сможет больше прийти в любой момент, чтобы поболтать. Он не услышит ее звонкий смех, не увидит, как она красит губы, собираясь с ним на свидание. Не расскажет о своих мечтах и надеждах. Он не сможет сжать ее в своих руках, поцеловать, заняться любовью. Господи Боже... Он же не сможет так... Без нее.

И начались поиски. Борис искал ее везде, где только мог. Поднял на уши деканат института, в котором училась Соня, нашел ее одногруппников. Но никто не знал, куда подевалась девушка. Просто в один момент она приехала и забрала документы.

– Не знаю... По-моему, она серьезно заболела. Ее даже от картошки по состоянию здоровья освободили. Может, помирать в родное село уехала? – вынес предположение староста группы, которого Боря поймал на перемене.

Родное село могло бы стать зацепкой, если бы парень знал, где его искать. У них никогда не заходило разговора о том, откуда родом Лариса – мать Сони. Он знал только то, что в Одессу она приехала вслед за мужем, с которым впослед-

ствии развелась. Но ни имени мужчины, ни его адреса парень не знал.

Боря зарылся руками в отросшие курчавые волосы и завыл. Его ломало долго. Он не мог есть, не мог спать, вообще ничего не мог... Целыми днями учился и работал, загоня себя до отупения. А когда выдавалась свободная минутка, снова искал Соню. Так продолжалось несколько лет... Непонятно, почему с ним все это время оставалась Сара. Видит Бог, он был совершенно отвратительным мужем. Но все-таки она оставалась рядом. Может, и правда любила?

С матерью Борис старался встречаться как можно реже. В глубине души он даже ненавидел родительницу за то, что ради ее свободы ему пришлось поступиться собственным счастьем. И в какой-то момент Роза поняла, что ее план обернулся против нее же. Случилось то, чего она опасалась больше всего на свете – ее сын отдалился. Мало того, он практически вычеркнул ее из своей жизни.

Через пять лет после свадьбы, окончательно потеряв надежду вернуть Соню, Борис с женой эмигрировал в Израиль. Он прожил достойную жизнь. Стал прекрасным специалистом, сделав себе имя в области ортопедии. Заработал приличное состояние... Но все это время мужчина был ужасно одинок. Несмотря на тридцать лет брака, супруга так и не стала для него той половиной, о которой он всегда мечтал. У них даже детей не было. Не дал Господь, несмотря на многочисленные попытки Сары забеременеть. Роза просто с ума

сходила, когда поняла, что одобренная ею самой невестка не способна произвести наследника славного рода Меерсонов. Теперь уже она давила на то, чтобы Борис развелся. И как можно скорее. Сын не молодеет, ему следовало как можно скорее найти жену без дефектов. Но Борис, пожалуй, впервые воспротивился. Да, возможно, это было неправильно – наказывать таким образом мать. Мстить ей за поломанную жизнь... Но Борис не поддавался на уговоры. Он уже привык к Саре, притерся к ней... И не хотел ничего менять. Все равно никто и никогда не заменит Сою. Эта боль навечно поселилась в его душе, ведь первая любовь не забывается...

А потом Борис остался совсем один. Сара погибла, возвращаясь в своей машине от подруги. Жену не удалось спасти. Она умерла мгновенно. Борис ходил по опустевшему дому и вообще не знал, как жить дальше. Пусть Сара так и не стала для него любимой, но она стала другом, опорой, поддержкой. А Роза не скрывала радости:

– Ничего, Боренька. Найдешь себе помоложе жену. Глядишь, еще и родишь кого-нибудь!

В тот день Борис впервые оборвал разговор, так и не выслушав мать до конца. И только тогда он, пожалуй, действительно поверил, что Соня в день их последней встречи была права. Мать придумала всю ту историю с растратой. Он сам поломал свою жизнь. Своими собственными руками. Ему было пятьдесят, когда он остался абсолютно один.

Все поменялось неожиданно. В один момент, спустя два

года после ухода Сары. Он встретил ее. Молодую женщину. Лет тридцати, или немного за. Борис не знал, что приковало его взгляд. Возможно, она ему кого-то напоминала.

Это была обычная конференция по ортопедии. Он читал очередную лекцию, демонстрируя что-то на слайдах, а потом его взгляд выхватил из толпы коллег ее невысокую фигуру. Женщина была темной масти, с большими карими глазами и живой, подвижной мимикой. Она не была красавицей, но и дурнушкой тоже не была. Симпатичная, ухоженная, хорошо одетая.

Борис хотел подойти к ней во время фуршета. Банальный порыв, объяснения которому он не находил, но молодая женщина его опередила. Широко распахнув глаза, Борис с удивлением наблюдал, как она целенаправленно движется к нему.

– Здравствуйте, Борис Меерсон. Вот какой вы, оказывается.

Боря удивился еще сильнее:

– Простите, мы знакомы?

– Нет! – покачала головой женщина из стороны в сторону, и только тут Борис заметил, что она была беременна. – Но вы же бывали в Одессе?

В сердце мужчины что-то кольнуло. Да... Да, он бывал в Одессе. Там осталась его душа. Борис кивнул, более пристально разглядывая незнакомку.

– И жили на Малой Арнаутской?

– Жил, – кивнул Борис, сглатывая. У него появилось предчувствие, что сейчас его жизнь необратимо изменится.

– И знали Софию Кочеткову?

Борис кивнул. Сердце колотилось, как сумасшедшее. Желудок опустился вниз.

– А я – Елизавета Кочеткова. Гринбанд по мужу. Как говорит бабушка Лара, ее девочек прямо тянет на евреев, – хохотнула женщина. – А вы – мой биологический родитель. Только не подумайте, бога ради, что мне от вас что-то нужно, – тут же пояснила она, заметив, как побледнел мужчина. – Просто я же беременная. Ну и образовался у меня бзик – посмотреть на мужчину, чьи гены будут в моем ребенке. Сдерживала себя, как могла, а потом меня пригласили на эту конференцию, а там вы... И я подумала, что это судьба.

– Простите... Что-то мне нехорошо, – прошептал мужчина, хватаясь за сердце.

– Упс... Ну да, мне говорили, что я резкая, как понос. Нужно было как-то помягче вам об этом сообщить, да? Или вообще ничего не говорить... – бормотала женщина, выводя его в холл, где было гораздо прохладнее. – Бабушка рассказывала, что вы не слишком крепок. Но я думала, речь шла о силе духа, а не о вашем слабом здоровье.

Борис буквально упал в кресло. Лиза побежала в бар за водой, а он, не отрывая взгляда, следил за своей... Дочерью?! У него не было никаких сомнений. Теперь он понял, кого ему напомнила Лиза. Она была очень похожа на него самого, но

еще больше – на его мать. В душе поднимался шторм. Эмоции переполняли, перекрывая доступ кислорода. Осознавать то, что он прожил жизнь, лишенный возможности видеться с собственным ребенком, лишенный любви и радости... Это было невыносимо больно. Его жизнь уходила, а он столько всего упустил...

Перед носом появился стакан с водой:

– Вот. Выпейте. Эти гормоны меня доконают. Сама не ведаю, что творю. Вы простите меня, что вот так свалилась на голову. Только мне, правда, ничего не нужно, я посмотрю на вас, мы поболтаем и разъедемся, каждый в свою сторону...

– Нет... – отчаянно замотал головой Борис.

Женщина замерла, откашлялась:

– Эээ, ну ладно. Не хотите, как хотите. Настаивать не стану.

– Нет-нет... Ты меня неправильно поняла, – отдышался Борис, хватая дочь за руку. – Я не хочу разъезжаться в разные стороны. Я хочу познакомиться, выяснить, как так получилось, что мне о тебе не было известно.

– Правда? – изумилась Лиза. – А ваша семья не будет против?

– Нет у меня никого. Я холост.

– Холост, или никому не нужен? – не преминула поддеть отца дочка. – Ой, прости! Язык мой – враг мой. Это мне тоже бабушка говорила. Вообще-то я борюсь со своей язвительностью, – покаялась дочка.

Борис улыбнулся. Впервые за все время их разговора:

– Боюсь, это генетическая предрасположенность. А соответственно, можешь даже не стараться.

– Ты тоже острый на язык? – улыбнулась в ответ дочь.

– Нет. Это у тебя в бабушку Розу.

Лиза нахмурилась. Она знать не хотела эту сварливую каргу! И уж тем более не хотела быть на нее похожей. Борис сразу же это понял.

– Лиза... А как Соня живет? Куда она исчезла? Я столько лет ее искал...

– Да? – удивилась дочь. – А мама была уверена, что ты этого не станешь делать.

– Я искал. Не один год, после ее исчезновения потратил на это... Так как она?

– Мама живет в Киеве. Работает. У нее свой бизнес. Да что я рассказываю? Может, вам стоит встретиться? Она, конечно, в шоке будет, но, по-моему, вам есть, о чем поговорить.

Встретиться? С Соней? Спустя тридцать два года? У него даже руки задрожали. И в носу защипало.

– Пойдем!

– Куда?!

– К маме. У нее тут какие-то дела по работе.

– Она в Тель-Авиве?!

– Да. Говорю же... По работе. Туры какие-то разрабатывает новые. Отели смотрит. Нашла себе занятие, чтобы меня одну не отпускать. Муженек-то мой меня сопровождать

не смог. Тоже весь в бизнесе. Знаешь, как мне с этими двумя квочками живется? Я ж, как забеременела – мне жизни нет. У мамы нереализованный материнский инстинкт из всех дыр попер.

– Почему же нереализованный? – поинтересовался Борис, спеша вслед за дочерью. – Подожди, Лиза. У меня здесь автомобиль припаркован.

– А с чего бы ему реализоваться?! – удивилась дочь, усаживаясь в заботливо приоткрытую отцом дверь. – Меня она и не видела толком, вкалывая на двух работах и заочно заканчивая институт. Ну, а больше детей у нее не было. Вот и накопила любовь нерастраченную.

Борис выехал на автостраду, забывая в навигатор указанный дочкой адрес отеля, в котором они с матерью остановились. Мужчина пребывал в какой-то эйфории. Все, что случилось сегодня, было настолько неожиданно, настолько желанно! Счастье с горьким привкусом. Упущенные годы не могли не оставить свой след.

Лиза вошла в холл отеля первая. Он последовал за ней, и тут же им навстречу вышла женщина. Худенькая, с длинными светлыми волосами. Она практически не изменилась. Только морщинки появились на лице. Особенно у смеющихся глаз, которые, завидев его, потрясенно распахнулись. Похоже, инфаркт грозил не только ему.

– Соня, – прошептал мужчина. – Господи Боже... Это и правда ты.

– Боря? Лиза, что здесь происходит? – взволнованно поинтересовалась женщина.

– Похоже, что воссоединение семьи, – отрапортовала дочь, придерживая мать за локоток.

Женщина снова перевела взгляд на Бориса. Зажмурила глаза, вновь их открыла, будто бы не в силах поверить, что действительно его видит.

– Соня... Сонечка... Нам нужно поговорить.

Женщина растерянно осмотрелась, пытаясь собрать вместе разбежавшиеся мысли:

– Здесь неплохое кафе за углом, – тихо проговорила она.

Они уселись за столиком в полупустом ресторанчике, сделали заказ, который не лез в горло, и даже не сразу заметили, что дочь тактично оставила родителей наедине. Соня оторвала взгляд от тарелки, отложила в сторону приборы, сосредоточившись на мужчине, которого и не надеялась уже увидеть. Который сломал ее жизнь, как многие считали. Отмечала все... И плохую стрижку, и болезненно худую фигуру, и годы, которые отложили отпечаток на его лице, прочертив глубокие борозды морщин...

– Почему ты уехала?

– Прости? – изумилась женщина.

– Почему ты уехала? Я искал тебя годами, пытаюсь вернуть... Почему не сказала, что беременна?

– Я хотела, – пожалала плечами Соня. – Только встретила Сару в консультации. Она тоже была в положении. И тогда

я подумала, что вряд ли моя беременность для тебя станет радостной новостью. Не хотела причинять тебе неудобства.

– Сара никогда не была беременна. Мы бездетны.

Соня потрясенно распахнула глаза:

– Мне жаль. Но тогда она была уверена, что у нее токсикоз. Или врала... Хотя... Забудь. Я ничего не буду доказывать.

– И не нужно. Ты и так была во всем права, – заметил Борис, перекатывая ложку в руках. – Куда вы уехали?

– В Киев. За мамой давно ухаживал один мужчина, но он был прилично старше, и она не решалась выйти за него замуж. А когда со мной случилась беда... Я, Боря, с жизнью хотела покончить... Вены вскрыла, – призналась Соня, перекатывая браслет на руке, который прикрывал тонкие, выцветшие шрамы. – Так вот тогда-то она и решилась. И, знаешь, ни дня не жалела потом. Они вообще с Николаем Васильевичем очень хорошая пара.

Боря сглотнул, за грудиной что-то сдавило. Боль наполнила все его тело и устремилась в мозг.

– Как ты жила? Была ли замужем? – Борис устремил взгляд на руки женщины. Обручального кольца на пальце не было, хотя Соня и не пренебрегала украшениями.

– Замужем? Да ты что, – улыбнулась женщина. И эта открытая улыбка шипом воткнулась в его сердце, выпуская наружу переполняющую его вину. – Мне же не до этого было совершенно! Работа, учеба, орудая Лизка... А потом девя-

ностые, безденежье... Нет, замужем я не была. Есть у меня сейчас один... Как говорит мама – для здоровья, но ничего серьезного. А ты?

– Я тоже один. Сара погибла два года назад.

– Мне жаль, – прошептала Соня и замолчала.

– Я искал тебя.

– Ты говорил.

– Я любил тебя всю свою жизнь, – прошептал Борис, не сводя с женщины переполненного слезами взгляда.

– Боря... Столько времени прошло... Мы уже давно другие люди. И не вернуть ничего.

– Не вернуть. Можно просто продолжить с этого места.

Если ты хочешь... Мы могли бы хотя бы попробовать.

Соня сглотнула. Эта встреча стала полной неожиданностью. Она не была уверена, что хочет попробовать. Женщина только недавно сумела избавиться от наваждения первой любви. Ей потребовались на это долгие годы. А теперь... К чему беречь сердце на старости лет? Зачем он вообще появился в ее жизни?! Лизка – паразитка!

– Господи... Мы живем в разных странах. У нас устоявшаяся жизнь...

– А мы попробуем! Пойдем! – подхватился Борис, бросая на столик несколько купюр.

– Куда? – изумилась Соня.

– Будем знакомиться заново!

Борис усадил Соню в машину, и покатыл к своему дому.

После похорон Сары он продал дом и перебрался в квартиру. Здесь был закрытый двор с несколькими бассейнами и большой спортзал.

– Красиво, – проговорила женщина, разглядывая открывающийся из окон вид.

– Да, – согласился Борис, не сводя взгляда с хрупкой стройной фигуры.

Он до сих пор не верил, что нашел ее, спустя столько лет. А ведь сейчас можно было представить, что и не было их... Этих десятилетий порознь. Фигура женщины практически не изменилась, и только волосы были немного короче, чем тогда. Соня повернулась к нему лицом. Такая же красивая. Только теперь это была зрелая, сочная красота. И она зажигала его ничуть не меньше. Борис знать не желал, кто там у нее есть «для здоровья». С сегодняшнего дня для любых целей будет только он – Боря Меерсон. Подошел. Посмотрел прямо в глаза. Любит! Любит ее прошлую, любит настоящую, любит всякую... И всегда будет любить. Поцеловал. Сначала осторожно. Будто бы боясь спугнуть. А потом со всей страстью, которую только Соня могла в нем пробудить. И она ответила. Потянулась к нему с отчаянным всхлипом. И не было ничего лучше, чем этот момент. Когда точно знаешь, чего хочешь, и знаешь, как... Обнажение тел, обнажение душ. И не стыдно за свои несовершенства. Это печать опыта, без которого они бы не оказались в этой точке... Вместе. Спустя столько лет. Вошел в нее одним плавным толч-

ком, качнулся. Отступил. Повторил все еще и еще. Пока она не задрожала в экстазе.

– Люблю. – Хриплый шепот в наивысшей точке.

Вита припарковалась и повернулась к задумавшемуся мужчине:

– Цветочный. В этом магазинчике всегда свежий товар.

– Ох, извините. Задумался. Я сейчас... Одну минутку.

Борис выскочил из машины. Зашел в небольшой магазинчик. Осмотрелся. Ему нужны были ромашки, но он не был уверен, что их можно было достать в марте.

После того, как они с Соней снова встретились, прошло ровно четыре месяца. Четыре месяца беготни и хлопот. Борис в спешном порядке сворачивал практику в Израиле, искал работу в Киеве, распродал имущество... И часами висел на телефоне, не в силах оторваться от любимой.

– Клади трубку.

– Не могу.

– Боря... – нежный смешок.

– Я на тебе окончательно свихнулся. Все время твое лицо перед глазами стоит. Может, все-таки прилетишь? Хоть на денек...

– Не могу. У нас куча работы, – прошептала Соня, с улыбкой откидываясь в кресле.

– Эх... И я еще, как привязанный... целых две недели, Соня! Это невозможно – быть так долго без тебя! Я так скучаю, милая...

– Я тоже, Боря. Как наваждение какое-то.

– Ну, ничего. Еще немного осталось. Лишь бы к родам Лизкиным успеть перебраться. Дед я, или не дед?!

– Дед! – засмеялась Соня. – А прабабку-то ты обрадовал?

– Да. Она хочет познакомиться с Лизой. Но это – только если сама Лизка захочет. Я настаивать не буду.

И так каждый день. Разговоры, скайп, томительное ожидание новой встречи. Им не пришлось знакомиться заново. Они практически не изменились. Так... Набрались опыта, да горя испили. Но от этого только ценнее стало то, что наконец-то обрели.

Ромашек в магазине не было. Боря купил букет белых гербер и вернулся в машину.

– Мне вообще ромашки были нужны. Но сейчас не сезон. Как думаете, хорошая замена? – переспросил мужчина у хорошенькой таксистки.

– Великолепная, – улыбнулась Вита. – Будете свою девушку с восьмым марта поздравлять?

– А? Да нет... – покачал головой мужчина. – Замуж звать буду. И так на тридцать два года опоздал. Нужно, чтобы хоть внук в законном браке родился.

– Вот это романтика! – восхитилась Вита.

Они подъезжали к Софиевской, и Борис все больше волновался. Он еще не знал, что Соня согласится на его предложение, заревев в полный голос. Что они поженятся на следующий же день. Что в тот же день он станет дедом очарова-

тельного мальчика, и что Роза, переступив через себя, все-таки извинится перед Соней. Он не знал, что его ждет счастливое будущее, полное любви и детского смеха. В этот миг он только надеялся на заветное «да».

Вита припарковалась у обочины:

– Удачи вам с предложением! – улыбнулась она, забирая щедрое вознаграждение.

– Спасибо! – кивнул головой мужчина и лихо выскочил на тротуар навстречу красивой женщине в кремовом кашемировом пальто. Они обнялись прямо посреди улицы, сминая шикарные герберы. И такая любовь исходила от этой пары!

Вита смахнула слезу. С трудом оторвала взгляд от счастливых влюбленных и выехала на дорогу.

История 2. Леся и Николай

По адресу нового вызова находилась детская травматология, въезд на территорию которой был строго запрещен. Вита припарковалась у обочины, в надежде, что клиенты догадаются выйти. Так и случилось, уже минуту спустя к ней подсели две молодые женщины.

– Ну и зачем тебе этот демарш, Леся? Чего добиваешься? Согласилась бы. Колька бы тебя и отвез. А так неизвестно, сколько деньжищ в трубу улетит, пока ты до своей Калиновки на такси доедешь!

Вита прониклась справедливостью сказанного. До Калиновки наматает прилично! Может, и правда, лучше бы барышню неведомый Колька подвез? Тарифы нынче – мама дорогая!

– Не могу я, Карина. Видеть его не могу. Когда дети рядом, еще хоть как-то держусь, а наедине... Не могу, и все!

Ага! Значит, Колька – это муж. Да не просто муж, а муж в опале.

– Лесь... Ну, Леська! Ты палку-то не перегибаешь?

– Нет! – решительно отрезала молодая женщина и тут же обратилась к Вите. – Вы поезжайте. Я не передумаю...

Вита включила поворотник, проводила взглядом несколько машины. Гады, хоть бы кто пропустил! А женщины между тем продолжали тихий разговор:

– Лесь... Ну, провинился он... Это да, конечно. Но он ведь сожалеет, Лесь! Ты посмотри на него! Худющий стал, глаза ввалились!

– Ну, кто ж виноват, что новая зазноба плохо кормит? – с горечью заметила женщина.

О, да тут измена налицо! – мимоходом отметила Вита, наконец-то вливаясь в плотный поток машин. Ну и гады эти мужики! И чего им только не хватает?! Вот и Лесья... Умница, красавица. Сразу видно! А этот Колька вон чего начудил... Паразит!

– Ты-то говори, да не заговаривайся, – одернула подружку Карина. – Знаешь же, что один он мается! Слушай, Лесь... Да прости ты его! Видела я эту дамочку. Ну, знаешь... девочка-трансформер. С нее сними все накладное, и не останется ничего! Это же даже не измена с такой... Это подвиг!

Лесья горько усмехнулась и отвернулась к окну. Бойкая Карина поймала взгляд Виты в зеркале:

– Вы меня где-нибудь у метро выкиньте. Мне в Калиновку без надобности.

– На Позняках, подойдет?

– В самый раз. Лесь, слышала? Я на Позняках выйду.

– Слышу-слышу! – кивнула молодая женщина подруге.

– Леська, ну что ты, и правда... Посмотри на себя! Почернела вся. Простила бы ты его уже, и всем бы легче стало. Дети страдают, ты страдаешь, Колька страдает.

– А как простить измену, Карина? Ты бы простила?

– Простила бы! Он же у тебя золотой! Ну подумаешь, оступился раз... С кем не бывает? Он же понял, что не прав. Прощения попросил. Ведь просил же?! А ты ему что? Даже скандала хорошего не устроила! Детей собрала, и к маме под крылышко. Разве так можно? Их же нельзя без присмотра оставлять. Тем более таких мужиков, как Николай. На него все село Богу молится. Знаешь, сколько желающих к рукам прибрать?! А ты тоже молодец – берите, мол, мне без надобности!

– Он мне изменил! – отчаянно закричала пассажирка и всхлипнула в конце, испортив весь произведенный грозный эффект. – Все село в курсе. Кости мне моют. Даже дети на переменках шушукаются за спиной... – отчаянно зашептала она.

– Это, конечно, неприятно, да только сплетни так же быстро затихают, как и рождаются. Тебе ли не знать. Когда Курякина с мужем развелась и за вашего директора замуж вышла, что было? Армагеддон. А через месяц и не вспомнил никто.

– Курякину не застал никто со спущенными штанами в самом процессе!

– Да, тут Колька сплоховал. Мог бы хоть спрятаться по-человечески!

– Кристина, да ты что несешь? И что тогда? Я бы ничего не знала, а он бы за моей спиной шашни водил?

– Да не водил бы он, дура! Вляпался один раз. Мало ли, как такое получилось. Он бы в жизни на постоянной основе

тебе не изменял. Он тебя любит!

– Любит?! Ах, это любовь у него такая, оказывается! Значит, я и правда – дура! Не понимаю я, Кристина, такой любви. Я же за него жизнь готова была отдать. Пылинки сдувала! А он...

Леся познакомилась с Николаем Бариновым еще в институте. Приехала домой погостить, отдохнуть от жизни общажной и увидела его в магазине. Большой. Первое, что пришло в голову. Высокий, плечистый, основательный. Это как-то сразу бросалось в глаза. Только руки все в мазуте въевшемся. А так... У Леся даже дыхание перехватило. Мама тут же все просекла:

– Что, Лесенька, понравился парень?

– Да ничего, – пожала плечами девушка.

– Одобряю. Хороший он. Бабы Нюры внук. Помнишь бабу Нюру? Такое на ее участке затеял! Сруб ставит. Своими руками! А еще автомастерскую открыл. К нему даже из столицы едут на ремонт. Ну и наши, само собой... Руки – золотые.

Понятно, раз с машинами возится, то мазут на руках отмыть – нереально. Леся выглянула из-за материнского плеча и наткнулась на пристальный взгляд серо-зеленых глаз. По покраснела. Отвела неловко глаза. Как девчонка совсем! Разозлилась сама на себя. Стрельнула глазами в известную сторону. Вот она я какая, смелая. Он понял ее бравату. Улыбнулся, от чего вокруг глаз образовались тонкие лучики морщинок.

– Здравствуй, Николай. Что это ты в нашем магазине забыл? Помнится, ты в столице предпочитаешь отовариваться.

– Так мне только хлеба, тетя Надя.

– Да разве ж это хлеб? – удивилась мама Леси. – Хлеб самому печь надо.

– Кому же мне его печь, когда я один совсем? – улыбнулся мужчина, переводя смеющийся взгляд на Лесю.

– А это вообще непорядок! – улыбнулась женщина. – Такой парень, и один. Ой... Заболталась, а дочь не представила. Знакомьтесь – Леся. А это – Николай.

– Очень приятно, – кивнул мужчина, не переставая улыбаться.

– Взаимно, – пробурчала Леся. – Нам макарон, тетя Галь. И йогурт. Свежий? – быстренько перевела разговор девушка. Очень уж Лесю задело, что мужчина поймал ее заинтересованный взгляд.

Выходные прошли быстро. Нужно было возвращаться в Киев, да только на автобус Леся опоздала. Заболталась с Ирой Русановой, чтоб ее! Подбежала к остановке, проводила расстроенным взглядом маршрутку, отчаянно топнула ногой.

– Привет, Леся. Опоздала?

Леся обернулась. Из окошка сверкающего Ланоса высунулась голова ее недавнего знакомого. Он опять улыбался. Черте что!

– Опоздала, – пробубнила она.

– Так садись, подвезу! – предложил мужчина.

– А ты что... В Киев собрался? – оживилась девушка.

– Угу. Кое-какие запчасти пришли. Нужно получить. Садись-садись. Я не кусаюсь.

Лесе было жутко неловко, но и выбора особого не было. К началу занятий ей нужно было успеть. Да и чего скрывать... Нравился ей Николай.

Поначалу разговор не клеился, но к концу пути Леся ослабилась. Обаяние и улыбочивость мужчины подкупали. Он нравился ей все больше и больше.

– Лесь... А давай вечером куда-нибудь ходим?

– Куда? – замерла девушка. Неужели и она ему тоже понравилась?!

– Да хоть куда. В кино, или кафешку какую-нибудь. Хотя, что это за свидание в кино? Мы же друг друга не услышим...

Свидание? Свидание?! Леся чуть с ума не сошла от счастья! Весь вечер прихорашивалась. Перемерила все свои платья, прошлась по подругам. Чуть не опоздала к нужному времени. И он приехал! С огромным букетом сирени. Откуда только узнал, что ей нравятся эти цветы? И они пошли в маленькую уютную кафешку, где могли услышать друг друга! И она влюбилась. Ведь так бывает, правда? Бывает, влюбишься – и все! В немного хриплый голос, вихрастую макушку, в то, как он откидывает голову, когда смеется, в то, как он ест, в руки с ободками мазута вокруг ногтей... Только в этот раз эти ободки немного светлее. Потому что и он старался пред-

стать перед ней во всей красе... И за это как-то сразу в него влюбляешься еще сильнее. И уже ничто не имеет значения, потому что твои глаза видят только его одного, потому что твое сердце замирает от любви!

Они не смогли долго порознь. Видеться урывками и снова ждать встречи... Поженились, едва Леся закончила семестр. Девушка устроилась в местную школу, набрала первоклашек, и перевелась на заочное отделение. Иногда ей казалось, что она попала в сказку. Нет, на нее не свалились все блага сразу, но тем ценнее было то, что они делали вместе. Например, дом. Пока совместными усилиями заканчивали стройку, жили в ветхой хате бабы Нюры, в которой даже туалета не было. Нужно было выходить на улицу. С деньгами тоже тогда было не густо. Точнее, они были – Коля всегда хорошо зарабатывал, но все подчистую уходило на стройку. Жили на ее скромную зарплату учительницы. Но это было счастливое время, несмотря ни на что. А потом Леся забеременела. Был февраль, Коля возился с проводкой в новом доме, а она смотрела на тонкую полоску теста на беременность и чуть не плакала. Они, конечно, планировали детишек, да только немного позже. Когда закончат стройку, и станет по-свободнее с финансами.

– Эй, Лисенок, ты чего тут застыла? – В хату заглянул румяный с мороза Николай. – Лесь... Ты что, плачешь?!

– Плачу, – всхлипнула девушка. – Беременная я, Коля. Вот... – прошептала она, протягивая мужу полоску теста.

Николай застыл. Недоуменно посмотрел на протянутый предмет, вскинул взгляд на жену.

– И когда рожать?

– Не знаю, – растерялась девушка. – Нужно подсчитать. В октябре? А какая разница? – Не такой реакции она ждала, если честно.

– Как это «какая», Лесь? Нужно же дом успеть к этому времени довести до ума! Ну, не в хату же эту малыша приносить...

Леся всхлипнула и кинулась в большие надежные руки. Вот она – самая лучшая реакция. Никаких сомнений, только забота об их с ребенком комфорте. Ох, и год тогда выдался! Сумасшедший. Спешка невероятная – только бы успеть. Николай пропадал то на работе, то на стройке. Уставал дико. Приходил домой и падал на кровать без сил. Леся тоже помогала, как могла. Принеси-подай-подержи. Да и много было помощников, все село, считай, подключилось. Может, поэтому и успели к октябрю-то.

Схватки начались неожиданно. На неделю раньше намеченного срока. Они как раз собирали кухню, когда воды отошли.

– Ой, Коля... Началось!

Николай отбросил отвертку. Подлетел к жене:

– Все хорошо, Лисенок. Ты, главное, не волнуйся. Одевайся. А я сейчас машину прогрею, и поедем.

– Да подожди ты, Коль! Мы же еще шторы не повесили!

– Какие шторы?! С ума сошла? Быстро одевайся! Неизвестно, что там на выезде. Сейчас опять все из города на дачи ринутся. Как бы в пробку не попасть. Пятница...

Леся не стала больше спорить. Оделась потеплей, схватила документы:

– Коль, сумку-то взял?

– Взял-взял! Поехали уже скорее!

Леся забралась в машину, муж ее заботливо пристегнул и выехал со двора.

– Не дело это, что мы шторы не повесили, – сокрушалась Леся, отмечая про себя, что схватки становятся чаще.

– Дались тебе эти шторы! Что я – сам порядка не наведу к вашему приезду?!

И правда, – подумала Леся. Ее мужу все по плечу. И порядок наведет, если надо будет, и шторы повесит! И он повесил! И вообще весь дом украсил голубыми воздушными шарами. А на машину наклеил огромный плакат «Еду за сыном». На восхищенные ахи жены и тещи, Николай пояснил:

– Я же без тебя, Леська, чуть с тоски не завыл. Вот и занимался самодеятельностью, чтобы как-то отвлечься.

И Леся кинулась к мужу в объятия и плакала долго оттого, какой он у нее замечательный.

– Эй, Лисенок, ну ты чего? – встревожился Николай. – Не плачь, милая... Вдруг молоко пропадет? Чем обормота кормить будем? – спросил он, едва касаясь сморщенной щеки сына. А она заревела еще сильнее, потому что это было очень

трогательно – его большая заскорузлая ладонь на бархатной щечке их Тимошки.

И начался новый этап совместной жизни. Теперь уже троим. Лесю не коснулась пресловутая послеродовая депрессия. Или некогда ей было в депрессии впадать? Жизнь закружила и понеслась. Тим рос не по дням, а по часам, и был очень похож на папу. У Леси сердце замирало, когда она видела их вдвоем. Из Николая вышел превосходный отец. Заботливый, терпеливый, надежный. Леся вообще жила, как за каменной стеной. Горя не знала со своим мужчиной. Все остальное было незначительным и второстепенным. Они потихоньку обживали дом, в котором поначалу, кроме кухни и манежа, даже мебели не было. Со временем насобирали денег на красивый спальный гарнитур и шикарные диваны. Купили новомодный плазменный телевизор. Поменяли забор...

Леся взялась за репетиторство, чтоб не заскучать, да и у Николая дела шли на лад. В мастерской отбоя не было от клиентов, так что ему даже пришлось нанять двух помощников и оформить частное предприятие. Тут для Леси тоже работа нашлась – она взяла на себя все организационные вопросы и бухгалтерскую отчетность. Ей, как математику, это не составило большого труда. Так и жили.

Когда Тимка немного подрос, вся семья впервые выехала за границу на отдых. И сколько впечатлений осталось от той поездки в Египет! Что говорить о трехлетнем сынишке,

когда сама Леся с восторгом наблюдала и за разноцветными рыбками, подплывающими к самому берегу, и за крабами, и за прочей живностью! А море?! Она никогда раньше не видела такого красивого моря! Синее, кристально чистое и ужасно соленое! Такое соленое, что даже глаза щипали, если в них попадала вода.

– Уложил? – прошептала Леся, откидываясь в плетеном кресле на шикарном балкончике с видом на море.

– Угу, – отрапортовал муж и потянулся до хруста в костях. – Хорошо-то как!

– Хорошо! – согласилась Леся, протягивая мужу бокал красного вина.

Николай уселся рядом, закинул ножки жены себе на колени и уставился на красиво подсвеченный газон с шикарными кустами азалий, которые наполняли воздух своим одуряющим ароматом.

– Хорошо! – повторил муж, проводя большим пальцем вдоль стопы Леси. Потом поднял ножку, поцеловал в щиколотку, прикусил подушечку большого пальца.

– Коль... – прошептала Леся.

– А что? – переспросил муж, притягивая к себе любимую. – Малой спит... Ну, иди же сюда...

И она пошла. С радостью. Потому, что и правда – малой спит, а вокруг нереальная красота и звуки музыки... А еще возбужденный любимый муж, к которому она забралась на колени. И вот он... Такой знакомый, такой родной. Его гу-

бы на ее губах, его руки, исследующие тело. Лямки сарафана приспущены, открывая вид на красивую полную грудь с большими розовыми сосками, подол задран вверх, что позволяет беспрепятственно ласкать тугую горошину клитора. Он изучил ее досконально, но ни в коем случае не пресытился. Он с ума по ней сходил... Спускает свои шорты, отодвигает вбок кружевные трусики любимой. Погружается внутрь, и она медленно раскачивается на нем, доводя их обоих до экстаза.

– Хорошо, – шепчет мужчина, утыкаясь в покрытую испариной шею жены.

– Хорошо, – всхлипывает она, сжимая его внутри еще сильнее.

После этой поездки они каждый год куда-нибудь выбирались. Турция, еще раз Египет, Тунис. Голубой мечтой остается Прага, но совершенно нет времени на все эти заморочки с визами. Тем более, что еще через несколько лет Николай выдает:

– Слушай, Лисенок... А ты мне почему дочку еще не родила?

И правда... Почему? В общем, на повестке дня остро стал вопрос о расширении семьи. Вот только почему-то не получалось. Год бесполезных попыток, а беременности все нет. Тимке уже и в школу скоро, а ни сестрички, ни братика. Леся впала в отчаяние. Каждые месячные встречались слезами. Пока Николай не положил конец страданиям жены:

– Ну, чего ты опять душу рвешь? Ты же не бесплодная! Вон, Тимоха с первой попытки получился. Значит, не время еще.

– А когда оно будет, время? Мне уже двадцать семь!

– А мне тридцать три. Мы молодые люди, – разъярил же не очевидное Николай. – В Европе в этом возрасте еще и не думает никто про детей! А если так волнуешься, то запишись на прием к врачу. Посмотрим, что скажут.

Ничего конкретного им не сказали. Они были полностью здоровы. Николай для спокойствия жены тоже прошел полное обследование.

– Вот видишь? Все хорошо. Будет тебе малыш, когда время придет, – успокоил любимую мужчина, привлекая в свои объятия. – Главное – перестань на этом заикливаться, и все случится!

И ведь случилось! Она забеременела спустя полгода, в очередном отпуске, когда и думать забыла о продолжении рода. Точнее, как забыла? Любовью они занимались постоянно, вот только без навязчивых мыслей: получится зачать или нет? Просто любимый мужчина и страсть, которая вспыхнула с новой силой.

Леся была невероятно счастлива! Просто парила над землей. Тимка тоже обрадовался появлению нового члена семьи. Правда, мечты Николая о дочери не оправдались – им вновь пообещали сына. А Леся, которая просто мечтала еще об одном малыше, даже не расстроилась. Пацан, так пацан.

Вон у них какой мальчишка изумительный подрастает!

Лешка родился в канун восьмого марта. Мартовский кот – так его ласково называли в семье. Ох, и намучались они с ним. У ребенка была страшная аллергия. И лет до двух, пока он не перерос эти процессы, Леся просто с ума сходила. Возможно, тогда их отношения с мужем дали трещину. Возможно, именно тогда возникли предпосылки к его измене! А она и не заметила...

– Позняки. Приехали, – ворвался в мысли голос таксистки.

– Ага. Выхожу, – пробормотала Кристина, роясь в сумочке. – В общем, я тебе свое мнение озвучила, а ты решай. Только время-то идет, Леся! Хоть о детях подумай. Ты же даже алименты не берешь, разве так можно!

– Не нужны мне его деньги! И не были никогда нужны. А детям пусть покупает все, что хочет. Он, вон, Лешке лекарства оплатил и вызов врача.

– Глупая ты! Жаль мне тебя, – сокрушенно покачала головой подруга и вышла на обочину.

Вита тронулась и поехала дальше, отмечая, что за ними практически от самой больницы едет большой сверкающий джип.

– Не отвяжется! – пробурчала Леся, отворачиваясь от окна.

– Ваш? – уточнила Вита, кивая в сторону движущегося автомобиля.

– Был мой... А стал чужой, – убито прошептала молодая женщина.

Она как раз заканчивала урок в девятом «а», когда в класс ворвалась Бубновая Дама. Так у них в селе называли владелицу местной забегаловки. Женщина все время бубнила, то на официантов, то на поваров, то на самих клиентов: бу-бубу. Народ-то к ней привык, и не обижался, а кличка прилипла, и уже никто вспомнить не мог, как звали женщину на самом деле.

– Леся Васильевна... Скорее! Скорей! Там ваш муж... такое!!!

Леся схватилась за сердце, все внутри опустилось вниз и сжалось в тугий узел. Почему-то в голову полезло самое плохое... Ну, а как ему не лезть, когда такое начало разговора?

– С любовницей прямо в гараже шашни затеял! Вы представляете?! Я приехала, чтоб он мотор в моей лошадке посмотрел, а там... Мама дорогая! Разврат! Да идемте же... Скорее! На горячем подлеца поймаете. Может и шалашовку удастся за волосы оттягать, чтоб неповадно было на чужих мужей вешаться! Да чего же вы стоите?!

А Леся и правда застыла, и пошевелиться не могла. Да нет! Привиделось Бубне... Клевета. Чтоб ее Коля, да с другой? Смех! Леся выпроводила нежданную посетительницу, довела до конца урок, записала на доске домашнее задание. И даже осталась заполнить журнал. Неспешно пошла к дому, забрав по дороге из детского сада Лешку. Так с сыном за ру-

ку она и вошла в свой дом. А там он. И ничего бы не было, если бы не глаза его виноватые. Леся захлопнула дверь, опустила бессильно тяжелую сумку с непроверенными тетрадами. Из кухни навстречу выбежал Тимка, который доставал ей уже до плеча. А она стояла, как изваяние. И даже голос куда-то пропал... Просто смотрела в глаза. До рези, до боли, до красных точек...

– Лесь... – прошептал Николай и двинулся было ей навстречу. А она как-то сразу отмерла и выставила руку вперед, останавливая. И головой затрясла из стороны в сторону:

– Нет, Коля... Не подходи.

И он послушно остановился, глядя на нее глазами побитой собаки. Дети непонимающе следили за нетипичным поведением взрослых. Ни тебе поцелуев при встрече, ни вопросов о том, как прошел день... Леся сглотнула, чувствуя, как внутри там, где совсем недавно билось горячее сердце, все камнеет. Обошла мужа по дуге, поднялась на второй этаж. Достала из маленькой гардеробной большие чемоданы, сгрузила первым делом детские вещи, потом свои.

– Лесь... Ты куда? Леся...

Леся не могла с ним разговаривать. Нет, это было совсем не намеренно, не показушно. Она физически не могла! Или боялась... Боялась, что, начав говорить, уже никогда не замолчит, и наговорит сгоряча такого, что детям слышать уж точно не стоит.

– Леся... – без конца повторял Николай. – Лесь...

Под недоуменными взглядами детей женщина застегнула чемоданы, сгрэбла с полочки ключи от новенького джипа, который они взяли в кредит, и вышла на улицу.

– Не уходи, – отчаянно прошептал Николай.

– Мам, мы, что, в отпуск? – удивленно поинтересовался Тим.

– В отпуск, – кивнула головой Леся. – К бабушке, – зачем-то добавила она, загружая тяжеленный чемодан в большой багажник машины.

У нее еще хватило сил на то, чтобы доехать до родительского дома, на то, чтобы выслушать наставления матери, которая рекомендовала не рубить сгоряча... Она даже сумела отогнать машину и вернуть ключи изменнику. А потом из нее, как будто пар выпустили. Леся легла на кровать в своей старой комнате, закрыла глаза и, наверное, если бы не дети, никогда бы их и не открыла. Она как будто умерла.

Безрадостные дни тянулись бесконечно долго. А может, это наступившая зима была виновата? Серость и холод, грязь, которая то замерзала, то оттаивала опять, превращаясь под ногами в коричневую жижу. И постоянные разговоры за спиной. Ей перемыли кости все. Начиная от коллег, заканчивая учениками. Ее не пожалел только ленивый. Правда, была еще одна категория неравнодушных. Те, которые одобряли поведение Николая. Мол, Коля – мужик хороший, правильный, а если загулял, то, значит, был повод.

Сам Николай регулярно приходил мириться. Только Леся

даже слышать его не могла. И не желала знать, как и почему так получилось. А Коля и сам не знал! Вот хоть убейте, не мог понять, как он оказался с другой. Ненастоящей, чужой... Почему? Просто доступная девка, так почему повелся? Кризис среднего возраста?! Что и кому хотел доказать? Николай не знал. Он и не помнил ни лица той... Ни самого процесса. Зато прекрасно помнил большие глаза Леси. Взгляд, который вынул его душу и вывернул наизнанку.

– Дурак ты, Николай, – сплюнул на землю Михалыч – крепкий мужичок, подрабатывающий у него в СТО. – Леська твоя красивая баба. И хозяйственная, и умная. В прошлом году, что тебе сказала? Что шуба ей не нужна, а тебе новая резина не помешает! Вот и где ты еще такую жену найдешь?!

Дурак. Он и сам знает. И места себе не находит, слоняясь вечерами по пустому дому. Еще хоть как-то можно терпеть на выходных, когда дети при нем... А в остальные дни – мрак. Он ни есть не мог без нее, ни спать. А перед лицом все время стояли ее глаза, переполненные болью. А потом они и вовсе стали равнодушными. У него холод по спине пошел от этого пустого взгляда.

– Она-то тебя хоть скалкой отходила? – с надеждой в голосе поинтересовался Михалыч.

– Да ты что, отец... Она же у меня не такая. Это же Лесья...

Незаметно наступил Новый год, только на этот раз у него не было сил украшать дом и елку во дворе огнями. И на-

строения праздничного не было от слова «совсем». Тридцать первого вечером пришел к дому тещи. Потому что не мог по-другому! Потому что ему не давала покоя мысль, что как встретишь Новый год, так его и проведешь. А он не хотел проводить целый год без своей семьи, без своей Леси. Накупил подарков, гостинцев всяких, даже шубу злосчастную купил, на покупке которой они всегда экономили.

– Ну, зачем ты пришел? И праздник нам испортить хочешь? – устало спросила Леся, пока не прибежала детвора.

– Нет... – откашлялся Коля. – Просто, что это за праздник без вас?

Так и просидели за обеденным столом, вымученно улыбаясь. Зато вместе!

Едва пробили куранты, Леся выпроводила его домой. Проводила даже, чтоб закрыть дверь на засов.

– Лисенок... Ну, прости ты меня, дурака. Я ж люблю тебя, сил нет. Сдохну без тебя скоро.

Леся сглотнула. Отвела взгляд, будто бы он чужой!

– Извини, Коля. Не могу я... Прощай.

Он чуть с ума не сошел в эту зиму. Без нее ничего не хотелось. Даже любимая работа не ладилась. Все валилось из рук. А еще на него ополчился Тимка. Видимо, и до него дошли сплетни. Иначе как объяснить, что он напрочь отказался приходить к отцу даже на выходные? И в гараже его больше не видели, хотя до этого десятилетний Тимофей мог пропадать там часами. Увлечение отца передалось и ему.

– Тимка, сынок, привет. Ты чего не приходишь в гараж? У меня там, знаешь, какая тачка сейчас на диагностике!

– Не хочу, – бурчит сын и, огибая отца, идет дальше по улице.

А он стоит, как приклеенный, и поверить не может, что этот хмурый парень и есть его маленький сын. Что же он наделал со своей семьей? Как допустил?!

– Слышал, сынок-то твой младший руку поломал! – сообщил, заходя в гараж, Михалыч.

– Как поломал?

– В саду с качелей пытался выйти в открытый космос.

Николай бросил свое занятие, наспех обтер куском ветоши руки и помчал к машине. Несколько минут, и он уже возле сельской амбулатории. А в ней даже травматолога нет! Зареванный Лешка с опухшей рукой сидит на руках у матери и мужественно пытается бодриться. На Лесе и вовсе лица нет.

– Собирайся. Поехали в город, – скомандовал Николай, сгребая вещи сына с кушетки.

Леся понятливо кивнула и бросилась ему помогать. Они домчали до Киева быстро. Уже через два часа Лешка щеголял с гипсовой повязкой на маленькой ручке и важно заявлял, что он теперь «костяная рука».

– Вот ваш снимок. Через три недели приедете на контрольный. Но осложнений быть не должно, – пояснил уставший врач.

Леся кивнула, забирая документы, и растерянно посмотре-

лась.

– Ну, что, домой?

– И в аптеку.

– Поехали.

Так и жили. Он пытался вернуть семью, а она всеми силами избегала мужа. И вот сегодня, когда нужно было ехать на контрольный рентген и снятие гипса, Леся поняла, что не может больше терпеть! Даже ради детей она не способна больше выносить его присутствие. Туда они еще как-то доехали. Назад... Она оставила Лешку отцу – с ним надежнее, а сама вызвала такси. Еще Кристина некстати встретилась... Все уши ей прожужжала! Не права она, видите ли! А кто прав? Он?!

Вита свернула с трассы на указателе. Еще три – четыре километра, и Калиновка. Проезжает красивые, добротные дома. Села у столицы – это вам не абы что. Все усадьбы, как на подбор. Одна другой краше. Так что неблагозвучное название «село» с этим коттеджным царством вяжется слабо. Может, когда-то это и было село, в полном понимании этого слова, но за последние десять-пятнадцать лет оно превратилось во что-то большее. Стало престижно жить за городом. И люди толпами ринулись скупать хатки по близлежащим околицам. Потом на месте невзрачных хат, как грибы, стали расти элитные поселки. Вот по одному из таких они и ехали.

– Здесь направо сверните, пожалуйста. Ага. А теперь вон тот, дом с красной черепичной крышей.

Вита припарковалась у нужной усадьбы. Леся поспешно расплатилась и выскочила из машины. Тут же неподалеку припарковался тот самый джип. Из него вышел высокий крепкий мужчина. Не красавец, но был бы очень ничего, если бы не так хмурился. Он открыл дверь, помог выйти маленькому мальчику – по всей видимости, их с Лесей сыну, и устремился вслед за женщиной. Вита пожалала плечами и, развернувшись, покатила дальше.

Тем временем события стремительно разворачивались.

– Что это было? – переспросил мужчина, удерживая жену за руку.

– Что именно? – чужим голосом поинтересовалась та, отсылая сынишку к бабушке.

– Почему ты не поехала с нами?

– Не смогла. Извини.

– Леся... Долго еще это будет продолжаться? Я знаю, что виноват. Знаю, но не могу больше так!

– Ах, не можешь? Вот и хорошо, знаешь ли. Поехали!

– Куда?!

– Мне из твоего дома кое-что нужно забрать.

– Нашего дома, Леся! Нашего!

Леся отмахивается от слов мужа и кричит вглубь дома матери:

– Ма-ам, приглянь за мальчишками. Я отлучусь ненадолго.

Они сели в машину и покатали к своему срубу. Всю до-

рогу Леся молчала, будто бы воды в рот набрав. Молчала и смотрела в окно. Ну, чего она там не видела, спрашивается?

Припарковались. Вышли из машины. Леся стремительно направилась к дому. Николай последовал за ней.

– Что ты хочешь забрать, Лисенок? – осторожно поинтересовался он, глядя, как жена роется в верхнем ящике комода.

– Свидетельство о браке. Не помнишь, где оно есть?

– Зачем тебе? – почему-то насторожился мужчина.

– Чтобы подать на развод.

И это слово взрывает тишину дома! Взрывает что-то в его мозгу!

– Развода не будет! – ревет он. И этот крик все-таки заставляет Лесю обратить на него внимание. Потому что он никогда не кричит! Леся даже не была уверена, что Николай в принципе умеет это делать.

– Ты сам сказал, что не можешь больше так. И я не могу. Значит, надо с этим заканчивать.

– Нет! – Еще один рык.

– Да! – кивает Леся и продолжает поиски.

– Я против!

– Ты утратил право голоса, извини! – отрезает Леся, вытаскивая наконец-то злосчастный документ, и, огибая мужа, направляется к выходу. А он не дает! Выхватывает из ее рук свидетельство о браке и отбрасывает в сторону.

– Ты совсем, что ли?!

– Это ты совсем! Перечеркивать все, что у нас было, есть... из-за одной моей ошибки!

Леся буквально осатанела от этих его слов! Или это просто предел наступил?

– Это ты, ты все перечеркнул, не удержав свой хрен в штанах! – зашипела Леся, а потом осмотрелась кругом совершенно дикими шальными глазами. Схватила почему-то стоящий в углу веник.

– Лесь? – изумился Николай. – Лисенок, да я же уже извинился сто раз...

– Ах, ты извинился?! И теперь я, видимо, должна тебя простить, и сделать вид, что не было ничего? – прошипела женщина, приближаясь к мужу. А потом изо всех сил треснула его веником по голове. – Вот тебе мое прощение, вот тебе мои слезы... Паразит! Кот блудливый! – кричала она, хлестая мужчину. – Вот тебе, вот! Чего тебе не хватало? – сквозь слезы закричала она, продолжая наступать.

Николай, который пребывал в состоянии перманентного шока, мог только отступить, пораженный натиском жены.

– Я же все для тебя... Жила тобой... Скотина! Скотина неблагодарная. На молодых потянуло?!

– Лесенька, милая, успокойся. Ты себе навредишь, девочка... – повторял Николай, отступая. – Я только тебя люблю, милая... Ну, не знаю я, как так получилось! – и себе заорал Николай. – Ну, хочешь – на, бей! Все, что хочешь, делай, хоть иголки под ногти засовывай. Только не уходи больше,

Лесь... Я же не могу без тебя.

Коля упал на колени, схватил жену за талию, притянул к себе. Уткнулся носом в живот:

– Прости меня, Лесь. Пожалуйста, милая... Я в жизни никогда больше не заставлю тебя страдать. Я все, что хочешь, для тебя сделаю... Только прости. Нет без тебя жизни.

Лесь безвольно отбросила веник. Невольно опустила руки на широкие подрагивающие плечи.

– Я люблю тебя, люблю... – шептал Николай, целуя живот, руки. – Все, что хочешь, Лисенок, все, что хочешь, только не уходи... – Горький шепот в промежутках между поцелуями.

Она всхлипывает громко. Оседают на пол, прямо перед ним. Утыкается в крепкую шею, которая так знакомо пахнет... Вдыхает полной грудью. И плачет, плачет, плачет... До икоты, до изнеможения! Очищается этими слезами, дезинфицирует нарывающие раны.

– Лесенька моя, Лисенок... – шепчет Николай, целуя соленые щеки, губы, скользя руками по спине, попке, сминая одежду.

Снимает куртку с себя, с жены. Стаскивает через голову свитер, чтобы скорее коснуться телом тела. Какой же он дурак! Понимает в очередной раз, разглядывая совершенное женское тело. То, что только ему предназначено. В котором сосредоточены все его представления о красоте! Взвешивает в руках тяжелую грудь, под его большущие руки выкроенную... Заглядывает в родные глаза. Красные от слез, пе-

реполненные болью. Дурак! Опускает голову, лижет, прикусывает розовые соски.

– Красавица моя. Единственная... Только тебя люблю, Лисенок. Никогда больше! – клянется, и знает, что так и будет! Только для нее он. Навечно! До конца!

Стаскивает штаны, колготы, разводит в стороны стройные ноги. Раскрывает пальцами, скользит языком по сердцевине, вызывая сладкие хриплые стоны. Не выдерживает, закидывает ноги на плечи, погружается до конца. Он скучал по ней! Очень. Начинает размашистые движения, зная, как она любит. Теревит крупными пальцами напряженный бугорок, подталкивая жену к неизбежному. Она кусает его за шею, и зажимает в себе, ритмично сокращаясь. Он кончает глубоко внутри и падает на любимую:

– Люблю тебя.

Через несколько минут Леся приходит в себя. Садится резко на полу, скрещивая ноги:

– Коль... Я же таблетки больше не принимаю! Без необходимости мне, а тут...

– Вот и хорошо! – сыто потягивается мужчина, не в силах поверить в то, что, скорее всего, весь ужас одиночества остался позади. – Дочку-то когда-нибудь нужно будет родить. Ну же, Лесь, иди ко мне...

Леся взвешивает все «за» и «против», вглядывается в глаза мужа... Нелегко простить. Практически невозможно. И забыть вряд ли получится... Только как без него? Зачем? К

тому же, он обещал... А обещания Николай выполняет всегда.

– Никогда больше, Коля. Я не прощу.

– Никогда больше, – соглашается Николай, оплетая руками жену, которую практически потерял.

– Я ничего не обещаю. Только то, что мы попробуем.

– Хорошо, – опять соглашается мужчина.

– Нужно детей забрать... – прошептала Леся.

– Ну, уж, нет. Сегодня пусть у бабушки побудут. Завтра заберем. Сегодня – ты только моя. Сейчас тебе позвоню. Предупрежу.

Нет, все не стало сразу радужно и безоблачно. Измена не проходит бесследно. Просто в один момент Леся поняла, что уже не думает об этом пятьдесят девять минут из шестидесяти, находящихся в часе. Время двигалось вперед, происходили новые события, вытесняющие плохое из головы. Ну и Николай не давал никаких поводов для нареканий. Он окружил ее еще большей заботой и любовью. А когда оказалось, что ночь их воссоединения не минула даром, и Леся опять забеременела, так он и вовсе чуть с ума не сошел. От счастья. Леся оттаивала постепенно. Наблюдая, как муж возится с детишками, как постоянно гладит ее животик, как стремится помочь по дому, чтоб она не так сильно уставала... И как-то однажды, уже родив Надюшку, женщина поняла, что ее отпустило. Совсем. Она подошла к мужу, который укачивал дочь, обняла его со спины и прошептала:

– Люблю тебя.

А он замер под ее руками. Обернулся резко. И такое облегчение в его взгляде было... Такое облегчение! Прижал жену к себе, зарылся лицом в густые русые волосы и расплакался. Как ребенок совсем.

История 3. Ольга и Бахтияр

Распрощавшись с парочкой, Вита заскочила в торговый центр. В туалет хотелось просто смертельно! Справившись со своими делами, и купив баночку йогурта в находящемся тут же супермаркете, женщина снова вернулась к машине. Адрес нового заказа – церковь. Эко ее сегодня заносит, – думала Вита, осторожно отпивая из баночки. Наверное, следующий пассажир будет скучным. Уж точно никаких геев или изменников. И правда, ее ожидала скромная молодая женщина.

– Здравствуйте. Мне на Виноградарь, – негромко проговорила она. И только тут Вита заметила синяки на лице пассажирки. Та неловко поправила повязанный на голове платок и отвернулась к окну. Вита закусил губу, подавляя порыв ярости, и немного более резко, чем следовало, нажала на педаль газа. Пассажирка дернулась и ухватилась за сидение.

– Извините, – пробормотала Вита, все еще силясь взять эмоции под контроль.

– Ничего, – практически прошептала женщина.

Она была бы красива, если бы хоть как-то стремилась подчеркнуть свою красоту. Но никаких следов косметики на лице пассажирки не было. Если не считать пудры и тонального крема, которыми та пыталась замазать побои. Телефон женщины зазвонил. Она испуганно подпрыгнула.

– Баха! – И такая радость в голосе! – Привет. Да, звонила... Я ушла от Владимира, Баха... Да. Еще в начале недели. Нет... Не могла тебя поймать... Прости... Хорошо, – засмеялась пассажирка. – Не буду извиняться. Приехать?! Нет, Баха, я не могу. Ты же только после рейса... Да?! Ладно...

Женщина положила трубку и тихонько пробормотала:

– Планы изменились. Мы не могли бы поменять маршрут?

– Без проблем, – улыбнулась Вита. – Куда едем?

– Мне на Гарматную...

Вита кивнула, вбивая адрес в навигатор. Пассажирка немного расслабилась и снова уткнулась в окно. Ольге было страшно. Она решилась на то, на что, по собственному убеждению, была совершенно не способна. Оля вообще не понимала, откуда у нее взялась смелость отважиться на такое... Уйти. От мужа, с которым она венчалась пять лет назад. В этой самой церкви, от которой они только что отъехали. Мужества в ней никогда не было. Как и силы духа. Она вообще не умела кому-либо противостоять. Будь то родители, подруги, или муж. Именно из-за своей бесхребетности Ольга вышла за нелюбимого, именно из-за нее она чуть было не лишилась самого важного в жизни. Своего Бахи.

Они познакомились давным-давно. На праздничной линейке, посвященной первому звонку. Тогда маленькая Оленька пришла в школу в первый класс. Ее соседом по парте, несмотря на недовольство Ольгиной матери, стал маленький темноволосый мальчик. Бахтияр. Ольгу с ходу заинте-

ресовало такое редкое и невероятно красивое имя, да только выговорить его ей было совершенно не под силу. Она заикалась. Глядя на ее судорожные попытки, Бахтияр щербато улыбнулся и проговорил:

– Называй меня Баха. Так проще.

Этим он ее покори́л. Потому что не стал смеяться, как все другие дети, а просто пришел на помощь. Она влюбилась в него именно тогда, хотя Баха утверждал обратное:

– Нет, Олька... Влюбилась ты в меня, когда я тебе конфеты предложил в неограниченном количестве.

Ольга смущенно смеялась в ладошку, отрицательно качая головой. Да, то щедрое предложение она запомнила навсегда. Как-то раз на переменке Баха угостил ее конфетами. Семья Оли жила бедно, и конфеты она ела редко, поэтому предложение мальчика было таким заманчивым! Особенно, когда он добавил, протягивая горсть шоколадок:

– Бери, сколько хочешь! Мне не жалко. Хочешь... хоть целых две бери!

Целых две – это было так много! Он вообще был очень щедрым, и внимательным, и надежным. Оля бы и вовсе никогда не расставалась со своим Бахтияром, если бы это было возможно. Только ее маме Баха почему-то совсем не нравился. Она называла его странным прозвищем «черный», и каждый раз крестилась при виде мальчишки. Будто бы он был исчадием ада. Только годы спустя Ольга поняла, что ненависть матери была вызвана тем, что Бахтияр был мусульма-

нином. Сама Галина была рьяной христианкой, и в таких же традициях воспитывала дочь. Именно вопрос веры и стал камнем преткновения в их с Бахой жизни.

Они окончили школу ровно десять лет назад. Бахтияр, как и мечтал, поступил в летное училище, Оля – в иняз. Вот тогда-то они и поняли, как невыносимо тяжело порознь. Раньше ребята виделись каждый день, сидели бок о бок, а тут...

– Может, нам пожениться, Оль? – спрашивал Баха, когда им удавалось пересечься в городе.

– Как? Мы не сможем венчаться, Баха...

– А зачем это делать? Распишемся, и все дела. Мои родители нас поддержат.

– И не станут настаивать, чтобы я приняла ислам?

– Не станут. Слушай, Оль, у меня нормальные современные предки... Ты же знаешь...

– Я так не могу, Баха. Отец с матерью не позволят мне жить во грехе. Да мне и самой не хочется.

– Олька, ну, затюкали они тебя совсем. В каком грехе? Мы в двадцать первом веке живем. Ты, что же, и сексом со мной до венчания заниматься не будешь? – улыбнулся он.

Ольга уткнулась ладонями в лицо:

– Нет. Не буду.

– Ты же шутишь, да? – нахмурился Баха. – Нам уже почти восемнадцать.

– Не шучу, – отвернулась Оля. – Я так воспитана. Мой папа – дьякон. Ты себе не представляешь, что начнется, если

станет известно, что я...

– Дело ведь не только в вере, да? Я – татарин. Это тоже делает меня недостойным в глазах твоей семьи?

Оля поежилась. Потому что парень был прав.

– Оля, пойми, ты должна научиться им противостоять. Ради нас. Ради нашей любви.

Девушка это понимала. Но только воспитание не позволяло сделать так, как он говорил. Так и жили. Скрывали свои встречи. И не позволяли себе лишнего. Конечно, для возмужавшего Бахтияра такие отношения были неполноценными. Ольга это понимала. Поэтому даже не обиделась, когда поняла, что у Бахи появилась другая... Та, с которой он удовлетворял свои мужские потребности. Не удивилась, но едва не умерла от боли. Оля даже не стала предъявлять никаких претензий. Не имела права. С виду в их отношениях ничего не поменялось, и в то же время изменилось все. Она едва дышала, едва жила... И однажды Ольга поняла, что не может так больше. Не может делить его с кем-то, но в то же время не может заявить на него свои права. Существует тысяча преград, из-за которых они никогда не смогут быть вместе. Зачем продлевать агонию?

– Оленька, пойдем сегодня к нам? Мама беляши твои любимые нажарила...

– Нет, Баха... Уже пост начался. Нельзя мне беляши. Ты лучше свою девушку позови. – Ольга впервые заговорила с Бахтияром об этой стороне его жизни. Он застыл. Отвел

неловко глаза:

– У меня одна девушка. Это – ты.

– Нет, Баха. Я давно уже не одна.

– Оль...

– Не нужно, Баха. Нам вместе не быть, разве ты ещё не понял?

– Нет!

– Да, Бахтияр, да... К сожалению. Но мы можем быть друзьями. Самыми лучшими.

– Ты сама в это веришь?

– Верю. Это единственный выход, чтобы не потерять друг друга.

У них ничего не вышло. Потому что сказать легче, чем сделать. Потому что чувства никуда не делись. Потому что мозг бессилён в сердечных вопросах. Им не удалось отстраниться, перебороть себя. Даже когда Баха стал встречаться с другой, даже когда Ольга под давлением родителей вышла замуж. Душа рвалась на части, а сердце обливалось кровавыми слезами. Ведь все было не так! Чужой, незнакомый мужчина. Чужие холодные руки... Она с трудом выносила мужа. Терпела его требовательные касания и ласки, каждый раз ломая себя. Она колени в кровь стёрла в попытке вымолить у господина прощения за своё недостойное поведение. Каждый день умоляла вразумить ее и наставить на путь истинный. Но ничего не помогало. Она любила! Остро, отчаянно, безысходно. Мучилась, страдала, не в силах переломить се-

бя. Больше всего на свете Ольга хотела забыть свою любовь. Но в то же время она так боялась, что это случится! В те дни Оля не свихнулась только потому, что Баха был рядом. Он был везде... В коротких сообщениях: «Доброе утро. Не забудь надеть шапку», в стаканчиках кофе, которые посыльный каждое утро приносил ей на работу, в коротких телефонных разговорах, и ещё более коротких встречах, на которые она приходила тайком. Он был глотком свежего воздуха, светом, счастьем... Он был спасательным кругом, который держал на плаву. Особенно, когда Владимир стал проявлять своё истинное лицо.

Это началось внезапно. Или она, видимо, не замечала предпосылок? Просто в один из дней, спустя полгода после венчания, муж попросил удовлетворить его ртом. Ольга отказалась. Сама мысль об этом ничего, кроме отвращения, не вызывала. Она и без того едва терпела его домогательства. Владимир же после этого как будто взбесился. Оттолкнул её резко, так, что Оля не удержалась на ногах и упала, а потом изнасиловал:

– Вот тебе, рыба замороженная! Учись мужика удовлетворять! – рычал он, вбиваясь сзади.

После этого Ольга стала молиться ещё усерднее, ещё старательнее! Ведь это она и только она во всем виновата! Она не должна любить другого! Не должна!!! Оля прекратила общение с Бахой. Сосредоточилась на семье. Каждый день убирала, готовила, пекла пироги. Вот как приходила с работы,

так и начинала... А потом, полумертвая от усталости, удовлетворяла нелюбимого мужа. Но лучше не становилось.

– Ну что... Опять не кончила?! Вот поэтому ты и не беременеешь, рыба замороженная!

Оля действительно не могла зачать, несмотря на то, что с самого начала семейной жизни они не предохранялись. Видимо, это была её кара за нелюбовь. Она и у врача была, но там сказали, что с нею все в порядке, и тревогу бить рано. А ведь ей так хотелось маленького... Чтобы ему всю себя посвятить, отдать всю любовь свою нерастраченную!

Она как раз возвращалась от врача, когда ее подкараулил Бахтияр.

– Оля, объясни мне, что происходит? Ты куда пропала?

Женщина прошла мимо, опустив голову, не в силах посмотреть в любимые глаза.

Баха схватил ее за руку, развернул резко и охнул:

– Что это у тебя? – сипло поинтересовался он, проводя по ликовому синяку на скуле.

– На дверь натолкнулась... – прошептала Оля, отводя глаза. Врать она не умела в принципе. Врать Бахе – тем более.

– Это он, да? Он?! – заорал мужчина.

– Не кричи, – попросила Оля, закрывая лицо ладонями. – Не кричи, пожалуйста... И не ищи меня больше. Никогда... – Развернулась, прошла мимо. Умирая. Не в силах сделать следующий вдох. Не в силах нести свою ношу, и не в силах ее бросить... Бахтияр двинулся следом:

– Он не стоит тебя, Оля! Он ведь даже не любит, так почему?! Ради чего ты это терпишь?!

– Это мой крест.

– Крест?! Так брось его! Оставь на обочине жизни! Разведись... Я же все для тебя... Я ведь жизнь отдам, Оля!

– Я не могу, Баха. Мы венчаны. Это навсегда.

– Да очнись же ты! Жизнь одна... В угоду кому ты ее проживаешь?!

– Тебе не понять.

Она ушла. Развернулась и пошагала вдоль по улице. Как робот, как кукла заведенная, в которой не было жизни. А Баха смотрел ей вслед и ничего не мог сделать. Он так устал... Устал бороться за их любовь. Да и смысла в этой борьбе не было никакого. Он заведомо проиграл.

В следующий раз они встретились только спустя два года. Самолет Бахтияра совершил экстренную посадку в родном аэропорту. Отказало шасси, и им с командиром корабля едва удалось посадить машину. Его первая серьезная внештатная ситуация. И Оля, которая примчалась в аэропорт... Неизвестно, что его подорвало сильнее... Близость смерти, или ее родные, полные слез, глаза.

– Баха... Баха... Живой... – повторяла она, шаря руками по его форме, обхватывая скулы, заглядывая в глаза... – Хороший мой... Живой... Слава тебе, Господи. Баха... Мой Баха...

Олю трясло, как в лихорадке. Сознание уплывало. Она во-

обще не помнила, как оказалась в зоне прилета. Помнила только, как услышала по радио экстренные новости об аварийной посадке борта Бахтияра, и все... провал. Полная амнезия. И вот уже он... живой и здоровый. Родной. Любимый до боли. До слез... Господи, сколько их было пролито без него? Море... А сколько еще предстоит пролить? Океан... Но сейчас, не в силах остановиться:

– Любимый мой, Баха... Слава тебе, Боже... – Обрывки признаний, вперемешку с бессвязными молитвами. – Мать Божья, сохрани под покровом своим...

– Оля... Оленька. Ну, не плачь, милая... Все же хорошо.

– А я чувствовала, Баха, чувствовала, что что-то не так!

Вот как тогда, когда ты на экзамене провалился... Только во сто крат сильнее тревога... И молитвы мои не уберегли... А я молюсь, знаешь? Все это время молюсь за тебя...

– Уберегли. – Шепот в макушку. – Только они и уберегли, милая.

– Правда?

– Меня любовь твоя уберегла.

А потом они сидели на лавочке возле D-терминала и умывались слезами, захлебывались словами, тонули в любви.

– Я ни на секунду тебя не забывал.

– И я не забывала. Это невозможно, Баха. А я ведь так старалась. Отпустить... Но без тебя ничего не выходит. Понимаешь? Без тебя я как будто сама исчезла, и не осталось ничего. Пустое место.

– Оленька моя... Оля... Уходи от него. Уходи!

И она ушла. Тогда... Два года назад. Баха дал ей возможность пожить в его квартире. А сам перебрался к родителям. На время, конечно. Пока Ольге не удастся оформить развод. А она вроде бы и решилась уже. И в ЗАГС сходила узнать, что к чему. Да только не суждено им тогда было вместе остаться. Вечер... Звонок в дверь. На пороге симпатичная девушка. Удивленная, не меньше самой Ольги:

– Здравствуйте. А Бахтияр...

– В рейсе.

– Да? Так сегодня же не его график.

– Попросили подменить, – пожала плечами Ольга, вытирая руки о подол.

– Господи... А я только на разговор настроилась...

– А разговор не подождет до завтра?

– Ох... Не хотелось бы мне затягивать... Да что поделать?

– Может быть, ему что-то передать?

– Нет. Это личное...

Девушка развернулась и ушла, а Ольга потеряла покой. Ее сковал страх. Ожидание чего-то страшного и неизбежного.

Начало конца она прочитала в глазах любимого:

– Оля... Та девушка, что приходила вчера, Лера... Она беременна. Мы встречались до тебя и...

Оля схватилась за горло, будто бы в попытке избавиться от удавки, которая все сильнее затягивалась на шее...

– Оля, я ей все объяснил, так что ты не переживай...

– Что объяснил? – прохрипела молодая женщина.

– Что между нами ничего не может быть! Да она и сама рожать не хочет. Ей двадцать лет всего...

Ольга буквально упала в кресло. Сделала пару судорожных хриплых вдохов. Как утопленник, которого все-таки спасли:

– Не смей, Баха! И ей не давай... Это смертный грех. Не бери на душу.

И все... Вот так просто, и так сложно. Ольга съехала в тот же вечер. В первый попавшийся клоповник, который можно было снять прямо сейчас. Бахтияр противился, кричал, умолял, но в глубине души понимал, что все... это конец. Так и было. Его свадьба, ее уход. Бахе казалось, что его жизнь необратимо изменилась. Только работа была спасением. Когда он находился вдали, то можно было всегда представить, что дома его ждет она... Оля.

Баха так и не смирился с тем, что ему пришлось пожертвовать любовью ради ребенка. Он смотрел на огромный живот жены и абсолютно ничего не чувствовал. Мать, с которой он всегда был близок, говорила, что это не навсегда, что скоро все изменится, и любовь возьмет свое. Но этого так и не случилось. Дочь Бахтияра погибла в родах, не оставив ему никаких шансов. Баха винил себя в гибели ребенка. И эта вина тяжелой плитой пригвоздила его к полу. Его самобичевание подпитывала жена:

– Это из-за тебя все! Ну зачем... зачем ты вынудил меня

рожать? Тебе это было не нужно. А мне сломало жизнь. Я ведь полюбила дочь, в отличие от тебя, а теперь вынуждена ее хоронить.

– Прости, Лера. Прости... – Только и мог выдать из себя мужчина.

Жизнь катилась в какую-то бездну. Только работа шла на лад, его допустили к международным рейсам в качестве второго пилота, поэтому Баха все реже бывал в родных краях. Он даже не сразу заметил, что Лера ушла. Вернулся после очередного рейса, сразу же лег спать, и только на утро увидел, что в шкафу нет вещей жены. Они развелись тихо. Без скандалов и взаимных упреков. Молча. Да и не было у них общих тем для разговоров.

Баха не мог понять, чем провинился перед небом. За что оно каждый раз его наказывает? А Оленьку за что? Она-то вообще практически святая. Так почему они вынуждены проходить все круги ада? Еще здесь... на земле? За чьи грехи им выставили счет?

Спустя несколько месяцев после похорон Баха узнал, что Ольга вернулась к мужу. Но больше всего его напугало даже не это. Она вернулась к мужу после того, как ей отказали в постриге. Оля хотела уйти из мирской жизни. Только тогда Баха понял, что все то, что их разъединяло до этого – было поправимо. Необратимый конец наступил бы, если бы Оля ушла в монастырь. А пока этого не случилось, у него была, по крайней мере, надежда.

Сама Ольга после возвращения к мужу не жила вовсе. Ее существование заключалось в молитве и работе. Если она не молилась, значит, работала. Только так, загоня себя до полусмерти, можно было ни о чем не думать, а просто делать следующий вдох. Если бы грех самоубийства не был настолько тяжким, Оля, наверное, и не жила бы. Ей бы хватило духа прервать собственный бессмысленный полет... Хотя, чем Ад библейский может быть хуже того чистилища, в котором она жила сейчас? Разве хуже вообще может быть? Ей порой казалось, что нет. Боль постоянная, ноющая, изматывающая. Когда засыпаешь и просыпаешься с щемящей резью в душе. Когда ты настолько исстрадался, что хочется только одного – забвения. Это как будто затяжная болезнь, когда от боли ничего не помогает, и единственным желанием человека становится смерть. Когда он ждет ее, как чуда, как благословления...

На фоне душевного Армагеддона, все остальное казалось абсолютно несущественным. Например, то, что Владимир стал снова ее избивать. Ольга даже научилась находить в этом положительные стороны. Ведь боль физическая иногда перекрывала душевную боль, и это было счастьем. Короткая передышка. Обманчивое ощущение исцеления...

А потом они снова встретились. На похоронах своей первой учительницы. На руке Бахтияра не было кольца. Это первое, что отметила Ольга, когда увидела его. Рассердилась на себя. Вышла из душевной квартиры. Баха догнал ее уже возле

остановки.

– Оля!

– Привет, Бахтияр, – вымученно улыбнулась она.

– Привет... Как жизнь?

Господи... Вопрос – хуже не придумаешь. Как издевка, практически. Не знала бы она Баху настолько хорошо, действительно бы подумала, что издевается.

– Как видишь. Жива и здорова.

– Оля... Давай пойдем в кафе... Помянем Нину Павловну.

И поговорим заодно.

Предложение было очень заманчивым. Побывать с ним хоть полчаса. Изучить заново, запомнить новым, повзрослевшим...

– Я спешу.

– Я не отниму много времени.

Он был настойчив, а Ольга так и не научилась быть сильной. Поддалась... Пошла рядом с ним вдоль по улице.

– Ты чем сейчас занимаешься? Где работаешь?

Баха знал, что после их последнего расставания Ольга уволилась с прежнего места работы.

– Занимаюсь все тем же – переводами, только фирма немного другой направленности. Пришлось подтянуть технический английский.

– А я сейчас летаю в Европу.

– Я знаю. – Шепот, как шелест. Интересно, она еще молится за него?

Он не решился спросить. Открыл дверь в кафе, пропуская спутницу вперед. Только сидя напротив нее за маленьким круглым столом, Баха заметил, насколько она изменилась. Постарела, осунулась. В густых русых волосах появились тонкие серебряные нити. А ведь ей было всего двадцать семь! Нет... Он все-таки спросит.

– Оля, ты молишься за меня?

– Да. О тебе, твоем ребенке и всей твоей семье.

– Мой ребенок умер в родах. Ты молишься за упокой?

Глаза женщины широко распахнулись и тут же наполнились слезами. Как он и думал, она ничего не знала. Откуда?

– Баха... Мне так жаль. Сколько боли... За что? – Видимо, не он один постоянно задается этим непростым вопросом.

– Я один уже почти полтора года.

– А Лера?

– Мы развелись практически сразу же. Я никогда и никого не любил, кроме тебя.

– Баха... – выдохнула Оля, испуганно пряча глаза.

– Оля... Я прошу тебя, если твои чувства хотя бы на сотую долю так же сильны, как мои... Уходи от него. Умоляю. Мы поженимся сразу же. На этот раз не будет никаких сюрпризов. У меня не было никого после развода... Оля, уходи от него... Мы же умираем друг без друга. Умираем, Оля...

Она прикрыла глаза. Официант, принесший их заказ, предоставил ей немного времени, чтобы взять под контроль бушующие эмоции. Она не могла больше так. Или к нему,

или в петлю. И первое – намного меньший грех.

– Хорошо.

– Хорошо? – изумился Баха. Вот так просто? Он не ожидал. Настроился на грандиозный бой за право быть счастливым.

– Я уйду. И подам прошение на расторжение церковного брака. – Ольга встала. Решительная, как никогда. – Я позволю тебе сразу же, как сделаю это. До встречи.

Вот так просто. Она развернулась и ушла. А Бахтияр сидел, и не мог понять, то ли это было на самом деле, то ли ему привиделось. В реальность происходящего верилось с трудом. А потом он заплакал...

Громкий гудок машины вернул Ольгу в реальность. Она стряхнула с себя воспоминания и осмотрелась по сторонам.

– Совсем немного осталось, и такая пробка! – сокрушалась симпатичная женщина-водитель. – Авария впереди.

– Лишь бы все целы были. А мы подождем.

– Да... – согласилась Вита, бросая неловкий взгляд на пассажирку.

Ольга догадывалась, что так смутило ее водителя. Идею развода Владимир воспринял в штыки. Результаты его негодования сейчас «украшали» лицо женщины, заставляя большинство людей неловко отводить взгляд. Люди вообще предпочитали делать вид, что не замечают такого... Так проще жить. Хотя Оле грех жаловаться, она сама позволяла так с собой обращаться. Но не теперь. В этот раз она зафиксиро-

вала побои. И обратилась в полицию. Только таким образом ей удалось заставить бывшего мужа не затягивать процесс развода, а сделать все быстро в отделении ЗАГСА. Прошло меньше недели между ее уходом и самим разводом. А сегодня она и вовсе подала церковное прошение! Как решилась только?! Где набралась мужества? Наверное, боль, как панацея, излечила что-то в ее мозгу! Заставила быть более сильной. Научила бороться за свое счастье.

Телефон Ольги снова зазвонил. Баха!

– Оленька, а ты скоро разведешься?

– Уже развелась, – улыбнулась Оля такому нетерпению.

– Уже?! – закричал Бахтияр. И даже таксистка вздрогнула от его ора.

– Не кричи, Баха. Я развелась вчера. А сегодня подала прошение в епархию. Я же говорила, что позвоню, когда все решу. Я решила.

На том конце провода замолчали. Видимо, и для Бахтияра такая изменившаяся Оля была в новинку. Ему нужно было время, чтобы привыкнуть.

– Оля... Ты на такси?

– Да, уже подъезжаем.

– Не отпускай водителя! Мы поедем жениться! Прямо сейчас!

– Как жениться... Нужно ведь заявление подать и...

– Ничего не нужно, Оля! Ты разве не слышала, что теперь в столице действует программа «брак за час»?

– Нет. Не слышала... – растерялась Ольга.

– Сейчас можно расписаться сразу же. И получить свидетельство! У тебя документы с собой?! – вдруг забеспокоился Баха.

– Да... Я ведь в Епархии их предоставляла...

– Вот и хорошо! Оля, никуда не отпускай водителя! Я найду свои документы и выбегу вам навстречу. Ты меня слышишь?!

– Бахтияр, – вдруг улыбнулась Ольга, – тебя слышат даже на Луне.

Все еще улыбаясь, Оля повернулась к водителю и поинтересовалась:

– Девушка, вы не могли бы нас еще до ЗАГСа подкинуть? Что-то планы сегодня меняются со скоростью света...

За милое «девушка» Вита готова была подкинуть брачующихся хоть на Луну, выражаясь словами пассажирки. Давненько ее так не называли! Все больше противное «женщина». Вот, ей богу, она ненавидела это слово! Нужно было его запретить на законодательном уровне!

Когда они, наконец, подъехали к месту назначения, жених уже места себе не находил!

– Ну, наконец-то, Оленька! – Он открыл дверь, сгреб пассажирку с переднего сидения, закружил в объятьях. Вите оставалось только смотреть и завидовать такой любви. Наконец, парочка устроилась на заднем сиденье.

– Нам на улицу Леси Украинки, 1. Документ-центр, зна-

ете?

– Знаю – знаю, – улыбнулась Вита.

Оля уткнулась в шею Бахтияра, не в силах поверить, что они действительно делают это! Едут жениться! Ей почему-то казалось, что все сорвется, у них потребуют какие-то дополнительные справки, или еще что-то... Ну, не может все пройти настолько гладко... Но нет, когда милая девушка-таксист высадила их в нужном месте, все случилось без сучка без задоринки. Немного шокировал размер государственной пошлины «за срочность», а так все прошло просто отлично. Уже через пару часов они вернулись в дом Бахи мужем и женой. Впрочем, теперь это был их общий дом. Не верилось. Совсем. Хотелось убедиться в реальности происходящего... Они потянулись друг к другу одновременно. Из-за холодности Владимир называл ее замороженной рыбой – вспомнилось некстати.

– Оленька... Что-то не так? – Черный взгляд Бахи сосредоточился на жене.

– Баха... Я... он... заставлял меня делать такие вещи... А мне не нравилось. Совсем.

Баха прикрыл глаза. Если бы мог – убил бы. За ее синяки, которые она старалась скрыть, за все то, что он заставил ее пережить...

– Со мной ты будешь делать только то, что тебе самой захочется. Договорились?

Она неловко кивнула и потянулась к губам. Мужчина от-

ветил на поцелуй, аккуратно обнял жену, провел руками по спине, бедрам, обхватил грудь. Баха всеми силами сдерживал свой горячий темперамент, чтобы выполнить обещание, чтобы ничем не обидеть любимую, и в какой-то момент понял, что Оля расслабилась, что происходящее не вызывает в ней никаких негативных эмоций.

– Можно, я тебя раздену?

– Да...

Одежда исчезает. Перед ним она. Худенькая, красивая. С небольшой мягкой грудью, стройными ногами и абсолютно плоским животом, розовая от смущения.

– Люблю тебя, девочка моя. Всю жизнь только ты в сердце.

– И я люблю. – Едва слышный шепот.

Гладит ее осторожно. Боясь спугнуть. Сначала грудь, сосок. Внимательно следит за реакцией жены. Обхватывает снизу, всасывает вершинку. Она всхлипывает. Испугавшись своей реакции, прикрывает ладошкой рот.

– Нет, милая. Не нужно, – прошептал Баха, отводя руку от губ. – Если хорошо, не сдерживайся... Это так красиво.

Оля прикрывает глаза. Стыд не уходит. Но ей так хорошо! Бахияр продолжает ласку, сосет ее, как младенец, которого она так и не смогла родить... Ольга отсекает от себя все лишние мысли. Не дает им испортить момент долгожданного воссоединения с любимым. И не замечает, как его пальцы оказываются там... Широко распахивает глаза. Он укладывает ее на кровать, но сам не ложиться. Так и про-

должна сидеть у нее в ногах, поглаживая розовые складки. Ольга опускает взгляд. Она непривычно налилась, набухла... там. И стала ужасно мокрой. Ее влага блестит на его смуглых пальцах, заставляя Олю смущенно отвести взгляд. А потом Баха накрывает ее губами, и она забывает обо всем. Тонет в неге. Испытывает свой первый в жизни оргазм. Умывается слезами, потому что ей до слез хорошо. Хочется ему вернуть ласку, тянется к большой напряженной плоти.

– Нет, Оленька. Потом. Сейчас я не выдержу...

Погружается в нее толчком. Теряется в ощущениях. Как долго он ждал... Как бесконечно долго. Он кончает практически мгновенно, и даже не может сказать, испытал ли оргазм. Факт того, что это, наконец, свершилось, доставляет гораздо большее удовольствие, чем сам процесс. Они насладутся позже... А сейчас душевное перекрывает телесное. Вообще все перекрывает... Как покрывалом окутывает их двоих. И кричать на весь мир хочется, потому что она – его!

Совместная жизнь захватывает. Оля хорошеет. Оттаивает. Расслабляется. Идет в салон красоты, приводит в порядок волосы, закрашивает седину. Ей не хочется, чтобы Баха каждый раз вспоминал их нелегкое прошлое, глядя ее по волосам... Даже не расстраивается, когда снова приходят месячные. Только немного жаль, что на эти дни останется без ласки мужа. Она уже так к ней привыкла... Как только раньше жила? Вообще это правда, что к хорошему привыкаешь быстро. Например, к завтраку, который каждый раз встре-

чает ее в кухне. Баха даже учел, что в среду и пятницу она постится, и в эти дни готовил для нее разрешенные блюда. Печеные яблоки. Или тыкву, или овощной салат. Она не ела много на завтрак. Рецептами сына снабжала счастливая мать. Вот кто действительно обрадовался их браку! Шикарная све-кровь досталась Ольге. Понимающая. В отличие от Айгуль, родители Ольги Баху так и не приняли. Но она была к этому готова, поэтому их решение никак на Олю не повлияло. Они пересекались в церкви время от времени, разговаривали... Но на этом все и заканчивалось.

– О чем задумалась, милая? – прошептал муж, оплетая ее тело руками.

– Сегодня я получила ответ на свое прошение. Я свободна, Бахтияр. Теперь уже окончательно свободна.

Он выдохнул украдкой. Иногда мужчинам тоже нужно выдохнуть... Он так боялся, что прошение Ольги не удовлетворят! Зная ее настолько хорошо, Баха не мог не понимать, что в таком случае она не сможет быть абсолютно счастливой. И как же было хорошо, что ее прошение все-таки удовлетворили!

– Вот и хорошо, Оленька. Вот и хорошо.

– Да, – прошептала любимая, потираясь носом о его шею.

Баха не сдержался, набросился на сладкие губы. Хоть Ольга и была несколько скованной в постели, ни с кем больше он не испытывал большего удовольствия. Ни одна женщина не давала ему и сотой доли того, что давала жена. Ему

даже нравилась ее девичья скромность. Поэтому Баха даже удивился, когда жена щелкнула пряжкой ремня и стащила с него штаны.

– Оль... Что, уже закончились? – недоуменно спросил Баха.

– Нет... Я по-другому хочу. Можно? Не хочу плохое помнить...

Бахтияр прикрыл глаза, потому что в голове опять возник план убийства скота, который долгие годы топтал Олю.

– Можно, Оля. Если ты хочешь.

Она хотела! Ведь это был Баха. Ее муж. Ее любимый. Не может быть греха в любви, чтобы ей ни говорили! Как бы ни убеждали в обратном...

Опустилась на колени, извлекла набухший член. Коснулась губами влажной головки. Лизнула. Он застонал, погружая руки в ее шикарные волосы, боясь пошевелиться. Оля осмелела, сделала несколько пробных движений головой, нашла нужный ритм.

– Оля... Оленька... Сильнее, девочка.

Она поняла. Уже через несколько минут он взорвался в собственный кулак, едва успев выскользнуть изо рта. Почему-то даже мысли не возникло кончить в него. Это было кошунством.

– Люблю тебя, Оленька. Иди ко мне.

Так и жили, купаясь в любви и счастье. Строили планы на будущее, обсуждали отпуск, в который Баха обещал свозить

Олю в Грецию. А еще гуляли по весеннему Киеву, вдыхая непередаваемый аромат цветущих каштанов.

– Что-то в этом году они слишком распахлись, – заметила Оля, забавно морща нос. Она была очень хорошенькой и юной в модных джинсах и тонкой ветровке. Девчонка совсем...

– Да, вроде, как обычно, – пожал плечами Баха, и тут же притянул жену к себе.

– Ну, раз ты так говоришь, то поверю, – улыбнулась Оля, с интересом разглядывая машину «кофе на колесах».

– Тебе макиато, как всегда?

– Не-а... – скривилась женщина. – Оно так воняет...

– Кофе воняет? – неподдельно изумился Бахтияр.

– Не... Молоко.

– Я ничего не чувствую, Оль. Ты не беременная, часом?

Оля остановилась резко. Маленький рюкзачок выпал из рук. Она как-то совсем перестала следить за своим циклом. Счастливая жизнь не оставляла на это времени... Баха поднял упавшую вещицу, поймал взгляд жены.

– Так... Пойдем-ка.

– К-куда? – Оля уже давно не заикалась, но сейчас все опять вернулось...

– Здесь в двух кварталах есть клиника. Проверимся.

Оля семенила вслед за мужем. Надежда. Вот, что удерживало ее на ногах. Если бы не это, и не крепкая рука мужа, она бы просто упала.

– Здравствуйте. Нам срочно нужно удостовериться, что моя жена беременная, – оповестил Баха всю регистратуру. Девочки-администраторы переглянулись и одновременно растянули губы в улыбке.

– Минуточку. Мы сейчас все быстро оформим. Присяжайтесь.

Карточку оформлял Бахтияр. Оля впала в ступор. Она даже дату своего рождения не могла вспомнить! В кабинет врача муж буквально втащил ее на себе. Ноги отказывались подчиняться.

– Ну же, милая... У нас так ничего не получится. Вам следует немного расслабиться.

Да уж, не мешало бы. Ольга так дрожала, что даже гинекологическое кресло ходило ходуном. Баха сжал руку жены, делаясь с ней своей силой.

– Ну, что ж... Беременность у вас наступила, совершенно однозначно. Сейчас посмотрим на УЗИ и узнаем детали, – улыбнулась доктор.

Легче сказать, чем сделать. После слов врача Олю накрыло по новой. С ней случилась настоящая истерика. У нее совершенно не получалось взять себя в руки. Она плакала в руках мужа и бесконечно повторяла:

– Спасибо... Спасибо вам большое, доктор...

За что она благодарила женщину, понять никто не мог. Разве что за хорошие новости, которые только подтвердились после проведенного УЗИ. Оля была действительно бе-

ременна!

История 4. Савва и Малика

Новый вызов, и снова больница. Уже второй раз за день. А там – фиг припаркуешься, да и вообще... Пассажиров приходится немного подождать. Вита успевает обновить помаду на губах и пройтись щеточкой по густым бровям. Наконец из-за ворот выходит красивая пара. Маленькая ладная женщина с явно азиатскими корнями и солидный мужчина-блондин. Он заботливо открывает дверь для своей спутницы, и только после этого усаживается сам.

– Нам на Шолуденко, будьте любезны. – Голос мужчины хриплый и очень уставший. Он откидывает голову на подголовник, прикрывает глаза. – Малика, пристегнись.

– Не бережешь ты себя, Савва, – тихонько замечает восточная красавица, безропотно пристегиваясь. А потом проводит ласково рукой по мужской щеке с белесой частой щетиной. Мужчина перехватывает ее ладошку с обручальным кольцом на пальце, целует запястье, парируя:

– А ты, стало быть, бережешь? Кто мой главный помощник, ммм?

– Я всего лишь медсестра, – улыбается Малика. – Впрочем, ты прав. Мы не бережем себя оба.

– Всего лишь медсестра, – передразнил жену Савва. – Да я бы в жизни без тебя не справился, и что только делать буду, когда в декрет уйдешь?

Малика меняется в лице, прижимает ладонь ко рту. По всей видимости, мужчина очень настроен на свою жену эмоционально, потому что даже с закрытыми глазами улавливает перемены, происшедшие с ней. Поворачивает медленно голову, приоткрывает один глаз:

– Ну, ты чего?

А она смотрела на него и молчала, не в силах поверить, что он действительно заговорил о детях. Малика и не надеялась уже, что это когда-нибудь случится. Ей было тридцать шесть... Ему сорок два. Они были женаты два года, она любила его всем сердцем, но не смела мечтать, что Савва захочет детей. Он был тем, кого в современном мире называли чайлдфри. По крайней мере, сама Малика и все их окружение считали именно так. Да и образ жизни, который они вели, меньше всего располагал к детям, но...

– Савва... Ты... Ты что, ты, правда, хочешь ребенка?

Вита замерла вместе с пассажиркой. Напряженность момента передалась и ей. Савва властным жестом провел по щеке жены, прижал пальцем красивые губы. Его взгляд стал тяжелым и очень горячим:

– Хочу. Очень.

Малика прикрыла веки. В глазах щипало. Когда они поженились, женщина и подумать не могла, что все будет так. Она даже мечтать о детях не смела. Все началось два года назад, когда заведующий отделением, в котором она работала медсестрой, вызвал ее на ковер:

– Добрый день. Вызывали, Савелий Игнатьевич?

– Вызывал, – кивнул мужчина, устраиваясь поудобнее в кресле. – Присаживайтесь, Малика.

– Что-то случилось? – негромко поинтересовалась женщина, разглаживая складки безупречно белого халата.

– Ко мне попало Ваше заявление на увольнение.

Малика опустила глаза.

– Вы не могли бы это как-то прокомментировать?

– Прокомментировать? Зачем?

– Затем, что я лишаюсь опытного члена своей команды. А вы даже не удосужились поставить меня в известность заблаговременно.

– Извините. – И снова глаза в пол. – У меня заканчивается срок действия вида на жительство. Поэтому увольнение неминуемо. Мне пора возвращаться домой.

Малика говорила правду. Она сознательно не стала продлевать срок действия своих документов. Не могла больше выносить сплетни коллег, их осуждающие взгляды... И без того полтора года терпела.

– Как уезжаете? Зачем? – немного растерянно переспросил Савелий Игнатьевич.

– Говорю же – заканчивается срок действия документов. Я иностранный гражданин, – зачем-то пояснила Малика.

Заведующий встал из-за стола. Отошел к окну. Если бы женщина его не знала, то подумала бы, что он всерьез занервничал. Да только не могло такого быть. Рослов был невозмож-

тимым и властным. Именно эти качества заставляли Малику млеть от одного его вида, когда она только пришла к нему на работу пять лет назад.

– Так почему ты не продлила документы? – немного резко спросил он, вытаскивая сигарету из пачки. Малика удивленно уставилась на начальника. Во-первых, он впервые перешел на «ты», а во-вторых, решил закурить в кабинете. Это было нарушением всех неписаных правил.

– Не посчитала нужным. Я не могу больше работать в этом коллективе.

– Почему? – уточнил Рослов, выдыхая дым в приоткрытую форточку.

Малика снова опустила взгляд. Он, что же, хочет, чтобы она озвучила очевидные вещи?

– Вы не можете не знать, что творится в коллективе. Значит, в курсе, как ко мне относятся.

– После той истории с изнасилованием?

Женщина сжалась. Ее взгляд будто бы прирос к полу. К горлу подкатила тошнота. Насилие – это самое худшее, что может случиться с человеком, но Малику подкосило нечто другое. Ее насильник оказался сыном очень влиятельных родителей. Женщина и сама не поняла, как им удалось все перевернуть, но уже через несколько дней она из жертвы превратилась в обвиняемую. Адвокаты этих людей смогли получить доказательства посещения ею довольно специфического тематического клуба. Малику обвинили в том, что она,

потакая своим извращенным сексуальным фантазиям, сама спровоцировала несчастного парня, совратила его и теперь пытается очернить, вымогая крупную сумму денег. Она пыталась что-то доказать, бродила по властным кабинетам, но так и не добилась справедливости. Ей порекомендовали забрать заявление, что она и сделала под беспрецедентным давлением сильных мира сего. А потом сразу же столкнулась с еще одной бедой: подробности дела стали известны на работе.

– Да. Из-за нее.

Савелий Игнатьевич задумался, дымя сигаретой. Потом резко ее затушил и повернулся к посетительнице:

– Я заткну им рты. Так что, продлевай документы, и думать забудь об увольнении.

Малика пораженно уставилась на начальника. Нет, она не сомневалась, что это в его власти, просто не ожидала таких слов. Совсем. Да и поздно уже...

– Спасибо большое, Савелий Игнатьевич, но уже ничего не изменить. Я пропустила сроки, отведенные на повторное обращение.

Женщина улыбнулась с легким сожалением. Все-таки ей нелегко было прощаться с этим периодом жизни. Прощаться с ним... Пусть она и не имела шансов, но любоваться заведующим и мечтать... ей никто не мешал.

– Сиди тут, и никуда не выходи, – приказал Рослов и вышел из кабинета. Малика проводила начальника изумлен-

ным взглядом, но послушно осталась. Его не было долго. Минут тридцать, а может и больше. И первый же вопрос, который он задал, когда вошел, поверг женщину в шок:

– У тебя есть мужчина?

– Простите... – недоуменно хлопала глазами Малика.

– Мужик у тебя есть? Или ты одна?

– Одна... – Женщина сглотнула, все еще не понимая, с чего бы вдруг ему задавать ей такие странные вопросы.

– Тогда завтра идем в ЗАГС.

– З-зачем?

– Брак с гражданином позволит тебе решить все вопросы с документами.

– Какой брак?

– Малика! Соберись! Мы поженимся. Ты давно мне нравишься, и я совершенно не хочу, чтобы ты уезжала. Так что, выход у нас один. Так как? Ты согласна?

Наверное, если бы это был не Савелий, Малика никогда бы не согласилась. Но это был ОН, что в корне меняло все. Ради него она готова была пойти на авантюру. Ради него она готова была рискнуть.

Они действительно поженились на следующий же день, благо, сейчас это было возможно. А потом весь день в срочном порядке решали ее проблемы с документами. И только в машине, по дороге домой, Малика действительно осознала, что же наделала! Она действительно вышла замуж за Рослова!

– Приехали, Малика.

Женщина осмотрелась. Новый спальный район. Яркие современные дома. Не сравнить со старой, загаженной хрущевкой, в которой она снимала однушку. Рослов схватил ее чемоданы, напрочь отказавшись от помощи, и побрел к среднему подъезду. Женщину охватило волнение. Они молча поднялись на седьмой этаж и очутились в достаточно просторной светлой квартире.

– Мебели практически нет, так что у тебя будет возможность сделать все на свой вкус, – небрежно заметил Савелий, разуваясь. – Осмотрись и проходи в спальню.

– А вещи?

– Потом разберешь. У нас, как никак, праздник.

Малика быстро прошлась по комнатам, заглянула в ванную и вернулась к мужу. Он тут же подошел к ней. Взял за руку. Напряжение возрастало. Ее пальцы в широкой ладони мужчины подрагивали. Удушающая волна подступала к горлу:

– Не бойся, – прошептал Савелий, проводя свободной рукой по бедру. – Все будет хорошо.

Малика сглотнула. Отступить ей было некуда. Об этом красноречиво напоминало свидетельство о браке, лежащее тут же, на тумбочке.

– Хочешь вина?

Да, хочет! Ей нужно немного расслабиться... Неуверенный кивок.

– Ты готовилась порадовать мужа? – пристальный взгляд, в то время как сильные пальцы откупоривают бутылку.

– В каком смысле? – прошептала Малика, вытирая вспотевшие ладони о себя.

– Ну, не знаю... Возможно, ты надела сексуальное белье?

Женщина резко вскидывает взгляд и тут же отводит. Он её муж. Да. Но ведь она привыкла воспринимать его исключительно, как начальника! Сексуальные фантазии, которые в ней изначально будили его хриплый голос и твердый взгляд давно остались в прошлом. Как и все другие мечты.

– Да.

– Молодец. Я хочу это увидеть. Сними платье.

Она мокреет от одной только команды. Стягивает с себя белый шёлк, отбрасывает в сторону. Остаётся в симпатичном лифчике и таких же трусиках. Взгляд мужчины обжигает. Малика опускает глаза.

– Смотри на меня.

Она подчиняется приказу. Безропотно, едва дыша. Догадывается ли он, что делает с нею своею властью? Да. Наверняка. Только глухой ещё не слышал о том, почему закрыли дело о её изнасиловании.

– Ты любишь подчиняться?

Судорожный вдох и короткое: «да».

– Ты любишь боль?

– Нет! – Вскрик, и снова неловкий шёпот: – Только если немного...

– Игрушки?

– Да... – Вообще на грани слышимости.

Ей ужасно неловко и стыдно. Обычно такие вопросы проясняются до свадьбы. Обычно пары уже имеют опыт интимных отношений, а она не знала, чего ждать! Он просто сказал, что она ему давно нравится, что он хочет полноценную семью. С обязательным сексом, который удовлетворит их обоих. Но Малика не догадывалась, что он может быть таким! Мечтала? Да! Когда-то давно, только придя на работу в его отделение. Но не была готова столкнуться с этим в реальности. Подразумевал ли он, что сможет удовлетворить ВСЕ её желания?

– У тебя кто-нибудь был после того случая?

– Нет...

– Как ты удовлетворяла себя?

Малика отчаянно покраснела:

– Никак.

– Почему? Что тебя останавливало? Ты винила себя в том, что случилось?

Малика отвела взгляд. Слишком пронизательным, слишком опытным он был.

– Ты боишься меня?

– Нет...

– Хочешь?

– Да... – Невыносимо стыдно. Она снова закрывает глаза, в который раз проклиная свою извращённую сексуальность.

– В том клубе, который ты посещала... У тебя был дом? Это ведь так называется?

– Нет! – Снова крик. Да что же это такое?! – Я не была членом клуба. Мне было просто интересно.

– Так ты не в теме?

– Нет!

– Тогда откуда интерес к ней? – Вопрос, на который она сама хотела бы знать ответ. Почему её не удовлетворяет обычный секс? Почему ей непременно нужно подчиняться?!

– Я не знаю.

– Смотри на меня!

Она отрывает взгляд от бокала, но смотрит куда-то в сторону. Делает глоток, и тут же захлебывается, потому что он касается её голого живота. Винные ручейки стекают по шее на грудь, и Савва слизывает их, оставляя на коже влажные следы.

– Вкусно, – комментирует он, собирая последние капли пальцами. Малика, как замороженная, наблюдает за действиями мужчины. Он подносит пальцы к её губам, и она тщательно их облизывает. Сосет. Его зрачки расширяются.

– Хорошая девочка.

Одобрение мужа заводит ещё сильнее. Он это понимает. Удовлетворенно улыбается. Щёлкает пряжкой ремня. Стаскивает через голову рубашку, предварительно расстегнув манжеты. Он красив. Истинно мужской красотой. Взгляд ее опускается в область паха. Внушительный бугор в боксерах

наглядно доказывает, что не одна она на грани. Желание прикоснуться, увидеть... Просто смертельное. Савелий внимательно следит за женой. Как долго он её хотел? Годы. Присматривался, провоцировал, цеплял... Потом эта история с изнасилованием, и дикая ярость. За то, что с ней это случилось. За то, что не смог помочь... Малика всегда была бойкой и расторопной в операционной и очень кроткой вне её. Его заводил этот контраст. Он хотел понять, насколько она управляема. Насколько она готова подчиниться. В постели. Только там. Савва давно уже понял, что имеет нестандартные предпочтения в сексе. Именно поэтому он так долго присматривался к Малике. Ему была нужна не просто спутница жизни. Он нуждался в партнере, способном удовлетворить его сексуальные фантазии. И, похоже, что он его нашёл. Щелчок, и чашечки лифчика расходятся в стороны. Есть что-то греховное в этих необычных застёжках спереди... Её грудь безупречна. Даже лучше, чем он представлял тайком, разглядывая Малику на планерках или обходе. Небольшая. Крепкая, с большими яркими ореолами и маленькими сжавшимися сосками. Склоняет голову. Лижет ароматную вершинку. Он с ума сходил от того, как она пахла... Пряно. Вызывающе. Остро. Кусает легонько, не в силах сдержаться, и слышит ее хриплый всхлип. Даже так? Хватает зубами сосок. Прожигает взглядом. Она дрожит... Руки действуют сами по себе. Стягивают трусики. Если что-то и способно оторвать его от ее переполненного желанием взгляда, то только это...

Она красавица. И там тоже. Он знал, что так будет. Опрокидывает ее на кровать. Языком – по идеально гладким припухшим складкам. Малика стонет. Даже это у нее выходило красиво. Два пальца в сердцевину. Где скользко и горячо.

– Савва... – Выдыхает, и разводит ноги еще шире. Чем он заслужил такое счастье? – Савва...

Приставляет головку к входу, скользит по влажным складкам.

– Хочешь?

– Да...

Резкий толчок, и ее крик. Она совершенна. Подстраивается под его размашистые движения, зажимает в своих тисках. Пальцы перекатывают сосок, скользят вниз, надавливают на возбужденный скользкий клитор. Она кусает его за шею в попытке заглушить собственный крик. Ловит ее безумный расфокусированный взгляд:

– Кончай.

Она взрывается с громким стоном. Несдержанная, доверчивая, открытая. Выскальзывает из нее, хватается за волосы и выплескивается в широко открытый рот. Идеально.

А потом они лежат удовлетворённые, разомлевшие, и размышляют о том, почему так долго друг к другу шли. Савва обнимает жену, скользит пальцами по телу, покрытому испариной:

– Не забудь сходить к гинекологу и выписать таблетки. Ты же не предохраняешься?

– Нет. Не было необходимости, – смущенно шепчет Малика.

– Теперь есть. Сходи.

Она понимает и подчиняется. Малика вообще очень покладистая. Савва снова приглядывается к ней, снова провоцирует, в стремлении изучить жену до конца. Познать границы дозволенного. Первые месяцы их совместной жизни – какой-то чувственный пир. Он тонет в удовольствии, и купает в нем Малику.

Коллеги удивляются их скоропостижному браку. Старые сплетни обрастают новыми подробностями, пока в один прекрасный момент, на планерке, Савва не прекращает все одним махом.

– Ты был слишком резким, – сообщает Малика, как только за последним посетителем закрывается дверь.

– Они перешли границы.

– Да, но это твои подчиненные, коллеги...

– Это не позволяет им открывать рот на мою жену.

– Теперь они надолго заткнутся. – С губ женщины срывается легкий беззаботный смешок.

Савва ловит ее взгляд, приковывает к себе:

– Так я не понял... Тебе понравилось, как я их вычитывал?

Малика закусила губу, отворачиваясь.

– Так-так... Ну же, посмотри на меня?

Она отводит глаза, но он успевает прочитать в них все! Их

сумасшествие никогда не закончится. Эта женщина создана для него.

– Подойди ко мне. – Говорит твердо, усаживаясь в кресло.

Малика подходит, испытывающе смотрит в глаза. Он припускает резинку штанов:

– Ты же знаешь, что делать, ведь так?

Женщина сглатывает. Он – как мечта, которая сбылась, когда этого уже совсем не ждали. Савва понимает ее тягу. Он может ее удовлетворить.

– Кто-нибудь может войти... – робко возражает Малика.

– Ты же не споришь со мной, правда? – хмурит брови Савелий. Малика отчаянно трясет головой и тут же опускается перед ним на колени. Она послушная девочка. Запускает руки в трусы, гладит поджавшиеся яички. Уже успела изучить, как нравится мужу. Скользит языком вдоль уздечки, очерчивает набухшие вены, всасывает. Берет глубже, прижимая головку языком к небу.

– Жестче, Малика.

Она подчиняется. Не только ей нравятся игры на грани фола. Малика немного прикусывает плоть, и тут же зализывает укусы. Он толкается ей навстречу, заставляя брать его еще глубже. Это больно. Но для него она готова терпеть. Да и сладкая эта боль, чего скрывать? Взрывается у нее во рту. Знакомый, полюбившийся вкус.

Савва в блаженстве откидывает голову, потом переводит осоловевший расфокусированный взгляд на жену. Она, бы-

ло, потянулась к кнопкам на своем форменном халате, но он удержал ее ладонь:

– Нет, Малика. Кто-то действительно может войти.

Она непонимающе смотрит на мужа, а тот, как ни в чем не бывало, натягивает свои штаны и встает.

– Я хочу тебя, Савва!

– Да? – Мужчина резко задирает подол и безошибочно устремляется пальцами к ее влажной сердцевине. – Ну, надо же... И правда, хочешь... – Протягивает он, рассматривая влагу на пальцах. – Жаль, что придется подождать. У нас плановая операция через две минуты.

Малика с отчаянием смотрит на часы. Переводит взгляд на мужа. Он специально так сделал! Савва обожает ее заводить до предела. Это его любимое хобби! Стонет в отчаянии и спешно выходит за дверь. Находиться с ним в одной комнате просто невозможно.

Савелий смотрит вслед уходящей жене, не в силах поверить, что она действительно его! Самая лучшая, самая красивая, самая страстная... Замечательная просто. Его. У них вообще оказалось много общего. В принципе, он знал, что так будет. Недаром присматривался к Малике столько времени. Ведь он не мог позволить себе ошибиться. Ошибка уже была в его жизни. Первая жена, о браке с которой он старался не вспоминать. Но в сорок с лишним такие промахи были недопустимы. С возрастом приходит осмотрительность. Потому что остается все меньше времени, и тебе не

хочется тратить его впустую. Савва искал человека, рядом с которым ему будет комфортно. Под которого не придется подстраиваться, перекраивая сложившиеся годами привычки. Малика была именно такой. А еще она обалденно готовила. Так хорошо, что уже через три месяца после свадьбы Савва был вынужден достать гантели и всерьез взяться за тренировки. Жена только улыбалась и повторяла, что он нравится ей любой. Савва кивал головой, но от тренировок не отказывался. Рядом с такой красавицей как-то негоже было расплываться по швам.

А потом оказалось, что он дико ревнив. Малика действительно была очень красива, и мужчины вились вокруг нее, как пчелы вокруг банки с вареньем. Даже удивительно, что она так долго оставалась одна. При таком-то выборе. И он ревновал. Отчаянно. Горячо... В такие моменты Малика смотрела на него растерянно и повторяла:

– Саввушка, да мне ведь, кроме тебя, никто не нужен. Вот, как пять лет назад тебя увидела, так и пропала.

Ее слова успокаивали, и в то же время заставляли кипеть. Он слишком долго раздумывал. Сомневался. Если бы не это, Малика не подверглась бы насилию. Ей бы не пришлось пережить этот печальный опыт. Савва знал, какой отпечаток наложило на жену случившееся. Она до сих пор вздрагивала, если он подходил к ней со спины, а о сексе в такой позиции он даже и просить не смел. Все, что угодно, но только не сзади. А ведь ему это так нравилось!

– Малика, может быть, тебе стоит по-новому написать заявление? Мы бы наняли толковых адвокатов и...

– Нет, Савва. Ни за что. Я так и не поняла, кто надо мной в большей степени надругался. Сам Иванченко, или следователь, который вел дело. Ты не представляешь, сколько грязи на меня вылили. Я не могу. Можешь считать меня слабой, но... Нет.

Савва кивал, соглашался, а внутри все продолжало бурлить. В их стране жертвам насилия приходится туго. Едва ли не в девяноста процентах случаев им приходится доказывать отсутствие в произошедшем собственной вины. А после полученного стресса необходимость оправдываться становится для жертвы непосильной ношей. Он не мог обвинять Малику в малодушии. Он винил себя.

Дни неслись. Они все больше прорастали друг в друга. Савва уже и забыл, как это – просыпаться без нее. Или возвращаться в пустой дом. Он изучил ее, разобрал на атомы. Постиг, как постигают непознанное. Они совпали. Телами, душами, мечтами... И с нею жизнь заиграла яркими красками. И уже ничто не могло испортить ему настроение. Ни проблемы на работе, ни плохая погода, ни провальный фильм, на премьеру которого они едва успели. Рядом с ней все было прекрасно.

А потом у них был тяжелый день. Несколько аварий на дорогах, переполненный приемный покой. И тяжелейший пациент.

– Стритрейсеры, говорят, – пояснил ассистент. – Гоняли где-то по центру, и влетели в припаркованные машины.

Савва кивнул головой и продолжил работу. Ему не было дела до того, кто перед ним на столе. Его задачей было вытянуть парня с того света. Он настолько погрузился в свою работу, что не замечал ничего вокруг. Ни побледневшей жены, ни ее непривычно резких, торопливых движений. Только когда они закончили, и вышли из операционной, Савелий понял, что что-то не так. Подхватил Малику под руку, усадил на ближайший стул.

– Ну?! Что случилось, милая?

Это ласковое обращение выдало всю степень его волнения. Савва никогда себе такого не позволял на людях. На работе они держались сугубо в профессиональных рамках. Тот минет на заре их отношений был единственным отступлением от правил.

– Все хорошо, Савелий Игнатьевич. Немного голова закружилась.

Ложь. Он это понимает. Не может не понять, зная ее настолько хорошо. Выжидает несколько минут, пока она не приходит в себя, и заводит к себе в кабинет.

– Рассказывай. – Нетерпеливый приказ.

– Это был Иванченко, Савва. Там... в операционной. Он не будет ходить, да?

– И трахаться тоже не будет! – Зло выдает Савелий. – Ты почему мне сразу не сказала, что это он?!

– А что бы это изменило?

– Я бы не оперировал этого мерзавца! А ты... Почему не ушла?! Как вообще выдержала?! Зачем? – Мужчина вплотную подошел к жене, и даже немного ее встряхнул.

– Это наша работа, Савва. Только и всего, – прошептала Малика.

– Работа?!

– Да. Долг. И не говори, что ты бы оставил его без помощи. Савелий замолчал, яростно сжимая кулаки.

– Я бы поручил его другой бригаде.

– И он бы не выжил.

– Тогда туда ему и дорога! Хотя... Пусть поживет инвалидом. Помучается!

– Савва, – одернула мужа Малика. – Не нужно злорадства. Он уже наказан. Небом. Видишь, ничего в этой жизни не проходит даром. Каждый поступок окликается. Каждое слово. Так что не гневи Небо, любимый. Для нас все уже позади. Его ад только начинается.

Савелий фыркает и отходит к окну. Выдыхает.

– Ты каждый раз напрягаешься, когда я подхожу к тебе со спины.

Малика вздрагивает. Прячет глаза.

– Я знаю... – шепчет. – Психолог говорил мне, что ситуацию можно изменить, если вытеснить плохие воспоминания хорошими.

– Это как? И почему ты мне раньше об этом не говори-

ла? – тут же завелся мужчина.

– Думаешь, так просто об этом говорить? – пожала плечами Малика. И пока решимость ее вновь не покинула, добавила, – Психолог предложил мне пережить все, что сделал со мной насильник. Только с любимым мужчиной.

Савва снова подошел к жене. Смерил ее внимательным взглядом:

– Ты к этому готова?

– Не знаю. Но попробовать стоит.

– Сегодня. Как только закончится этот безумный день.

Но в тот раз выполнить обещание не удалось. Во-первых, попросту не было сил, а во вторых... Родители мерзавца, узнав о том, чем окончились развлечения сына, обвинили бригаду Рослова в намеренном причинении вреда пациенту. Малика почернела, осунулась, едва не умерла, пока муж боролся за свою репутацию. Она не могла себе простить, что из-за нее Савва подвергся такому унижению. Что врачу его уровня в принципе приходилось оправдываться. Но Рослов не был бы Рословым, если бы не сумел доказать свою правоту. И только после этого женщина смогла вдохнуть свободнее. У нее как будто камень с души свалился. И стало как-то... все равно. Чего давно уже не было. Абсолютное равнодушие. Не к мужу. А к произошедшей с ней беде. Отпустило. И дело даже не в том, что виновный сам себя наказал, а просто, видимо, время пришло. Да и приоритеты сместились. Зачем вспоминать плохое? Зачем погружаться в это снова

и снова? Все прошло... У нее прекрасный, любимый муж. Она счастлива. Ну, было в ее жизни горе, да... Но теперь-то все хорошо. Малика даже Савве не говорила о том, что ей пришло в голову совсем недавно – она простила насильника. Поняла, что, если не отпустит обиду – закостенеет в ней навсегда. И она простила. Сходила в церковь, поставила свечку за здоровье, прочитала короткую молитву. И когда вышла из храма, поняла, что и ее душа очистилась.

– Ты какая-то другая стала, Малика, – заметил Савва, поглаживая длинные волосы жены.

– Я просто счастлива, что все закончилось.

Рослов нахмурился. Лично он не был уверен, что это действительно так. Малика могла отпустить ситуацию, но это не означает, что она забыла о случившемся. Отголоски насилия до сих пор тенью бродили по их дому.

– А я рад, что ты стала чаще улыбаться.

Малика поцеловала пальцы мужа и поднялась:

– Это потому, что я счастлива, Савва. Ты дал мне так много. Иногда мне хочется себя ущипнуть, чтобы убедиться в том, что это не сон.

– Это не сон, – серьезно ответил мужчина, понимая жену, как никто другой. У него тоже частенько возникало такое желание. Проснешься среди ночи – а рядом она. Теплая, расслабленная, красивая... И поверить невозможно, что эта женщина все-таки случилась в его жизни. Не зря выжидал, не зря приглядывался. Да, потерял много времени, возмож-

но, непозволительно много... Но зато не ошибся. Для него она создана. Только с нею положено быть.

Малика приняла душ, переделалась ко сну и вернулась к мужу. Но его в комнате не было. Она пожала плечами, и хотела было пойти на поиски любимого, как сзади к ней кто-то прижался. Она вскрикнула в ужасе. Замерла, сжалась в комок... В голове кружилась мысль о том, что она не переживет больше насилия... Не вынесет.

– Тшшш. Милая, это я... Ну же, Малика. Помнишь, что говорил психолог?

Сквозь пелену паники пробился тихий, успокаивающий голос любимого мужа. Это он! Облегчение на грани возможного. Ноги подкашиваются, и она повисает в его сильных, умелых руках. Савва подхватывает жену, бережно прижимает к стене, все больше сомневаясь в своей затее.

– Та как? – шепчет, поглаживая сведенные судорогой мышцы спины.

– Савва...

– Да, это я. Не забывай, что это я... – дает установку, а сам задирает вверх подол красивой кружевной сорочки. За время брака он купил Малике несколько комплектов, которые были предназначены исключительно для соблазнения. И она радовала мужа, надевая сексуальные штуковины снова и снова.

Малика всхлипнула. Паника накрывала. Она сжалась в ожидании боли, но ее не было... Ласковые руки прошлись

по попке, погладили спину:

– Это я, милая... – тихо сказал Савелий. – Расскажи мне, что он с тобой сделал.

– Он заломил мне руку.

– Мы опустим этот этап. Я просто придержу тебя за запястья. Вот так. Не больно? – шептал Савелий, поцелуями отвлекая жену.

– Нет. – Всхлип.

– Что еще?

– Ничего! – закричала она. – Он просто схватил меня за волосы, припечатал лицом о стену, а потом скрутил и трахнул! Жестоко, не обращая внимания на мои слезы и крики о помощи! – Его конкретно перетрясло от ее надрывных слов. Ярость одолевала, застилала разум... Но Савва понимал, что им следует довести эту ситуацию до конца. Второго шанса у него не будет. Мужчина надавил на поясницу жены, заставляя ее немного прогнуться, скользнул рукой между разведенных ног, где было абсолютно сухо. Да, Малике нравилось, когда над ней доминировали, но только тогда, когда это происходило по ее правилам. Сейчас все было не так...

– Девочка моя, красавица. Я люблю тебя, знаешь? – шептал Савва, поглаживая складочки кожи, нежно, трепетно, как только он умел.

– Нет... – всхлипнула женщина. – Ты мне никогда не говорил! – Упрекнула жалобно.

– Люблю... – отвлекая жену словами, входит в нее резким

толчком. Она кричит.

– Савва-а-а...

– Да, это я. Тебя никто больше не обидит. Никогда, милая. Обещаю.

Паника отступает. Это он... Ее муж, ее любимый, ее мечта. Подается навстречу, и он, наконец, облегченно выдыхает.

– Саввушка... – Он освобождает руки жены, она опирается о стену и прогибается сильнее – так гораздо удобнее. Толчок за толчком, пока она не взрывается, сжимая его плотным кольцом.

Еще примерно год понадобился на то, чтобы Малика перестала вздрагивать от каждого шороха за спиной. Савве действительно удалось вытеснить ее страшные воспоминания. Да она вообще, если честно, ничего не помнила из своей жизни до него. Как будто и не было ничего. И никого... Он подарил ей такое счастье, что желать чего-то большего было даже как-то грешно... Она и не стремилась к большему. И вот теперь, после тяжелого ночного дежурства, сидя в салоне такси, после слов мужа о ее декрете Малика поняла, как на самом деле хотела стать мамой. Не просто любимой женой, партнером и соратником... А мамой его ребенка. Той, кому он окажет такую честь. Женщина прекрасно понимала, что для Савелия – это не простой, а тысячу раз обдуманый шаг. И то, что он все-таки на него решился – так много значило.

Малика переплела пальцы с мужем, поцеловала его запястье, не замечая, что по щекам льются слезы.

– Эй, ну, ты чего, милая?

Она покачала головой, не в силах ответить. Не находя слов...

– Я вообще-то рассчитывал на другую реакцию, – пробурчал, притягивая жену в свои объятия. Савва знал, что, если бы они сейчас находились дома, Малика бы забралась к нему на колени, как делала всегда, когда ее переполняли эмоции. А он бы моментально этим воспользовался, воплощая в жизнь давно обдуманый план. Но они находились в такси. В самом неподходящем месте для таких признаний. Он и сам не знал, почему не дотерпел до дома со своими откровениями. Возможно потому, что сегодня ему впервые пришла в голову мысль о том, что пока он решается на то, чтобы стать отцом, варясь в соусе собственных раздумий и переживаний, он упускает тот факт, что не знает, как сама Малика относится к продолжению рода. Что, если оно ей и даром не нужно? Теперь-то он видел, что нужно... И видел, насколько. Проклинал себя, что не решился на разговор раньше. Проклинал свою дурацкую натуру, из-за которой всегда тянул с принятием судьбоносных решений, растрачивая бесценное время...

– Прости меня, милая. Прости.

– За что? – всхлипывает, и снова целует его руки. И по фигу ей, что они не одни... И ему тоже по фигу.

– За то, что тугодум такой тебе достался. Люблю тебя, милая. Люблю. И детей хочу. Очень. Родишь мне маленького?

Она все-таки не выдерживает – забирается к нему на руки, обхватывает ладошками лицо и шепчет сквозь слезы:

– Все, что захочешь, Савва. Все, что захочешь!

История 5. Богдан и Евгения

После ухода своих последних попутчиков, Вита ещё долго пребывала в задумчивости. Удивительный у неё вышел день. Оставляющий в памяти след... И подзаработала, и эмоций получила на месяц вперёд, лишний раз убедившись, какая непредсказуемая штука... жизнь.

У обочины, возле серой невзрачной девятиэтажки, голо-совал молодой парень. Вита редко подбирала клиентов вот так... с бордюра, но этого продрогшего парня, с большой спортивной сумкой наперевес, почему-то захотелось выручить. Женщина притормозила, опустила стекло:

– Привет. Тебе куда?

– На Борщаговку. С собой только полтинник. Мало?

Вообще для такого расстояния маловато. Но... Ей и так сегодня попадались исключительно щедрые клиенты. Переживёт.

– Забирайся. Или тебе багажник открыть?

– Нет. Сумка чистая. Я её в салон кину.

Вита пожалала плечами, подождала, пока парень усядется, и покатила дальше, разглядывая нового попутчика. Симпатичный. Лет двадцать на первый взгляд. Одет просто, без особой претензии на стиль. Джинсы, тёмная куртка, темно-коричневые замшевые ботинки.

Парень шмыгнул носом, извлёк из кармана телефон. До-

рогой и многофункциональный. Сашка бы оценил.

– Здравствуйте, Ирина Васильевна... Это Богдан. Я перед тем, как нагряться, решил вам позвонить, чтоб вы Женьку подготовили как-то... В общем, я к вам с концами перебираюсь. Примете, или мне комнату начинать искать?

Вот это да! Неужели мальчик из дома ушёл?! Пассажир замолчал, внимательно слушая, что ему говорят.

– Да пробовал я! – Воскликнул вдруг. – Вот только она меня не слышит... И что, что мать?! От Женьки я все равно не откажусь, а терпеть нравоучения сил нет! Да обдумал я все, обдумал! И понимаю всю ответственность... Да не брошу я вашу дочь! За кого вы меня принимаете?!

Все интереснее, и интереснее!

Богдан как-то устало откинул голову на подголовник, потёр лоб, продолжая слушать, что ему говорят.

– Ирина Васильевна, мы ведь уже обсуждали это... И мне известны все заморочки аутистов. Да мы уже три года с Женькой встречаемся! Думаете, я ещё не понял, что к чему?! Я все обдумал, и готов нести ответственность за свои решения. Мы с Женей поженимся. А жить будем с вами. Я помню, что она не любит перемены. Так как, примете зятя?

Ну, ничего себе! Что это за день у неё такой... Женительный?! И паренёк, оказывается, не так прост – со стержнем, и девушка у него... Необычная.

Тем временем Богдан быстро свернул разговор, получив добро от будущей тещи, и устался в окно. Он был как

никогда решителен и твёрд. Сейчас он мог с уверенностью утверждать, что его поступок был обдуманым и взвешенным. В их, с Женькой, ситуации по другому было нельзя... Нельзя готовить сюрпризы, нельзя принимать спонтанные решения, нельзя ничего менять... Его девушка... Его невеста не терпела никаких изменений в жизни, никаких отступлений от давно заведенного порядка. Именно поэтому он позвонил Ирине Васильевне. Ему требовалось, чтобы женщина хоть как-то подготовила дочь к неминуемым изменениям, связанным с его переездом. Женьке это могло не понравиться. Скорее всего, так и будет. Кому-то этот факт показался бы обидным, но у Богдана на этот счёт имелось другое мнение. Вообще, даже то, что они с Женькой начали встречаться, было скорее чудом. Аутистам тяжело сходитьсь с людьми, тяжело впускать что-то новое в свою жизнь, да много чего тяжело... И то, что у них все-таки получилось сблизиться, было целиком и полностью его, Богдана, заслугой. Где он набрался терпения, понимания, силы, чтобы заслужить право быть с Женькой, он не мог понять до сих пор. Но у него получилось. Конечно, ему помогали. Мать девушки, и её психотерапевт, без участия которых судьба девушки была бы далеко не такой радужной. И вряд ли бы его Женька была той Женькой, которую он знал. Ирина Васильевна себя положила, чтобы помочь дочери нормально адаптироваться в современном мире. А ведь ей было только девятнадцать, когда Женя родилась. Сколько ей пришлось выстра-

дать, сколько всего пережить... И пренебрежение врачей, и ухмылки учителей, которые не желали, чтобы у них учился особенный ребёнок, которого они причисляли едва ли не к умственно отсталым, и к которому даже не пытались найти подход. Да много чего! Ей пришлось самостоятельно, вместе с другими родителями, столкнувшись с аналогичной проблемой, разбираться, как такому ребёнку обеспечить нормальную полноценную жизнь, как вообще найти к нему подход и сделать счастливым. Она перелопатила тонны литературы, выбирая по крупицам информацию, которой попросту не было в их стране в девяностые. С появлением Интернета стало немного легче, а в начале двухтысячных в Киеве открылась первая школа для детей с особенностями развития. Туда было не так просто попасть, но Ирина Васильевна уже тогда была очень востребованным парикмахером, с достаточно солидной клиентурой, вот ей, по старой памяти, и подсобила какая-то депутатка. Тёща и имя той благодетельницы называла как-то, да только Богдан подзабыл.

В общем, Женя выросла максимально адаптированным к жизни человеком. Далеко не всем так повезло. Единицам. Большинство так и остались неприспособленными и несчастными, скованными рамками стереотипов. Женька в этом плане мало чем отличалась от сверстников. Нет, у неё, безусловно, были свои особенности, но она действительно жила! Окончила школу, поступила в институт, строила планы на жизнь. Да, кому-то она могла показаться странной –

малообщительной, безэмоциональной, зацикленной на последовательности действий и порядке, но все эти нюансы были далеко не смертельными. И уж точно они не стояли на пути его чувств.

Они познакомились на первом курсе университета. Первая пара, на которую он опоздал, потому что не мог найти нужную аудиторию, и она... В старых джинсах и забавной футболке с ярким принтом. Женька выделялась на фоне остальных разрисованных дам своей абсолютной естественностью и необычайно большими, пронизывающими глазами. Его, как магнитом, потянуло именно к ней. Он кинул полупустой рюкзак на лавку возле девушки и тут же примостился сам.

– Привет. Я – Богдан.

– Привет. Я – Женя. – Она даже не повернулась к нему, когда отвечала. И вообще... у нее был странный, будто бы застывший взгляд. Она сосредоточилась на словах лектора, и больше не отвечала ни на один из его вопросов. Честно признаться, тогда Богдан вообще ничего не понял. Просто смотрел на нее квадратными глазами, как на циркового уродца смотрел...

И так каждый божий день. Его взгляд буквально прирастал к Женьке. Впрочем, как и взгляды большей части потока. Это потом они привыкли и к ее повторяющимся ежедневно ритуалам, и к некой чудаковатости... Но в первые месяцы учебны за ней пристально наблюдали буквально все. Кто-

то издевался, глупо подшучивая, кто-то просто шептался за спиной, а ей, казалось, все было по барабану. Женя пришла ровно за десять минут до начала пар, села на одно и то же место в первом ряду, выкладывала свой ноут и терпеливо ждала начала лекции. Нет, она разговаривала, когда хотела. Отвечала на вопросы, практически ничего не спрашивала сама... И вообще, была малообщительной и зажатой. Правда, со временем все изменилось. То ли Женька наконец-то привыкла, то ли что-то еще... Но постепенно она влилась в жизнь коллектива. Можно сказать, что даже стала его частью. Немного особенной, но все же.

Все началось с Восьмого марта. Ровно три года назад. Точнее, седьмого. Они поздравляли девчонок, каких на их достаточно пацанской специальности было не так уж и много. Богдану выпала честь поздравлять Женьку. Не сказать, что эта идея пришлась ему по душе, но деваться было некуда. Если честно, парни тянули жребий. Сейчас тот день Богдан вспоминал со стыдом. Он был таким придурком...

– Вот, Женя. С праздником тебя. – Богдан протянул девушке сникший букетик Тюльпанов. Видимо, даже они не вынесли нудной лекции по культурологии. Девушка перевела на него свои огромные глаза. Моргнула. Её лицо было непроницаемым.

– Спасибо. Я люблю жёлтый цвет.

И все. Никаких тебе обнимашек и поцелуйчиков, как это было с Настькой или Динкой. Богдан потоптался на месте и

собрался, было, уходить, но она вдруг неожиданно заговорила:

– А ты пойдёшь на вечеринку к Кате?

– Эээ... Да, а ты?

– Нет, – покачала головой Женька. – В девятнадцать ноль-ноль мы с мамой начнем печь торт. Мы всегда печём торт в девятнадцать ноль-ноль седьмого марта.

– Да? – удивился Богдан такому постоянству.

– Да. Вот уже одиннадцать лет.

Женька подхватила свой рюкзак и пошла к выходу из аудитории. Непонятно, для чего Богдан последовал за ней.

– Тебе куда сейчас?

– На сорок пятый. А потом в магазин. Мне нужно купить манку на крем.

Женька осмотрелась, выискивая глазами автобус.

– Странно. Мне тоже подходит этот маршрут. Почему же мы раньше никогда не пересекались в автобусе?

– Потому что ты все время опаздываешь. А после пар ещё остаешься покурить. – Женька сморщила нос, и Богдан залип на её лице. Вскоре подошёл автобус, они запрыгнули на подножку, с трудом протиснувшись внутрь. Женя прошла на дальнюю площадку и повернулась к окну.

– Я всегда стою здесь, – зачем-то пояснила она. Богдан пожал плечами, все больше поражаясь Женькиным тараканам. Остаток дороги они молчали. Девушка медитировала, глядя в окно. А он наблюдал за ней.

– Моя остановка, – отмерла Женька.

– И моя. Ты же в магазин? Мне тоже нужно. За сигаретами.

– Зря ты куришь. Это плохо влияет на организм.

Ну, спасибо, капитан Очевидность. Знать бы только, как бросить эту гадость... Мать тоже постоянно ругается, но за год Богдан очень пристрастился к никотину.

– Брошу как-нибудь.

Женька промолчала и пошла в сторону ближайшего супермаркета. Парень последовал за ней. Тогда он не понимал, зачем это делает, и даже злился на себя. Ещё больше он вскипел в отделе круп. Женька пересмотрела все упаковки с манкой, но так ничего и не выбрала. А ведь они топтались там уже минут пятнадцать. Ну, на что там можно смотреть?! Что она там выискивает? Срок годности?! Богдан все больше раздражался, но не уходил. Наконец не выдержал:

– Слушай... Ну что ты так долго?!

Женька повернулась к нему, растерянно хлопая глазами.

– Здесь нет килограмма.

– Прости?

– Смотри, все пачки меньше килограмма.

– Вот же! Девятьсот пятьдесят грамм.

– Это не килограмм.

Богдан пораженно уставился на девушку:

– Тебе нужен именно килограмм на крем?!

– Нет. Из килограмма выйдет очень много крема. На крем

мне нужно всего сто грамм.

– Тогда чем тебе не уходила девятьсот пятидесяти граммовая упаковка?

– Мама мне сказала купить килограмм манки. Девятьсот пятьдесят грамм – это не килограмм.

– Это почти килограмм! – вспыхнул Богдан.

– Но не килограмм.

– Бери эту чёртову манку!

Он не знал, почему так взбесился. Его добивала её педантичность. Тогда он ещё ничего о Женьке не знал... А онаглянула на него своими большими глазами, развернулась и пошла между рядами. Прямо к выходу. Его как-то сразу попустило. И так тошно на душе стало... От самого себя тошно. Как будто он беспомощного обидел. Котёнка там, или щенка... Богдан помчался за девушкой, но её уже и след простыл. Он огляделся, вытащил телефон, еще не осознавая, зачем это делает. Потом позвонил старосте и выведал Женькин адрес. А еще через пять минут забежал в небольшой продуктовый в поисках той самой килограммовой пачки. Но и здесь таковой не оказалось. Черте что. Чем производителей не устраивает килограммовая фасовка?! Наблюдая за метаниями парня, продавщица предложила купить килограмм манки на развес. Оказалось, что и такое бывает! Богдан с радостью согласился и практически побежал по выведенному у старосты адресу. Остановился на третьем этаже. У квартиры с номером сорок восемь. Позвонил в звонок,

но тот оказался нерабочим. Громко постучал. Дверь ему открыла красивая молодая женщина. Богдан даже не сразу понял, что это Женькина мать. Она была очень ухоженная, и такая... Классная.

– Здравствуйте. Я друг Жени. Она не нашла килограммовую пачку манки. Вот... я купил на развес.

Женщина удивленно и как-то нерешительно даже на него посмотрела, но потом все же отошла вглубь квартиры:

– Проходите, пожалуйста. Женя в ванной.

– Меня Богдан зовут. Мы учимся вместе. В одной группе, – затараторил Богдан. А потом нерешительно добавил. – Я, похоже, обидел Женю. Она искала эту несчастную манку, а я не мог понять, зачем она ей сдалась. Ну... знаете... именно килограммовая.

– Это моя вина. Неправильно поставила задачу. Знаете, Женя очень буквально воспринимает любые просьбы. – Помолчала немного и неуверенно добавила. – У нее легкое расстройство аутического спектра...

– Оу... – Богдану стало жутко неловко. И еще более паскудно на душе, чем было до этого.

– Нет. Жалеть никого не нужно. Женя – полноценный, здоровый человек. Просто у нее есть некоторые особенности.

Богдан тогда имел слабое представление о том, что такое аутизм, поэтому просто кивнул головой.

– Ты теперь хочешь уйти? Только я попрошу, не распро-

страняясь об этом в университете... Не знаю, зачем тебе это рассказала... – заволновалась женщина.

– Богдан? – послышался тихий голос из глубины квартиры.

Парень оглянулся и застыл. Женька была красивой. Но в свободных невзрачных кофтах и джинсах, которые она надевала в институт, ее красоту рассмотреть было практически невозможно. Сейчас... После душа... В коротких шортах и обтягивающей майке она выглядела совершенно иначе. Вау! Просто вау...

– А что ты здесь делаешь?

– Принес манку. Ровно килограмм. Мне взвесила продавщица. Ты знала, что ее можно купить на развес?

Женя осторожно покачала головой из стороны в сторону и замолчала. Богдан не знал, что делать дальше. И понятия не имел, зачем вообще пошел за ней.

– Может быть, выпьем чаю? А, Жень? – предложила Женькина мама, переминаясь с ноги на ногу. – А вы, Богдан? Вы не спешите?

– Ко мне на «ты», если можно, – заметил парень, расшнуровывая кроссовки. Он понятия не имел, чем закончится его визит, но уходить почему-то расхотелось. И он не пожалел, что остался, хотя Женька оставалась замкнутой и немногословной. А потом и вовсе ушла к себе в комнату.

– Ты извини ее, Богдан. У нее несколько нарушен навык общения. Жене тяжело сходитьсь с людьми, тяжело на-

рушать привычный уклад жизни. Она такая... Особенная. Но она старается. Я понимаю, что для тебя непривычно это все...

– Да. Немного, – признался Богдан. – Она всегда так уходит?

– Нет. Мы нарушили ее расписание своим чаепитием, – немного грустно улыбнулась Ирина Васильевна. – Если бы оно было включено в ее график, все было бы иначе. Женя не любит, когда что-то идет не по плану. Это выбивает ее из колеи.

– Понятно... Я тогда, пожалуй, пойду, чтоб ее еще больше не смущать.

В тот день, наспех попрощавшись, Богдан рванул домой. Он не пошел на вечеринку к Катьке Демидовой, а уселся за компьютер и проштудировал несколько научных статей про аутизм. Потом зашел на соответствующий форум, и завис там на несколько часов. Только теперь он нашел объяснение нестандартному поведению Жени. И только сейчас понял, какой же она в действительности борец. То расстройство, с которым Женька жила, многих людей превращало практически в инвалидов. А Женька... Она мало чем отличалась от полностью здоровых сверстниц. Это не могло не восхищать.

Той же ночью он нашел страничку Женьки в Фейсбуке. Завис на фотографии профиля. На ней Женька была смеющейся и такой красивой... Постучался в личку:

«Привет. Это я. Богдан Белов – твой одноклассник.

Я повел себя, как debil, сегодня в магазине. Мне очень жаль. Можно я снова приду к тебе?»

Женя не ответила. Еще бы... Она, небось, спит, и десятый сон видит, а он шарится по ее страничке и выискивает крупицы, по которым сможет понять, что это за человек такой – Евгения Лисянская. Непостижимая загадка, которую вдруг так сильно захотелось разгадать.

«Тебе нравится Muse – я тоже люблю эту группу. А что еще тебе нравится? Эти фото Барселоны... Ты сама фотографировала? Я обожаю Гауди».

Богдан не заметил, как уснул. Проснулся восьмого, ближе к обеду. Тут же вошел в приложение. Она ответила!

«Привет, Богдан Белов. С двадцати двух ноль-ноль до семи ноль-ноль я обычно сплю. Так что ответить в эти часы не имею возможности. Спасибо, что купил манку. Я забыла тебе вчера сказать. Рада, что у нас похожие предпочтения. Меня тоже восхищает Гауди. Ты можешь прийти к нам в пятнадцать ноль-ноль. Мы будем отмечать восьмое марта и есть торт с кремом из манки, которую ты купил».

Как он летел, в тогда еще не понятном страхе опоздать! Богдан уже практически добежал до места назначения, когда до него дошло, что на Восьмое марта как-то неправильно заваливать в гости с пустыми руками. Черт, у него то и денег ни на какие подарки толком не было. Забежал в небольшой цветочный, что примостился тут же на углу дома. Цены на

цветы были просто космические. Они, часом, не из золота?!

– А дешевле у вас ничего нет?! – в отчаянии огляделся он.

– Вот... Кактусы!

Ну, кактусы – так кактусы! На Женьку похожи... Прямо символизм. Схватил небольшой горшок с круглым колючим цветком и метнулся к дому. Ему открыла Женя.

– Ты опоздал. На четыре минуты.

– Я больше не буду, – как ребенок, ответил Богдан, и тут же на себя разозлился. Парню его возраста такое поведение было совершенно не к лицу. – Это тебе, – добавил резко, протягивая горшочек с цветком. Женька его поблагодарила и проводила в кухню. Тогда он еще не знал, что ему, такому неорганизованному оболтусу, скоро понадобится полностью пересмотреть свои привычки. В тот день они просто устроились за празднично накрытым столом, и пили чай. В присутствии мамы! Потому что Женька так привыкла. На Восьмое марта мама должна была быть при ней. Однако, Богдан не зря столько времени вчера провел на форуме. Теперь он во многом понимал поведение девушки. А когда ты понимаешь, что движет человеком, то он уже и не кажется тебе таким странным. Вот и присутствие мамы на их первом, по большому счету, свидании уже не казалось таким нелепым. Они разговаривали о путешествиях, любимой музыке и фильмах. У Женьки были довольно специфические вкусы в кинематографе. И на этом они тоже сошлись – оба любили Иньярриту. И вообще все испанское. Об архитектуре Гауди

они вообще могли говорить часами. Богдан и не заметил, как на улице стемнело. Уже ближе к ночи встрепенулся, и пожалел, что нужно уходить. Постепенно Женька стала для него привычной и понятной. С ней было легко. Только по дороге домой до Богдана дошло, что за время их разговора, ему ни разу не пришлось подбирать слова или как-то пыжиться в попытке произвести впечатление, как это бывало с другими девчонками. И это было так естественно, так правильно... Он и представить не мог, что с кем-то можно быть настолько открытым. Ему вообще было непривычно, что чудаковатая Женька оказалась такой... настоящей. Возможно, дело было в том, что по своей природе она априори не умела притворяться или лукавить. Женя была прямой, как рельса, и если в некоторые другие моменты с ней было тяжело, и приходилось себя перекраивать, то в этом – она была идеальной. Со всем не такой, как другие девчонки, которые считали, что парень должен догадываться о том, что у них в голове. С Женькой все было просто. Если ей что-то не нравилось – она об этом говорила. Она никогда и ничего не делала через силу.

После праздника ребята продолжили общение. Переписка (в которой Женька раскрывалась полностью), нечастые встречи по графику. Для любого другого парня это могло бы показаться странным, но Богдан так естественно в это все погрузился, что к окончанию первого курса уже и не мыслил возле себя другой девушки. А ведь они даже не целовались! Рассказать кому – засмеют. На него и так уже косо поглядывали.

вали. Одногоруппники, как он думал – друзья. Богдан не сразу понял, что Женьку попросту не приняли в качестве его девушки. Все открылось на вечеринке по случаю окончания первого курса. Женька не очень хотела на нее идти. Она вообще не любила скопления народа и шум. Ирина Васильевна однажды показала Богдану видеоролик на Ютубе, который воспроизвел мир таким, каким его видит человек с аутическим расстройством. После этого он стал понимать свою девушку еще лучше. Богдан бы тоже не хотел находиться там, где все гремит и хаотически движется, давя на психику. Но в тот раз Женька все-таки согласилась. Натянула свою старую майку, потертые джинсы, вышла из комнаты. Ирина Васильевна, которая кормила Богдана пловом, всплеснула руками:

– Женечка, милая... А что ж ты не принарядилась?

– Зачем?

– На вечеринки принято наряжаться, милая. Смотри, какой Богдан красивый.

– Это потому, что ты его подстригла.

– Не только. На нем новые джинсы и рубашка.

Женька смерила парня внимательным взглядом. А Богдан поспешил вмешаться в разговор:

– Все нормально, Жень. Ты и так красивая. – Он знал, что Женька терпеть не могла менять одежду. Она годами ходила в одной и той же футболке, и джинсах. Покупка чего-то нового становилась для девушки настоящей проблемой. Же-

ня прикипала к своим вещам, и расставалась с ними с большим трудом. Богдану не хотелось волновать любимую. Да... Совсем недавно он понял, что влюбился по самые уши. И это тоже стало проблемой. Ведь Женя... Она не совсем правильно улавливала чужие эмоции, не всегда могла их верно интерпретировать. И сама была очень скупа на их проявление. А это очень тяжело, когда ты не ощущаешь отдачи от партнера. Любому человеку хочется взаимности, уверенности в том, что ты тоже любим. Богдан не чувствовал этого совершенно. До того дня...

– Женечка, а может, платье наденешь... Ну, то, с птицами? Ты в нем такая красивая. Богдану точно понравится.

– Тебе нравятся колибри?

– Эээ... Да... – неуверенно пробормотал Богдан.

– Тогда ладно. Я быстро.

Она действительно очень оперативно переделалась. Вышла нахмуренная из комнаты, разглаживая подол нежно-зеленого шелкового платья. И это было так трогательно... Как будто она ему в любви призналась... Ведь Богдан знал, как тяжело ей было надеть что-то новое. Но она это сделала, чтобы его порадовать. Переступила через собственные привычки, пожертвовала собственным комфортом. Разве это не доказывает, что его чувства взаимны?

Он воспарил на крыльях счастья. Весь вечер улыбался, как придурок, и глаз не мог от Женьки отвести. Даже в попойке отказался учувствовать, ему и без допинга было весе-

ло и хорошо. До того момента, как он услышал в кухне разговор вчерашних «друзей»...

– Не пойму я, Никита, что Белов нашел в этой Женьке? Глаза, как у инопланетянки, шмотки все застиранные, да и вообще...

– Не ссы, Лерок, будет и на твоей улице праздник! Ты это... проштудируй камасутру пока. Мало ли, может, эта имбицилка в постели чего-то эдакого умеет! – заржал Терехов, и тут же отлетел в сторону. Богдан не сдержался, налетел на того, завязалась драка. Девки вопили, как резаные, парни пытались разнять.

– Придурок! – орал Ник. – Ты мне рубашку порвал из-за этой даунши!

Успокоившийся, было, Богдан снова кинулся вперед. В общем, освободился он еще нескоро. А когда освободился... Женька куда-то исчезла. Он чуть с ума не сошел, пока ее искал. Жаркая летняя ночь, он бежит, пот градом стекает по спине, а ее нет! И телефон молчит, хотя включен, и гудки идут... И тут звонок. Не Женька – Ирина Васильевна.

– Что у вас случилось, Богдан? Она сама не своя домой прибежала, закрылась у себя в комнате, и не выходит...

– Долго объяснять. Дома все расскажу.

Он рассказал облегченную версию произошедшего, упустив особенно оскорбительные моменты. Женькина мать потерла ухоженную бровь, опустила устало голову.

– Так будет всегда. У нас незрелое общество. Такие, как

Женя, в нем всегда будут белыми воронами. Поэтому подумай хорошенько, хочешь ли ты продолжать ваши отношения.

– Да что вы такое говорите! – начал Богдан.

– А ты не кипятись. Взвесь все, подумай тысячу раз. Женька все больше к тебе привязывается. Понимаешь? И если ты решишь найти менее проблемную девушку...

– Я не решу!

– Богдан... – устало выдохнула Ирина Васильевна. – Я вам не враг. Просто... Господи... Да тебе же интимных отношений захочется, а я даже представить не могу, нужно ли это ей...

Парень ужасно смутился. Впрочем, и сама женщина чувствовала себя не лучше. Но ей нужно было до конца все прояснить. В их ситуации невозможно было иначе.

– Я... кхм... не буду настаивать... То есть, у нас все будет, только, если Женя захочет...

Так все впоследствии и случилось. Когда Женька немного отошла после случившегося на вечеринке, они впервые поцеловались. Робко, едва дыша. Богдан понятия не имел, как Женька отреагирует на его самоуправство. В интернете и на форумах о таком писали немного. Все зависело от характера самого расстройства. Для большинства аутистов вопрос секса просто был снят с повестки дня за ненужностью. Поэтому здесь Богдан действовал на свой страх и риск. Поцелуй и... ничего. Она просто потрогала губы рукой и отвернулась, будто ничего не случилось. Но Богдан был настойчив. Через

месяц Женька уже охотно отвечала на его ласки, и даже тянулась за ними. Вот тебе и нарушение чувственного восприятия... Похоже, у Женьки с этим все было в порядке. Она любила получать ласки. И делала это с удовольствием. Не скрываясь, и не таясь. Это был такой запредельный кайф – ласкать человека, который абсолютно ничего не таит!

– Женька, Женечка... Маленькая, давай уже до конца, а? – Богдан едва сдерживался. Самоудовлетворение не приносило больше разрядки. Он хотел Женю.

Она решительно кивнула:

– Хорошо. Будет больно, да?

Черт, больно, конечно, будет... Но эта боль – доказательство того, что он первый! А это вообще запредельно круто – быть первым у любимой женщины.

– Я постараюсь аккуратно, Женька... Я постараюсь.

Он действительно старался, как мог. Ласкал ее пальцами до оупения, скользил по влажным лепесткам, добавил на всякий случай заранее приобретённой смазки, толкнулся внутрь. Женька всхлипнула. Он замер.

– Сильно больно, маленькая?

– Сильно!

– Мне выйти?

– Нет. Я тогда больше никогда на это не решусь.

Смелая, сильная, его! Ну и что, что странная, и не похожая на других?! Толкается аккуратно, поглаживает узелок клитора. И так раз за разом. О ее удовольствии речь, по всей

видимости, не идет, поэтому Богдан старается просто быстрее закончить. И ему не требуется много времени для этого. Он кончает, и падает на девушку.

– Ну, как ты?

– У меня все болит. И мне не понравилось.

Ну, Женька была бы не Женькой, если бы не рубанула правду-матку прямо в лицо. Не сказать, что это не задело Богдана. Какому парню не хочется почувствовать себя супер-мачо рядом с любимой женщиной? Задело его, конечно, прилично... Но... Он ведь знал, что может быть и так. Что, скорее всего, так и будет...

– Жень, я буду больше стараться в следующий раз. Обещаю. Тебе будет хорошо.

Она ничего не ответила. Просто встала, оделась и вышла из комнаты. С ней такое частенько случалось. Женька замыкалась в себе, когда эмоции были слишком сильными. Он к этому тоже привык. В принципе, они вообще здорово справлялись со всякими трудностями. Удивительно, но основной проблемой для Богдана стало не расстройство любимой, а собственная мать. Он познакомил ее с Женькой в канун Нового года. Не то, чтобы Жене этого очень хотелось, но парню удалось убедить ее, что это странно, когда мать не знакома с девушкой сына. К тому моменту они с Женькой встречались уже десять месяцев.

– Мам, ты только имей в виду, что Женя – особенная.

– Понимаю, Богдаша... – улыbnулась мать. – Конечно же,

особенная, ты ведь в нее влюбился.

– Эээ, ну да... Только дело не только в этом... В общем, у нее небольшое расстройство аутического характера.

Руки Татьяны Ивановны замерли прямо над тестом, глаза широко распахнулись:

– Ты встречаешься с ненормальной?

– Почему? – удивился Богдан. – Женя умная и адекватная девушка. У нее есть некоторые особенности, только и всего.

– Ну-ну. Посмотрим, – нахмурилась родительница.

Знакомство прошло просто ужасно. Женя уловила, что ей не рады, моментально. И сразу же замкнулась в себе. Богдан уже знал, что в таких случаях ничто не сможет заставить девушку заговорить. Но она старалась, как могла. Отвечала что-то невпопад, а мать сыпала и сыпала вопросами, как будто не замечая, что Женя еще больше теряется.

– Мама! Хватит.

Богдан спешно свернул посиделки, и пошел провожать Женю домой. Всю дорогу девушка молчала. Она окончательно замкнулась в себе. Богдан не мог до нее достучаться даже в письменной форме. А ведь раньше в переписке они могли решить любые вопросы! Просто однажды Богдан понял, что Жене гораздо легче делиться собственными чувствами, и сформулировать их в письме. Когда она не видит собеседника. Но в этот раз она не отвечала! Даже Ирина Васильевна не знала, чем ему помочь. Женька не общалась и с матерью. Тогда впервые он встретился с Женькиным психотерапев-

том. Тот объяснил Богдану и Ирине Васильевне, что им следует выждать. Просто дать время Жене переосмыслить случившееся. Богдан тогда чуть с ума не сошел. Месяц... Она приходила в себя целый месяц. Он едва не завалил сессию, чуть не вылетел из универа! Но его это абсолютно не волновало, а вот Татьяна Ивановна нашла лишний повод, чтобы возненавидеть Женьку еще сильнее. Как же... Из-за какой-то психички умница-сын чуть не перечеркнул все свое будущее. Она буквально изводила Богдана своими причитаниями! Уже тогда он едва удержался от того, чтобы не уйти из дома. Как бы он жил – парень не задумывался. В тот период у него даже не было работы...

В его жизнь Женька вернулась так же неожиданно, как и ушла из нее... Девушка просто написала сообщение, что ей предложили неплохой заказ, и она хотела бы за него взяться, чтобы начать зарабатывать. Сама бы она не справилась, а вот с Богданом могло бы что-то и выйти. Парень ни минуты не раздумывал – помчался к ней. Налетел прямо с порога, смял любимые губы... В тот день до заказа руки так и не дошли. Они просто утонули друг в друге. Он целовал любимую, ласкал, и не мог насытиться. Женька была не менее жадной. Она соскучилась по их ласкам, это было заметно. По дрожащим ресницам, припухшим губам и жадности, с которой она его целовала. В тот день Богдан впервые решился на оральные ласки. Спустился к ней между ног, лизнул припухшие складки. Женька захныкала, и развела ноги шире. Он продолжил

свои движения, и неожиданно понял, что любимая-то уже на грани! Она бормотала в беспамятстве и подавалась бедрами навстречу его губам, а потом кончила, жалобно всхлипывая и сотрясаясь. Это был запредельный кайф – погрузиться в ее подрагивающую плоть. Он не продержался и двух минут.

– Я скучал по тебе, Женька. Я безумно по тебе скучал. Не уходи так надолго, ладно?

Женя промолчала, просто обняла его еще крепче и уткнулась холодным носом в мужскую шею. Она тоже невыносимо тосковала. С тех пор их жизнь относительно стабилизировалась. Они нашли гармонию, и жили душа в душу. Да, это было нелегко, да, приходилось постоянно все взвешивать и тысячу раз обдумывать. Но счастье, которое накрывало парня, когда он находился рядом с любимой, стоило всех затраченных усилий. От ребят исходила такая гармония, что даже в универе уже никто не удивлялся такому союзу. Отношения с одноклассниками наладились, а Никитос даже извинился, что тогда, на вечеринке, спьяну ляпнул фигню. Женька окончательно освоилась в коллективе, и чувствовала себя все более раскованно. А Богдан просто радовался за нее. В общем, все было хорошо. И девушка, и учеба, и работа, которую он заимел благодаря Женьке – они взялись за разработку небольших web-сайтов, и к настоящему времени уже достаточно неплохо на этом зарабатывали.

Только одно не радовало Богдана – мать, которая не давала ему жизни, изводя нравочениями на тему того, что та-

кая, как Женя, ему вовсе не пара. И сегодня Богдан решил, что не может больше это все терпеть. По факту, он и так пропадавал у Женьки большую часть времени. Домой приходил разве что спать, ну и слушать нотации родительницы – без этого никуда. Вообще, конечно, странно было осознать на двадцать первом году жизни, что твоя мать – недалекая, закостеневшая в стереотипах женщина. А ведь Богдан до последнего пытался объяснить ей все про Женькин синдром. Но это было совершенно напрасно. Мать вбила себе в голову, что его девушка умственно отсталая, и никакие факты не могли убедить ее в обратном. Шаблонность мышления, стереотипы, пробелы в образовании... Здесь все наложилось, одно на другое, и жить в такой обстановке Богдан больше не мог. Последней каплей стало сегодняшнее утро:

– Ты что, опять к ней собираешься?

– Не понимаю, что тебя удивляет. Я хочу поздравить свою девушку с Восьмым марта.

– Ты пропадаешь у нее целыми днями, тратишь кучу денег на подарки, и ради кого, спрашивается?!

– Ну, знаешь ли, зарабатываем мы с Женькой вместе. И еще не известно, были бы ли у меня эти деньги, если бы она не нашла мне работу.

Татьяна Ивановна обреченно выдохнула. Попыталась зайти с другого бока:

– Ну, Богдан, ну сам подумай... Вот зачем тебе такое на всю жизнь?! Ни детей родить... Ни в люди приличные выйти.

Богдан ехидно усмехнулся.

– Как раз приличные люди все поймут. Знаешь ли, есть в приличном обществе такое понятие, как толерантность. И детей мы родим замечательных, когда время придет.

– Да таким же нельзя размножаться, дурья твоя башка!

– Мама, – жестко парировал парень. – Ты заходишь слишком далеко.

– Сынок, да ты посмотри на нее... На глазищи эти страшно огромные...

– Хватит! Достаточно! Глазищи огромные?! Ну, надо же, недостаток какой! А может, именно из-за этих глазищ она меня по-настоящему видит?! Принимает таким, какой есть? Любит безоговорочно. Меня, Богдана Белова! Никто не видит, а она видит. Понимаешь? Впрочем, нет... Ты тоже слепа.

– Запудрила она тебе мозги, Богдан! Вот, уже и против матери идешь! Чего только дальше ждать?!

– А знаешь... Ничего не жди. Ухожу я. Захочешь принять мою пару – милости прошу. А чернить все, что у нас есть, я больше не позволю.

Так он и оказался с сумкой, в которую сложил нехитрые пожитки, на обочине дороги. Хорошо, что таксистка нормальная подвернулась. За полтос отвезла... Богдан настолько задумался, что не заметил, как они приехали. У подъезда топталась Ирина Васильевна. Богдан протянул деньги водителю, и выскочил из машины. Вита проводила парня взгля-

дом, отметила, что женщина, с которой он поздоровался, была очень красивой и ухоженной, холеной даже. Сейчас, правда, она выглядела немного растрепанно, как будто парень застал ее врасплох, впрочем, судя по невольно подслушанному разговору, так, наверное, и было. Вита уже собралась отъезжать, когда женщина взмахнула рукой и поспешно подошла к автомобилю.

– Извините, вы еще свободны? Смогли бы меня подвезти в спортклуб Атлант? Здесь недалеко...

– Кончено, – кивнула Вита. – Присаживайтесь.

Женщина кивнула, крикнула что-то напоследок парню и уселась в машину.

Богдан поспешил вверх по ступенькам. Открыл дверь своим ключом, зашел в квартиру. Сердце стучало, как сумасшедшее. Как его примет Женька? Как она отнесется к его переезду, который он с ней даже не обсудил? Что, если не разрешит ему остаться?! Ирина Васильевна сказала, что, вроде, Женя не слишком переживала, но кто знает? Он вошел в комнату девушки, она работала за компьютером, и даже не повернулась к нему. Опять закрылась? Опять ушла в себя?

– Мне в нашей последней работе совсем не нравится цветовая гамма, – небрежно заметила она, как будто бы он не только сейчас зашел, а никуда и не уходил со вчерашнего вечера, когда они до хрипа спорили над новым заказом.

– Мы можем еще все изменить. Подобрать другие оттен-

ки, – осторожно парировал Богдан.

– Угу... Подумаем еще, – сладко потянулась девушка, вставая из-за стола. – И поставь ты уже эту сумку. А лучше сразу разбери. Я освободила тебе полки справа.

Богдан сглотнул. Сердце сжало дикое... невыносимое просто облегчение.

– Ты точно не против, что я переехал к тебе?

– Нет. Не люблю, когда ты уходишь.

– Что... и замуж за меня пойдешь?

– Пойду. Немного попозже. Если ты не передумаешь.

– Я не передумаю, – заверил парень и, наконец, обнял любимую, зарывшись носом в ароматные русые пряди. – Я никогда не передумаю.

– Вот и хорошо. Будет обидно, если мой любимый передумает на мне жениться.

Богдан застыл на мгновение, затаил дыхание... А потом выдохнул осторожно, зажмурился, чтобы не зарыдать, как последний хлюпик. Она впервые назвала его любимым. Впервые за все три года, что они были вместе. Господи Боже, спасибо!

История 6. Ирина и Петр

Практически сразу же после того, как они отъехали, у Ирины зазвонил телефон. Вита приглушила музыку, предоставляя возможность женщине нормально поговорить. Та ей благодарно кивнула, мазнула наманикюренным пальчиком по сенсорному экрану и приложила трубку к уху.

– Привет. А я как раз к тебе еду... Да, я была у врача... Конечно, все подтвердилось! Ты за кого меня принимаешь? Думаешь, я беременность от раннего климакса не отличу?!

Вита открыла рот, в который раз удивляясь хитросплетениям судьбы, произошедшим с ее клиентами. Никакой Санта Барбары не надо. День на колесах, и впечатлений – на год вперед... Ирина, между тем, продолжала:

– Нет, Жене я ничего не говорила... Слушай, Петь, это не телефонный разговор. Я буквально через двадцать минут подъеду, и все обсудим, ладно? Только ты, я очень прошу, не считай, что мне чем-то обязан. Это совершенно не так! Я, может, бабкой скоро стану, а предохраняться не научилась... Как – какой бабкой? Женька-то моя замуж выходит. Вот, что у нас творится... Не ко времени сейчас эта беременность, но мы все решим... Нет, конечно, у тебя есть право голоса. Ладно, Петь... Давай, скоро буду.

Как она очутилась в этой совершенно невыносимой ситуации, Ирина не знала. Если бы кто-то сказал ей о том, что

она залетит на старости лет, женщина бы здорово посмеялась. Потому что до недавнего времени у нее априори не было такой возможности. Когда ты в одиночку поднимаешь дочь с особенностями развития, времени на личную жизнь не остается совершенно. Да и не приняла бы Женька постороннего мужчину в доме. А Ира того никогда бы не привела, зная, насколько тяжело дочери дается все новое. Опасаясь, что мужчина не примет, не поймет Женю, или, не дай Бог, обидит. Тяжело поверить в искренность чувств постороннего человека, когда собственный муж бросает, наплевав на родную кровинку. В общем, не до мужчин ей как-то было. Совсем. Проблемы с дочкой, и бесконечная работа, чтобы накопить побольше денег и организовать ей самых лучших врачей, самую лучшую реабилитацию – вот и все, что она видела в жизни. Так незаметно пролетели двадцать лет. Молодость куда-то испарилась, а она и не заметила. Или дело было в том, что сама Ира не слишком изменилась? Девчонки, работающие у нее салоне, шутили, что хозяйка настолько занята, что стареть попросту забывает. На самом деле все было, конечно, не так. Имея собственный салон красоты, как-то даже грешно плохо выглядеть. Вот она и не давала себе расслабиться – маникюр, педикюр, ухоженные длинные волосы... Лицо, которое после тридцати пяти пришлось доверить рукам профессионального косметолога. Выглядела Ира для своих неполных сорока просто сногшибательно, а значит, не могла не вызывать повышенного интереса со сторо-

ны мужчин.

Сотрудницы, с которыми у Ирины сложились теплые, даже приятельские отношения, все, как одна, пытались пристроить начальницу в хорошие руки, а Ира только посмеивалась над их энтузиазмом. До тех пор, пока ей не встретился Петр. Он пришел под запись на стрижку к Эвелине, которая в тот день слегла с гриппом. Первая волна, как объясняли врачи-эпидемиологи. Но Ире от этих объяснений было ни холодно ни жарко. Запись была довольно плотная, еще и на несколько недель вперед, а мастеров катастрофически не хватало. Хозяйке приходилось вертеться, как белка в колесе, сдвигая собственный график для того, чтобы еще успеть подстраховать кого-нибудь из заболевших сотрудников. В салоне в те дни творился какой-то дурдом: клиенты капризничают, девочки, которые от усталости падают с ног, пытаются держать себя в руках и неестественно улыбаются, у хозяйки дергается глаз, и она, принимая собственных клиентов, еще умудряется бегать между двумя залами, помогая зарпортованвшимся парикмахерам. В четыре руки работа со сложными окрашиваниями идет веселее. И в этом бедламе появляется ОН. Немая сцена. Женский щебет обрывается, заинтересованные взгляды устремляются в сторону входа. Администратор Мариночка, которая тоже чувствует себя не лучшим образом, полностью выпадает в осадок, не в силах даже объяснить новому клиенту, что его примет мастер, сразу же, как только освободится. Мастер женского зала Лена, от-

крыв рот, замирает с занесенной над головой клиентки кисточкой, с которой прямо на лоб последней падает жирная клякса черной краски. Впрочем, и клиентка не слишком реагирует на случившееся, и сама залипнув на красавце-мужчине. Марик, единственный представитель мужского пола в их тесной компании, тоже засмотрелся на нового посетителя, так что чуть, было, не отнял половину уха у молоденькой девочки, которую в тот момент стриг. Конечно, ведь красивые мужчины интересовали его куда больше всяких вертлявых мамзелей. Из всех находящихся в салоне наиболее адекватной оставалась Ирина. Она быстренько вытерла полотенцем руки и, прихрамывая, направилась к стойке администратора.

– Здравствуйте. Меня зовут Ирина. Я хозяйка данного заведения. К сожалению, мастер, к которому вы были записаны, заболел, о чем мы вам неоднократно пытались сообщить, но...

– Да, извините. Когда я на тренировке, то обычно оставляю телефон в раздевалке.

– Без проблем. Вас примет первый же освободившийся специалист. Вы располагаете временем?

– Да, я подожду.

Ирина вымученно улыбнулась, кивнула головой и похромала к своему рабочему месту. Сегодня ей не помогали даже разношенные кожаные тапки на низком ходу. От каблуков, которые она обычно носила, чтобы компенсировать недостаток роста, пришлось отказаться – и без того ноги гудели

нещадно. Все-таки каблук – есть каблук. Спина тоже ныла, а рука, которая удерживала ножницы, практически отнималась. Хоть плачь.

Незло шикнув на так и не пришедших в себя сотрудников, Ирина быстро заработала ножницами. То ли потому, что другие мастера так и не сумели взять себя в руки, то ли так сложились звезды, но накачанный красавчик в итоге достался самой хозяйке.

– Что будем делать? – с трудом улыбнулась она, обхватив ладонями лицо мужчины и немного повертев его из стороны в сторону, прикидывая объем работ.

– Ничего такого, просто максимально укоротите то, что уже есть.

Женщина снова улыбнулась и принялась за работу. Вообще она специализировалась на женских стрижках. Вот Эвелина – это да. Богиня мужского зала. К ней даже женщины шли. Те, которые предпочитали стрижки покороче. Сама же Ира, хоть и восторгалась новомодными стильными пикси, предпочитала длинные волосы. Мороки с красивым светлым блондом, конечно, хватало. Но длинные волосы – есть длинные волосы. Лучшую рекламу собственному заведению и придумать трудно.

Работая машинкой над Красавчиком, (так Ира про себя окрестила последнего клиента), она как-то не сразу вникла в разговор за соседним креслом. К Леночке как раз пришла ее постоянная клиентка – дородная тетка неопределен-

ного возраста. Тетками у них в салоне принято было называть всех дам, которых, в силу определённых причин, девушками назвать язык не поворачивался. И это совершенно не зависело от возраста! Тетке могло быть как восемнадцать, так и восемьдесят. Клиентка Леночки была самым ярким представителем этого племени. Как ей удавалось превратить в непонятное нечто шикарную стрижку мастера, оставалось загадкой, но уже спустя несколько дней после посещения их салона, Маргарита Васильевна (так звали женщину), снова приобретала облик боевой подруги председателя совхоза «Красное знамя». На ее голове появлялись немыслимые начесы, безумные кудри, краска с ее волос смывалась со скоростью света, потому что еще никому не удавалось убедить тетку в необходимости использования специальных оттеночных бальзамов для поддержания красивого пепельного блонда. При этом она не желала отказываться от гордого звания «блондинка», и предложения выбрать менее хлопотный в уходе русый цвет отвергала на корню.

– Господи Боже, Маргарита Васильевна, что у вас с кожей головы?! – ужаснулась Леночка, тем самым привлекая внимание Иры.

– Это все от масок для волос! Я ведь, следуя вашим рекомендациям, Леночка, взялась за себя! – зычным голосом оповестила всех присутствующих тетка.

– И что... маска из марокканского масла так разъела вашу кожу?! – в предобморочном состоянии воскликнула Лена.

– Нет, Леночка. Ну, что это масло даст? Я тут по Малахову решила действовать.

– По кому? – в отчаянии переспросил мастер. Ира уже еле сдерживалась от того, чтобы не рассмеяться в голос.

– По Малахову. Это очень известный врач. Ты, что, его по телевизору никогда не видела?! – изумилась клиентка. – Посмотри обязательно. Такой специалист! Так вот, я решила последовать его рекомендациям, и пролечить волосы масками из упаренной мочи! – гордо сверкая глазами, пояснила Маргарита Васильевна.

Новый метод поддержания красоты заинтересовал всех присутствующих. Работа в зале остановилась. Все повернули головы в сторону тетки. Та приосанилась, вдохновившись всеобщим вниманием, и гордо распрямила плечи. Кресло возмущенно закрипело.

– Упаренной мочи? – в ужасе прошептала Леночка.

– Именно!

– Ну и как эффект? – оживился Марик и подмигнул Ирине, которая, вот ей Богу, еле сдерживалась от того, чтобы не захохотать, что есть мочи.

– Да какой тут эффект, Марик! Раны на коже. – Видимо, Леночка действительно находилась в состоянии шока, так как приняла слова коллеги за чистую монету. Марик же точно так же боролся со смехом, как и сама Ира.

– Ну... Скажем, это я виновата, а не маска! – созналась Маргарита Васильевна.

– И в чем же ваша вина? – встрял в разговор Красавчик, который тоже воодушевился энтузиазмом соседки.

– Ох... Знаете ли, я делала маски утром. А Малахов рекомендовал делать их вечером! С новой недели непременно попробую!

– Только не это! – взвыла Леночка. Марик хрюкнул, Ира, которая и без того любила посмеяться, отбросила машинку, спешно извинилась перед клиентом и, забыв о гудящих ногах, побежала в небольшую комнату отдыха для персонала, где, наконец, захохотала. В себя она приходила долго. Хохотала, успокаивалась, и снова взрывалась смехом, стоило ей только представить процесс... Петька потом говорил, что он запал на ее смех. Сначала на широкую улыбку, а потом – на смех...

Когда Ира все-таки вышла, чтобы закончить работу, Петр не сводил с нее глаз. И с тех пор регулярно приходил под салон, карауля понравившуюся женщину в надежде познакомиться. Делал бы так он еще долго, если бы умница-Леночка не поделилась с горе-ухажёром информацией о том, что Ирина и живет в этом доме. Соответственно, после работы не выходит из дверей салона вместе со всеми, а пользуется другим выходом, который ведет прямо в подъезд. Петр благодарно улыбнулся и на следующий день, как ни в чем не бывало, зашел в салон и без всяких прелюдий пригласил Ирину на свидание. Несмотря на то, что в жизни Иры мужчины не было практически двадцать лет, подобного рода пригла-

шения она получала довольно регулярно. Поэтому ремеслом необходимого отказа Ирина овладела в совершенстве. В тот раз она тоже вежливо отказалась, за что подверглась нещадной критике со стороны собственного же персонала.

– Не, ну, Ира... Это ведь несерьезно совсем! Разве можно так себя не любить?! Кто в здравом уме откажется от такого Красавчика?! – негодовала наконец-то выздоровевшая Эвелина.

– Я. Зачем он мне? – пожимала плечами женщина.

– Что значит – «зачем»? Женька твоя уже невеста. Теперь и тебе можно подумать о нормальной жизни! Что ж ты на себе крест поставила?

– Да зачем мне лишние проблемы, Эля? Мужик – это такое существо хлопотное. А мне это на кой? Есть ему приготовь, обстирай... А претензий у них, знаешь, сколько? Сама рассказываешь про своего Славика.

– Да кто ж тебя заставляет в быт погрязать? – удивилась самая опытная из них всех мастерица – пятидесятилетняя Зиночка. – Любовник тем и хорош, что только для любви и нужен. А эти все стирки-уборки тебя и касаться не будут, ты ж ему не жена? Встретились – разбежались.

– Вот-вот! Любовник – это такое счастье. Свидания, поцелуи под луной, и не только поцелуи... А потом – спасибо, и до новых встреч! Что ж тебя жизни нужно учить? – удивился Марик. В любовниках тот разбирался, как никто другой. В надежде найти человека, с которым можно было бы связать

жизнь, любовники у Марика не переводились.

– Ну, не знаю, дорогие мои. Это что ж получается, секс ради секса?

– Почему? – изумилась Эвелина. – А поговорить, на выставки какие-нибудь сходить, в кино? Все ж, не так одиноко.

– На выставке мы вчера были с Женькой и Богданом.

– Ты неисправима! – махнула рукой Зина.

– Слушай, Ир... А тебе, что, мужика совсем не хочется? – полюбопытствовал Марик.

– Эээ... Кого-то конкретного?

– Ну, да!

– Может быть, только Стетхема.

– Это кто? – поинтересовалась Зина.

– Актер такой. Лысый, накачанный. И его уже, кстати сказать, захомутали. Моделька одна. Розы как-то там. Фамилию фиг выговоришь. – пояснила Эля.

– Розы Хантингтон-Уайтли, деревня! – голосом Гурченко блеснул интеллектом Марик.

– Да, хоть бы кто. Занят он. А нам Иру пристроить нужно в хорошие руки. А тебе, дамочка, если качки по душе, так тем более на Петра стоит обратить внимание. Он владелец спортклуба – вот откуда мышцы. Я уже все разузнала, – похвалилась Эвелина.

– Ну, ты и шустрая! – восхитилась Зиночка.

– Так вот, возвращаясь к нашим баранам, Ир, ну дай ты парню шанс. Что тебе стоит? Не понравится – никто не ста-

нет заставляя. А понравится – хоть время с пользой проведешь. Вспомнишь, что ты не лошадь ломовая, а красивая молодая женщина.

– Красивая, а по поводу возраста... Жених ваш помоложе будет.

– Ну, а на кой тебе старикан? – изумилась Зиночка. – После сорока у них, знаешь ли, проблемы с потенцией начинаются. А тебе такое счастье надо?!

В общем, вода камень точит. К следующей стрижке Петра, сдавшись под напором коллег, Ирина согласилась пойти на свое первое, за двадцать лет, свидание. Волновалась ли она? Безусловно. Как девчонка совсем, коей она, вполне возможно, и оставалась в глубине души, многое недополучив в свое время. Собирали ее всем салоном. Маникюр-педикюр, макияж, укладка. Ей еще свидание предстоит, а она уже устала. Хорошо, хоть Женька ничего не заподозрила, проторчав весь день с Богданом.

Петр заехал за ней ровно в семь, как они и договаривались. Вполне возможно, что это было нетипичное для свиданий время, но другим Ирина попросту не располагала. Петя выглядел просто роскошно в светлом джемпере и темно-серых брюках по фигуре. Образ дополняло легкое кашемировое полупальто. Несмотря на все опасения и волнения Ирины, они замечательно провели время. Неловкости не было. Петр оказался интересным собеседником и галантным кавалером. Ирину немного шокировал факт того, что Пете бы-

ло всего тридцать два года. За счет массивной фигуры и достаточно зрелых суждений, Ире казалось, что он несколько старше.

– А мне почти сорок, – с ужасом прокомментировала она.

– Да? Никогда бы не подумал.

– Да, у меня дочке двадцать лет.

– Дочке?

– Да. Эээ... Может быть, по домам тогда? – зачем-то спросила Ирина, сокрушаясь, что согласилась поехать на его автомобиле. Со своими колесами было бы как-то проще. Это избавило бы его от необходимости отвозить ее домой...

– Почему? – удивился Петр. – Тебе не нравится этот ресторан?

– Нет! Просто тебе, наверное, не захочется теперь тратить на меня свое время?

– Почему? – нахмурился он.

– Мне почти сорок, Петь. А ты красивый молодой парень. Тебе девчонок, годящихся мне в дочери, на свидания звать в пору.

– Глупости. Я хочу тебя.

Вот, какие они – уверенные в себе мужчины. Вот, как у них все просто. Хочу, и все. И Ирина с удивлением отмечает, что эти его слова закручивают желание и в ней. Глаза широко распахиваются, дыхание становится поверхностным и частым. Но она не готова поддаться порыву. Петр все понимает, и ни на чем не настаивает. Они проводят вместе прекрас-

ный вечер, каким-то непостижимым образом находят общие темы, и много смеются.

– А дочь? Чем она занимается?

– Студентка. Специализируется на веб-дизайне. Очень талантливая девочка. Особенная.

– Особенная в каком плане? – уточняет Петя. Ирина напрыгается, уже готовая ринуться в бой за своего ребенка.

– А что?

– Ничего, Ира! Интересуюсь просто.

– У Женьки легкое расстройство аутического характера.

Господи... Сколько раз в своей жизни она произносила эту фразу? Вызывающе, со слезами на глазах, с отчаянием, с надеждой... И вот сейчас – опять с вызовом. Ну что, теперь тебя как ветром сдует, Петенька? Зачем тебе немолодая баба, неспособная родить полноценного, в глазах общества, ребенка? Или для «потрахаться» сойдет и такая? Хотя, опять же... Зачем эти сложности?

– Оу, тяжело тебе было, да?

– Не жалуясь, – немного резче, чем следовало, ответила Ирина.

– А никто и не говорит, что жалуешься. Я работаю с детьми с ДЦП. У нас в клубе разработана программа реабилитации для малообеспеченных детишек.

Ира смотрела на Петра, и не знала, что сказать. Если с детьми занимаются бесплатно, то это... Что-то, за гранью фантастики. Кому охота терять прибыль, и предоставлять

бесплатные услуги? Только она раз в месяц могла целый день вести бесплатный прием людей, не способных позволить себе поход в парикмахерскую. Ну, и ее девочки, у тех тоже душа нараспашку. Посчастливилось ведь обрести такими золотыми людьми!

– А разве для этого не нужно иметь специального образования? – неизвестно зачем поинтересовалась она.

– А я разве не говорил, что по образованию врач-реабилитолог?

– Не-а, – покачала головой Ира.

– Ну, значит говорю! – улыбнулся Петр.

– А как ты из врача-реабилитолога сделался хозяином спортивного клуба?

– Я сначала из спортсмена сделался врачом, а потом уже только хозяином, – посмеиваясь, уточнил мужчина.

Уже по дороге домой Петя рассказал, что в юности профессионально занимался единоборствами, потом был травмирован, и оказался не у дел. Пошел учиться в медицинский, чтобы, как это ни банально, помогать своим товарищам по несчастью, но на этом поприще заработок был мизерным, а он с юных лет привык ни в чем себе не отказывать – спорт приносил хороший доход. Тогда у Петра родилась идея открыть собственное дело. А когда выбор встал, какое – он долго не раздумывал. В клубе он мог и с парнями тренироваться, и по специальности развиваться, и доход неплохой иметь. Так и жил.

Ирина слушала Петра с удовольствием. Потому что его рассказ был таким настоящим, без хвастовства и напускной крутости. Обычная история из жизни не самого обычного мужчины.

– Ну, а ты как стала хозяйкой самого престижного в округе салона красоты?

– Случайно! – усмехнулась Ира.

А все, и правда, произошло как-то само собой. На заре своей карьеры, когда она только родила Женьку, Ира, где только ни работала. Бегала под запись из одного салона в другой, не щадя ног. А потом поняла, что ей уже и не нужно ни за кем бегать. Все готовы следовать за ней, куда бы ни пришлось. Говорят же, сначала ты работаешь на имя, потом имя работает на тебя. Так и случилось. Ира поняла, что не имеет никакого смысла работать на «дядю», и арендовала кресло в одном из салонов. Работала очень много. А когда не работала – носилась с Женькой по врачам и всяким развивающим ребенка занятиям. Работала так много, что смогла даже откладывать деньги. А потом в салоне случился потоп, и ей нужно было срочно искать новое место. А тут как раз продавалась квартира на первом этаже в ее же доме, идея покупки которой в голове родилась спонтанно. Купила, взяв недостающую сумму в ипотеку, влезла в кредит, чтобы по всем правилам оборудовать зал. Не успела со всеми долгами рассчитаться, клиенты стали намекать, что было бы неплохо сразу же и маникюрчик сделать, а тут еще смежную квартиру

выставили на продажу... Опять ипотека, приглашенный на работу мастер маникюра, косметолог... И пошло-поехало.

Петя внимательно слушал рассказ Ирины и бросал на нее короткие взгляды. Она была совершенно потрясающей женщиной. Ему не доводилось встречать таких. Или их попросту не осталось? Штучный, единичный экземпляр. Не сломалась, не сдалась. В одиночку подняла проблемную дочку, состоялась в профессии, и умудрилась при этом не растерять свою жизнерадостность. Ирина была очень улыбчивой, это он заметил еще тогда, в салоне. Самому Петру в тот момент было смешно до спазмов в животе, а тут еще Ира со своим звонким смехом, который, как она ни старалась его заглушить, все равно доносился из-за двери. И баба эта безумная... Адептка уринотерапии, чтоб ее. Он еще долго со смехом вспоминал тот поход в парикмахерскую. И саму Иру тоже не мог забыть, поэтому и торчал там, как приклеенный, почти две недели кряду. Спасибо добрым людям – просветили, что напрасное это дело. В общем, пришлось набраться смелости, и действовать более решительно, что называется, «в лоб». Хотя и не думал, что такой номер прокатит с женщиной, подобной Ире. Что-то Петру подсказывало, что там не обошлось без уговоров. Скорее всего, он произвел впечатление не на Иру, а на ее «девочек», как она любовно называла своих сотрудников.

– Ир, а у тебя ведь и мужчина работает. Что ж ты их всех девочками величаешь?

Ирина смутилась, разгладила нервно складки на красивом черном платье:

– Ну... Марк – он, конечно, мужик – хоть куда, только и девочка он побольше многих. Он, знаешь ли, парней предпочитает, поэтому и на «девочку» мою не обижается. Но это только ко мне относится. Мне можно. Другим может и по зубам за такое съездить. А с нами... ну, прикалываемся мы так, понимаешь? Он не обижается.

– Понимаю, – кивнул Петя, у них в клубе тоже были свои приколы. Наверное, как и в каждом дружном коллективе.

– Что, даже лекции не будет? – изумилась Ирина такой невозмутимости.

– По поводу чего? – уточнил Петр, сворачивая к подъезду Иры. Ей нравилось, как уверенно он вел машину, как его руки удерживали руль... Это было красиво.

– По поводу распоясавшихся гомиков, и всего такого...

– Да, мне то что? Пусть люди с ума сходят, как им нравится. Ко мне ведь он не пристаёт? – сверкнул белозубой улыбкой Петя.

Ирина удивилась, в очередной раз за этот вечер. Она и не думала, что такие мужчины остались, так что Петр стал приятным сюрпризом. Может, и правда, стоило с ним попробовать? А хоть бы и для здоровья, как это смешно называла Зиночка. Ира нерешительно повернулась к мужчине, не зная, что ей следует делать дальше? Поблагодарить за прекрасно проведенное время, и просто выйти из машины? Ну,

не целоваться же с ним, ей Богу. Она ведь не Женькина ровесница... Его губы стремительно приближаются, и она забывает обо всем. Как девчонка сопливая. И не разучилась ведь, за столько-то времени! Наверное, поцелуи, как и езда на велосипеде – один раз научился, и приобрел навык на всю жизнь... То нежно, то страстно, еще, и еще... Хочется мурлыкать, как кошке, и также тереться о него всем телом. Сумасшествие...

Домой вернулась с горящими, переполненными счастьем глазами.

– Мам? Привет, а ты чего так долго? – высунула из-за двери голову Женька. – Уже двадцать три ноль-ноль, – для пущей убедительности добавила она.

– Извини, Женечка. У меня были дела.

– Ты че... Губы, что ли, сделала? Тебя Анька подбила?

– Да, ничего я не делала, – покраснела Ирина и отвернулась, стягивая сапоги.

– Странно, – прокомментировала Женька.

От более детального допроса Ирину уберег Богдан. Парень понимающе хмыкнул, заставив ее покраснеть еще сильнее, и намекнул Женьке, что ему пора уходить. Пока молодые прощались, Ира быстренько прошмыгнула в свою комнату и не выходила до самого утра.

Так все и началось. От Женьки она первое время таилась, не в силах предугадать реакцию дочери. Старалась не нарушать заведенные в их семье ритуалы. Но потом рассекре-

титься все же пришлось. Ирина столкнулась с Петей случайно. В супермаркете. Они как раз покупали продукты с Женькой к Новому году, а тут он. Пришлось здороваться и знакомить дочь с мужчиной. Та, на удивление, глаз не отводила, и даже вполне себе любезно кивнула головой.

– Это он – твой мужчина? – одной фразой перечеркнула все восторги матери Женька. Ира широко распахнула глаза и, пытаясь взять под контроль бушующие эмоции, проблеяла:

– Что это ты такое болтаешь? Нет у меня никого.

– Вот и плохо. – И пошла дальше между рядов, не давая Ире возможности прийти в себя.

– Петь, извини... я...

– Зря ты меня скрываешь. Выдумала проблему на ровном месте, и жизни себе не даешь.

– Извини, Петь, правда. Я тебе вечером позвоню, хорошо? – неловко оправдывалась Ира, отступая вслед за дочерью.

– Угу. И определись уже, что будешь делать на Новый год. А то и я в подвешенном состоянии.

Ирина кивнула, догнала Женьку и потопала с нею между рядов. А потом все-таки позвонила мужчине вечером и пригласила на Новый год к себе. Каждый год они с Женькой встречали его одинаково. Только последние три года компанию им составлял Богдан.

– Жень, а точно ничего, что к нам Петр придет?

– Точно. Пускай только не опаздывает, ладно?

– Хорошо. А ты уже придумала, что будешь дарить Богдану?

– Да, а ты?

Ирина зависла. Села растерянно на стул.

– Ну, ты, мама, даешь. – Женька, наконец, оторвалась от компьютера и посмотрела на мать. И потом задала ей неожиданный вопрос. Впрочем, Женька всегда отличалась прямо-той. Это еще одна ее особенность. – А почему ты раньше ни с кем не знакомилась? Из-за меня?

Ира сглотнула. Обманывать Женьку не имело смысла. Она интуитивно чувствовала ложь и неискренность, и сразу же замыкалась в себе.

– Мне тяжело было, Женька. И времени ни на что не оставалось. Тем более – на мужчин.

– Намучилась ты со мною, да?

– Нет. Ты мое счастье, я бы не хотела другого.

Женька редко проявляла эмоции. Практически никогда. Поэтому Ирина была просто шокирована, когда дочь ее обняла и прошептала:

– И ты мое счастье. Ты ведь всегда будешь со мной, правда?

– Конечно, милая, – сглотнула Ира, пытаясь побороть закипающие в глазах слезы.

– Вот и хорошо. А Петька твой... ничего вроде. Дадим ему шанс.

Петр шансом воспользовался. Тридцать первого пришел ровно к назначенному времени, притащив заранее приготовленного гуся.

– Это ты сам? – восхитилась Ирина.

– Сам-сам. По бабушкиному рецепту.

– Класс! А у меня птица вечно сухой получается.

Несмотря на все опасения Ирины, вечер прошел замечательно. Мужчины шутили, Женька, у которой с юмором было туговато, помалкивала в сторонке, но напряжение в ней не ощущалось. Она даже вполне благосклонно отнеслась к тому, что Ирина, в нарушение графика, отпросилась с Петром в ресторан. Конечно, никуда они не поехали. Точнее, поехали, но не в ресторан. К нему... Ведь встречались они практически два месяца, а до главного дело так и не доходило. И оба к настоящему моменту буквально закипали.

Как шестнадцатилетние, взбежали по ступенькам, с трудом открыли дверь – руки Петра подрагивали. И эта его дрожь только убедила Ирину в том, что она все делает правильно. И с правильным мужчиной. Дверь поддалась, они ввалились в темную прихожую.

– Маленькая, я больше не могу, – пожаловался Петя, уткнувшись лбом в ее волосы.

– А больше и не надо, – прошептала в ответ Ирина. Ей стало так тепло от этого «маленькая». Может быть, речь шла о ее росте. Сейчас, без сапог на высокой шпильке, она Пете и до груди не доставала. Это было так трогательно – хрупкая

женщина на фоне большого сильного мужчины... И можно было помечтать, что ей действительно можно побыть чьей-то «маленькой». Хотя бы сейчас.

Петька ошалел от ее слов. Она читала это в его глазах. Поцелуй. Ох... за последние месяцы Ирина овладела этим искусством в совершенстве. Только сейчас все по-новому... Скольжения губ более напористые, несдержанные. Петр знает, что не придется больше останавливаться, и пользуется моментом. На платье Иры хитроумная застежка. Он в отчаянии шарит по ней руками, в попытке ту обнаружить. Ира издает нервный смешок и помогает партнеру. Она ужасно переживает и комплексует. Эмоции обостряются, когда Петя стаскивает с себя рубашку. Он необычайно красив. Атлетическое телосложение, бугрящиеся мышцы, кубики на прессе. А она... Черт! Ну, ей сорок. И, несмотря на достаточно приличную фигуру, возраст берет свое. Например, небольшой животик при в общем-то стройной фигуре, сеточка бледных растяжек по низу полной, хорошей формы груди... И почему только не воспользовалась лазером, как ей предлагал косметолог? Все времени не находила. А теперь...

– Вау... Вау... – прошептал Петя, взвешивая ее груди в своих больших ладонях. Потер большими пальцами прямо по прикрытым черным кружевом соскам, опустил голову, впиваясь губами в спелую вершинку. Ирина теряет ориентацию. Сжимает в руках его широкие плечи, чтобы хоть как-то удержаться на ногах. Понимает, насколько сильно ей был

нужен мужчина. Петька... Как же долго она его ждала! Тем временем он продолжает ласки. Это Ира не в силах пошевелиться, а у Петра, напротив, безумная жажда действия. Сочная грудь, тонкая талия, животик, от которого он просто балдел... Гладкие стройные ноги, обтянутые капроном. Он боялся упустить хоть что-то, и гладил, гладил, гладил... Скользил губами. Красивое платье сбилось на талии, Петр стащил его одним движением. Замер взглядом на точеных ножках в чулках, метнулся к обтянутой кружевом развилке. Сглотнул. Он хотел ее, как сумасшедший. Последние два месяца все его мысли, все желания принадлежали ей одной. Никогда в жизни он не был настолько помешан на женщине.

– Ты очень красива. Очень, – прошептал он, касаясь рукой промежности. Шелк трусиков промок. Ира тоже его хотела. Отодвинул в сторону кружево, скользнул пальцами внутрь, вызывая тем самым ее хриплый отчаянный стон. Все потом! Он должен быть там прямо сейчас. Отбрасывает прочь собственное белье, ложится на любимую, закидывая ее ноги себе на плечи, и погружается внутрь до конца. Она невозможно... неестественно тугая. И этот всхлип... Останавливается.

– Тебе больно, что ли? – Испытывающе смотрит в глаза, всеми силами удерживая себя от дальнейших движений.

– Извини. Я... у меня не было никого очень-очень долго и... – В ее глазах стоят слезы, а он проклиная себя за спешку. Аккуратно опускает ее ножки. Выskalъзывает из нее:

– Сейчас, маленькая, сейчас... Пожалеею...

Резко опускается вниз и накрывает ее плоть губами. Никого и никогда он еще не ласкал с таким удовольствием. А какой музыкой звучали ее тихие всхлипы? И крик, когда она кончила. И как же сладко было уже более аккуратно погрузиться в ее подрагивающее лоно, и кончить самому!

– Никуда тебя не отпущу, – пообещал Петр.

Но отпускать приходилось. У Ирины была работа, была, хоть и взрослая, но требующая внимания дочь. А Петр ненавидел, когда она уходила. Поэтому все чаще стал появляться на их с Женькой территории. С дочерью Иры у них сложились вполне нормальные отношения. Они все чаще общались на разные темы, а однажды Женька заинтересовалась работой его спортзала. Так, что он даже подбил ее на выход «в люди». Ирина с Женькой и Богданом пришли к нему в клуб, и он самолично провел им обзорную экскурсию по всем этажам комплекса. Ирину заинтересовал бассейн, а Женька зависла на тренировке по Тай-Бо.

– Нравится? – поинтересовался Петр.

– Прикольно, – подтвердила Женька. – Я там, кстати, твой сайт посмотрела. Какая бездарь тебе его ваяла?

– А что не так? – почесал в затылке Петр.

– Порожняковый он, – встрял в разговор Богдан, обнимая Женьку двумя руками.

– Так что, как разработаем тебе что-нибудь путное, будешь должен. Готовь деньжата.

Ребята пошли вперед, а Петя остановился. Замер взглядом на Ирине, которая в своих модных джинсах будила в нем совершенно неприличные желания, сглотнул и поинтересовался:

– И что, много денегат готовить?

– Ага! Женька, знаешь, какая талантливая! И Богдан... Они, кстати, очень прилично зарабатывают. Я уже и не у дел, считай.

– Ладно, думаю, если не потяну – они мне по старой дружбе рассрочку оформят, – пошутил Петр, обнимая любимую.

В общем... Хорошо у них все было. Безоблачно. Пока неделю назад Ирина не заподозрила беременность. Как ушат холодной воды. Только жизнь более-менее наладилась. И у дочери все хорошо, и у нее самой. Семья, мужчина, с которым тепло и уютно, работа... И абсолютно несвоевременная беременность. Не нужная самой Ирине и даром. Она это уже проходила. И ни за что не станет испытывать судьбу вновь. Если ей в девятнадцать не судьба была родить полностью здорового ребенка, то чего ждать от беременности в сорок?! Паника. Вот, что с ней случилось. Петя неделю обрывал ей телефон, а она лепетала в трубку какие-то бессвязные оправдания, а ночами плакала тайком. И только сегодня по телефону она созналась в происходящем. Просто не могла соврать, когда Петя позвонил в очередной раз, узнать о том, что случилось. И вот теперь она едет к нему! А на улице жуткие пробки. Все как взбесились по случаю праздника!

Вита ловит отчаянный взгляд попутчицы:

– Сейчас гляну в картах комментарии... – бормочет, загружая в телефоне карты. – Вот же...

– Что там?

– Многочисленное столкновение на повороте. Наглухо встали.

Телефон Ирины снова пиликает. Она в отчаянии смотрит на него, решительно прикладывает к уху:

– Маленькая, с тобой все хорошо?

– Угу... Мы только в пробке наглухо застряли. Тут авария впереди.

Петр тихонько выдыхает:

– Я знаю, поэтому и звоню. Вы где сейчас?

– Возле Сельпо. И еще не скоро сдвинемся, судя по всему.

– Стой там, и никуда не уходи. Я через две минуты подтянусь.

– Хорошо, – кивает головой Ирина и всхлипывает отчаянно. Все сегодня через одно место. Только с Богданом все решилось более-менее благополучно. Быть ей все-таки тещей. Господи, спасибо! И не надеялась ведь, что Женька счастье свое обретет. Поначалу чем ее только ни пугали заматеревшие доктора. Как бы ей сейчас хотелось каждому из них свою Женьку показать!

Передняя дверь открылась. Петя!

– Привет. Пойдем на заднее сидение.

Ирина бросает неловкий взгляд на таксистку, смущенно

улыбается, и они вместе с Петей устраиваются сзади.

– Ну? Что доктор сказал? Ты прости меня, что я не успел подъехать. Я ведь за городом был, и...

– Я все понимаю. – Сжимает его ладонь, а в глаза посмотреть не может. Ей страшно, и стыдно одновременно...

– Так что доктор сказал? – настаивает на своем Петя, сосредоточенно ее разглядывая. Ирина сглотнула. Вздохнула раз-другой...

– Да что он скажет... Подтвердил мои предположения. Взял литр крови на анализы, мазок... – Последнее слово Ирина добавила совсем тихо. Ну, не обсуждать же такое при посторонних? Ей и Пете об этом как-то неловко говорить...

– Ну, а с ребенком все хорошо? Срок-то какой? Как ты себя чувствуешь?

– Нормально все. Головастик еще совсем. Срок – пять недель. Чувствую себя нормально. А что касается ребенка, скрининги делают с двенадцатой недели. До этого сложно о чем-либо судить. Аутизм и вовсе невозможно выявить...

– Фух... Главное, что с тобой все хорошо. Ну, и с ребенком, конечно. Это что же, выходит, я, наконец-то, папкой стану?

– Эээ... – Ирина не посмела ничего сказать. Петр выглядел таким счастливым. Конечно, немного пришибленным, но ужасно довольным. Она в очередной раз сглотнула. Прижала ладонь к груди. А Петя... Он, кажется, что-то понял. Потому что его улыбка вдруг замерла на губах:

– Ты же ничего не собираешься делать, ведь так?

– Мне сорок... В этом возрасте увеличиваются все риски, Петя... И Женька, она может неправильно все воспринять, и ты... Вот зачем тебе проблемная немолодая тетка? – Назвав себя так, Ирина вздрогнула. Тетка – это было самое страшное ругательное слово на свете. Только тетка могла решиться на то, на что хотела решиться она...

– Дура! – рявкнул он. И это, пожалуй, впервые она видела его таким. – Сорок лет, а ума нет. Прямо стихи выходят!

– Петь...

– Вот ты думаешь, что я сейчас чувствую, а? Я ж люблю тебя, Ира, понимаешь? Это ты ко мне как к развлечению относишься. Есть – хорошо, нет – и не надо.

– Неправда! – запротестовала Ира. – Я просто не питаю ложных надежд. Это страшно, знаешь ли... Разочаровываться.

– А мне, думаешь, не страшно тебя любить, такую сильную?! Ты можешь хоть раз в жизни выдохнуть? Довериться, дать шанс?

Ирина бы непременно что-то ответила. Если бы его «любить» не выбило ее настолько сильно из колеи. Черт... может быть, ей повезло? Может быть, все и впрямь как-то можно решить?

– Петя... – Ее голос дрожит, срывается...

– Мы рожаем. Поняла? Женьку постепенно настроим. С жильем тоже что-нибудь придумаем.

– Мы не сможем переехать... – неуверенно шепчет Ира.

– Значит, будем расширяться!

– К-куда? – всхлипывает женщина. Ирину накрывает просто колоссальное облегчение. Она и не думала, что её настолько скрутило...

– Вверх, вбок, вниз... куда угодно. Выкупим квартиру соседей, и заживем все вместе. С Женькой, Богданом, ребенком, внуками...

– Какие тебе внуки? – сквозь слезы смеется Ира. – Ты ж мальчишка совсем.

– Ничего подобного. Я – отец семейства. Будущий муж, тесть и дед. Женька, хоть не сразу, будет детей заводить? А то с двоими тяжело будет по первой.

– Нет. Им еще выучиться нужно. – Она смотрит на Петра и плачет, потому что слабой, наконец-то, можно быть...

– Ира, все будет хорошо. Обещаю, любимая, слышишь?

– Я боюсь. Ужасно, до трясучки, до потери сознания...

– Все будет хорошо, – повторяет с нажимом. И она знает, что так и будет. Пете Ира верит безоговорочно.

– Петь... Ты не развлечение для меня.

– А кто же?

Только поза выдает его колоссальное напряжение. Ирине даже как-то стыдно становится за себя... И за собственный эгоизм.

– Ты для меня самый лучший на свете. Понимаешь? Долгожданный мой.

Наверное, это даже лучше, чем просто «люблю». Сердце делает кульбит, набирает разгон, он склоняется над любимой женщиной, накрывает огромной ладонью все еще плоский живот и целует, не оглядываясь на посторонних.

А Вита не может глаз отвести от чужого счастья. Бывает же такое... Эх!

История 7. Бачо и Вита

Вита сидела в своей машине и рыдала. Все... Баста. Пора домой. И так заработала больше, чем планировала. А в таких растрепанных чувствах крутить баранку – себе дороже. Ей еще сына поднимать нужно. И пусть Вите не повезло так, как ее пассажирам, это ведь не повод подвергать себя опасности? Да и не зря говорят, что нужно быть благодарным Богу за все, что есть в твоей жизни. У Виты было немало – сын, дом, в котором уже даже краны не текли, потому, что Сашка давным-давно научился их чинить самостоятельно. Бодрые, несмотря на возраст, родители, и подружки-хохотушки, позитивные, как и она сама, барышни. Вита в последний раз шмыгнула носом, звучно высморкалась (а что, она одна, может себе позволить), глянула на себя в зеркало. Да уж... Видок! Красные глаза, распухший нос и поплывшая помада. А главное, редела чего? От счастья за своих пассажиров! Ну и еще, конечно, немного от жалости, что с ней самой такого счастья не случилось. Вдохнула поглубже, вытерла губы салфеткой, промокнула глаза. И ведь не страшная, неглупая, да и не старая, в общем-то! Так почему у нее не ладится личная жизнь? Так хочется иной раз прийти с работы, а тебя дома ждут... Пусть не какой-нибудь секс-символ, или мачо-мэн. Обычный мужчина, к которому можно прислониться, и с которым бы не было так одиноко...

Неожиданно открылась дверь. Вита вздрогнула. Моргнула, растерянно уставившись на забирающегося в машину здоровяка:

– Эй... Что происходит? – вознегодовала она. Мужчина невозмутимо пристегнул ремень и повернулся к ней лицом.

– Вы меня сюда привезли, вы меня отсюда и увезёте.

Вита не сразу узнала в наглеце своего первого сегодняшнего пассажира, а когда узнала, осмотрелась по сторонам. И правда, она его сюда привезла. Только разве этот факт дает право вот так к ней врываться?!

– Сожалею, но я уже не работаю.

– Шашечки висят, – сухо прокомментировал Бачо, тыкая пальцем куда-то в крышу машины.

– И что?

– Значит, работаете. Послушайте, мне совершенно некогда с вами пререкаться. Поехали уже скорее... – Бачо и правда торопился. Отец приболел, ему пришлось проторчать возле него целый день, в то время как в ресторане случился полнейший завал по случаю Восьмого марта. Было такое чувство, что все мужики города решили привести свои вторые половины к нему в заведение. Можно подумать, что для этого существует только один день в году. Дурацкий праздник. Лицемерный...

– Я никуда не поеду! – запротестовала Вита.

– Послушайте, у меня тяжелый день. Больной отец, завал на работе, такси хрен дождешься, ну, не выделывайтесь еще

и вы!

– Это я выделываюсь?! Да вы обнаглели. Ну-ка, марш из моей машины.

Бачо выдохнул. Его южный темперамент рвался наружу, но он уже практически научился с ним справляться. И сегодня, вместо того, чтобы взорваться эмоциями, посчитал про себя до пяти, сделал несколько глубоких вдохов, прежде чем что-либо сказать вновь.

– Извините, я был не прав. Но мне очень-очень нужно попасть в ресторан. Не будете ли вы так любезны доставить меня туда, скажем, по двойному тарифу?

Вита колебалась. Она ведь решила, что никуда не поедет, тем более – с таким хамом, но... Что-то в его поведении или словах заставило ее усомниться в собственном решении. Возможно, то, что несмотря ни на что, Бачо бросил все и поехал к больному отцу, или эта его попытка взять себя в руки... У него не очень получилось, но ведь он старался! Да и не изменится ничего за то время, что она потратит на шеф-повара. Дома ее никто не ждал. Сашка, и тот ночевал у родителей.

– Ладно... – тяжело вздохнула Вита. – Куда вас денешь...

– Никуда! – оживился мужчина, убедившись, что он все-таки нашел способ уехать с этих чертовых Позняков. Его радость длилась недолго. Они едва успели съехать с моста, проехали метров пятьсот, и уперлись в хвост огромной пробки.

– Черт... – выругалась женщина. – И здесь то же самое...

Бачо был более несдержанным в своих оценках ситуации.

Вита давно не слышала такого забористого мата.

– Все через жопу сегодня. Недаром ведь женский день!

Вита подозрительно покосилась на пассажира, который в отчаянии треснул здоровым кулачищем по подлокотнику.

– Вы часом не шовинист?

– На чем основаны подобные выводы?

– Исключительно на ваших словах о том, что через одно место у вас все исключительно из-за женщин.

– А что, разве это не так? Где женщина – там вечные проблемы. – Бачо насупился и отвернулся к окну, в попытке понять, что там впереди происходит. Если авария крупная – встанут намертво. Он в этих краях каждую трещинку на дороге знает. До собственного дома рукой подать.

– Вы это серьезно? – подозрительно уставилась на мужчину Вита.

– Феминизм, эмансипация, все дела... И не сиделось ведь за мужиком! А что в том плохого, я вас спрашиваю?

– Плохого? Да ничего. Многие бы женщины с радостью вернули бы все на круги своя. Да только не за кем им сидеть. Знаете ли, мужик нынче измельчал.

– Сами их к такому приучили – теперь жалуется.

– Да не жалуюсь я! Просто и вы мыслите стереотипами какими-то. Из крайности в крайность... – Вита выпалила свою тираду и резко отвернулась к окну. От этого движения ее небольшая грудь всколыхнулась, привлекая внимание Ба-

чо. Он скосил глаза, застыл так на некоторое время, и уже более заинтересованно поднял взгляд вверх. Хороша. Не иссушенная, как нынешние идеалы красоты, но и не расплылась, подобно многим женщинам, махнувшие на себя рукой. Подтянутая, с тонкой талией, шикарнейшей грудью, размера – не меньше четвертого, ну а попку он еще утром заценил. Губы пухлые и свои, что немаловажно, нос ровный, немного курносый. Впрочем, это бросается в глаза, только когда она находится в профиль. Глаза большие зеленые, ну а волосы... Огонь.

– Это ваш естественный цвет волос?

– А? – Вита не сразу сообразила, о чем ее спрашивают.

– У вас красивый цвет волос. Он от природы?

Бачо показалось, что женщина несколько смутилась. По ее лицу разлился розовый румянец, что только подтверждало натуральное происхождение огненной гривы. Рыжие покраснели моментально.

– Я не крашу волосы, если вопрос об этом.

– Очень красиво, – зачем-то повторил мужчина и снова отвернулся к окну. Скорее всего, для Виты его откровенность была непонятна. Но Бачо, как и большинство грузин, был достаточно прямолинейным. В отношениях с женщинами – так точно. И сейчас он не видел причины, по которой не мог бы сказать то, что думает, прямо. Впереди возмущенно засигналили. Беда в том, что, скорее всего, это ничего не даст. Пробки в этом районе случались нечасто, но уж если

случались... Почему-то подумалось о том, что сегодня Восьмое марта, а его симпатичная водитель сидит с ним в машине, по его вине лишенная праздника. Если бы он не настоял его подвезти, возможно, она была бы уже дома, с любимым мужчиной, или семьей. Хотя... что-то он не видит у нее на пальце кольца. Да и не звонит никто, обеспокоенный.

За полчаса они продвинулись ровно на пару метров.

– Похоже это надолго, – с сожалением вздохнула Вита.

– Надолго... Попробуйте свернуть к этому супермаркету...

– Там нет другого выезда. Это ничего не даст.

– Делай, как я говорю. Там, по крайней мере, можно бросить машину.

– Я не буду ее бросать!

– Значит, будешь сидеть в ней до ночи.

– Когда мы перешли на «ты»? – возмутилась женщина.

– Вот прямо сейчас и перешли. Попробайся вывернуть колеса.

– Я не понимаю, какая разница, где сидеть?! В пробке или на стоянке магазина?

– Я не предлагаю тебе там сидеть. На стоянке будет стоять твоя машина. А тебя я приглашаю в гости. К себе. Я живу через четыре дома отсюда.

– Я не пойду в гости к незнакомому мужчине.

– Тогда давай знакомиться. Я Бачо Киплиани, а ты?

Вита всем корпусом повернулась к пассажиру и непони-

мающе на того уставилась.

– Вы что, решили не ехать в ресторан?

– Мы туда доедем через несколько часов. Мне там уже нечего будет делать.

– Тогда идите домой... Сами сказали, что это недалеко. Я-то вам там зачем?

– Праздник на дворе. Ты собираешься его в пробке встречать?

Женщина бросила отчаянный взгляд на дорогу и снова посмотрела на мужчину:

– Это неудобно, да и, вполне возможно, что все не так страшно. О! Я в картах пробок сейчас уточню! – Она схватила телефон, попыталась обновить приложение, которое никак не грузилось. По всей видимости, сеть была перегружена.

– Не получается, – прокомментировала Вита, раздраженно отбрасывая телефон.

– Сворачивай, – настаивал Бачо. – Хоть накормлю тебя по-человечески в честь праздника. У моего ресторана, между прочим, мишленовская звезда. Тебе это хоть о чем-нибудь говорит?

– Говорит, – вздохнула Вита, нерешительно поглядывая на узкий съезд к магазину.

– Давай. Решайся... И представься уже, наконец.

– Вита. Меня зовут Вита.

Она не знала, зачем согласилась на спонтанное предложение Бачо. Вита всегда была очень порывистой, отчаянной

даже, но с возрастом эти качества притупились. По крайней мере, она думала так. А тут... Снова поддалась какому-то порыву, куражу. Вот прямо захотелось и личного повара с мишленовскими звездами, и праздник по полной программе, а не что-то невнятное за баранкой. Да и глупо это – стоять в пробке, когда есть возможность провести время в более приятной компании. Почему она думала, что компания будет именно такой, Вита не знала. В принципе, все их прежнее общение с мужчиной сигнализировало скорее об обратном. Он был таким медведем... Может быть, это в нем ей и нравилось? Ну, если отбросить всю браваду, и быть честной? Хотя бы сама с собой?

– Смотри, здесь скользкие ступеньки, – предупредил Бачо, подхватывая спутницу под локоток. – Вот он – мой дом, – добавил, кивком указывая на современную многоэтажку. Вите захотелось присвистнуть. Вот оно, как живут мишленовские повара. Впрочем, в их благосостоянии она несколько не сомневалась. Просто раньше не имела возможности убедиться в этом своими глазами. Внутри квартира была не менее впечатляющей. Холл, пол которого был красиво выложен мрамором, кремовые стены, такого же оттенка двери с искусными витражами.

– Очень красиво.

– Ты еще не видела ничего. Проходи в кухню. Вот сюда. Это моя дочка занималась дизайном квартиры.

Вита внимательно слушала мужчину и с интересом огля-

дывалась по сторонам. Кухня Бачо впечатляла своим размером и красотой. Отдельный стол с мойкой и печью отделял кухонную зону от столовой. Обеденный стол был накрыт красивой льняной скатертью и сервирован по всем правилам.

– Она живет с тобой? – Женщина тоже решила перейти на «ты». Выкатать и дальше было как-то глупо.

– Кто, Нана? Нет, Бог миловал. Она сейчас в Париже живёт. Стажируется.

– А сколько ей лет?

– Двадцать пять. – Бачо деловито осмотрелся, достал что-то из холодильника и принялся за нарезку.

– Тебе помочь?

– Нет. Сиди, отдыхай. Праздник ведь, – хмыкнул мужчина.

– Странно как-то все получается.

– Ну и ладно. Чего уж теперь?

Вита уселась на стул и, подперев щеку рукой, принялась наблюдать за четкими отточенными движениями своего нового знакомого.

– Интересно?

– Очень. Мужчина в кухне – мечта любой женщины. А профессионал – так вообще. – Вита закатила глаза к потолку и улыбнулась. Бачо стрельнул в её сторону нечитаемым взглядом карих глаз, обтер руки и открыл бар.

– Что скажешь по поводу красного полусладкого?

– А наливай! – Градус настроения Виты медленно, но верно полз вверх. И уже неважно стало, почему они оказались вместе. Можно ведь было представить, что это обычное свидание, которого у неё уже очень давно не было... Можно было просто расслабиться, и в кои-то веки ни о чем не думать.

Мужчина улыбнулся, извлёк из специальной подставки большой пузатый бокал, плеснул в него вина, протянул Вите. Она перехватила тот, благодарно кивнув, и уткнулась в телефон, который вдруг зазвонил.

– Привет, сынок.

– Привет. Ма, я тут решил... У тебя праздник, ты одна, давай, я сегодня все-таки приеду?

– Ни в коем случае, Сашка. Я даже не дома!

– А где? С подружками зажигаешь?

– Ага, жгу, сынок!

– Ну ладно тогда... Так ты точно не скучаешь?

– Скажешь тоже! Сижу себе, пью вино, жду, когда подадут праздничный ужин.

– Я почти завидую, – засмеялся сын, и Вита тоже не сдержала улыбку. – Хорошего вечера, и ещё раз с праздником. Пока.

– Пока, милый.

– Сын?

– Угу. Остался у родителей, а теперь переживает, что я одна.

– А почему?

– Что почему?

– Почему такая шикарная женщина одна?

Вита поморщилась. Слишком заезженный и примитивный подкат. Она была о нем лучшего мнения, если честно. Тьфу!

– Не сложилось, – заметила сухо, делая глоток из порядком опустевшего бокала.

– А муж?

– До женщины его мечты я чуточку не домолчала. Сейчас он вполне счастлив в другом браке. А ты? Жена, любовница, подруга?

– Жена умерла десять лет назад. Рак. Мы с Нанкой вдвоём остались. Ну, а любовницы случаются, конечно. Так... Ничего серьезного.

– Прости... – не сразу нашлась Вита. – Прости, не хотела задеть твои чувства.

– Ты и не задела. Попробуй...

Вита снимает губами с протянутой вилки кусочек мяса и от удовольствия закатывает глаза.

– Очень вкусно, – комментирует, облизывая пухлые губы, и он взгляда не может отвести от этой картины. – Здесь очень кстати майоран. – Голос хриплый и немного звенящий. Тело реагирует на сильного самца, как того и следовало ожидать.

– Ты разбираешься в высокой кухне, – констатирует мужчина. – Майоран здесь может распробовать далеко не каждый.

– Ты прав.

Бачо смотрит на неё пристально ещё некоторое время. И Вита стойко выдерживает его взгляд. Она не так проста, как кажется. Он это каким-то непостижимым образом осознал, ещё там, в машине. Если бы не эта загадочность, вряд ли бы Бачо пригласил женщину к себе. Он вообще редко приглашал в свой дом малознакомых людей. И никакие сиськи не стоили того, чтобы он менял привычный ход своей жизни.

– Любишь джаз?

– Очень.

– Нино Катамадзе подойдёт?

– Более чем.

Бачо включил тихую музыку, усилием воли подавляя своё нетерпение. Давно с ним такого не случалось, хотя женщин на его веку было множество. Но вот, чтобы так... Мужчина опустил два стейка на гриль, выждал положенное время, перевернул. Они просто слушали музыку, перекидываясь ничего не значащими фразами. И только на уровне взглядов происходило какое-то волшебство.

Мужчина выложил мясо и салат на огромные белые тарелки, поставил одну перед Витой, другую подвинул к себе.

– Красивая подача.

– А соус какой! – Бачо окунул мизинец в соус и протянул ей попробовать. Отнюдь не невинный жест. Что ж... В эту игру можно играть вдвоём. Вита наклонилась и, глядя прямо в глаза, облизала предложенное угощение. Она была

взрослой девочкой и знала, что ступила на тонкий лёд, только разве это ее остановит? Нет. Женщина неспешно вернулась в прежнее положение, взялась за приборы и принялась за еду. Было вкусно. Она ела с наслаждением. Такое случилось нечасто.

– Пойдём. Потанцуем...

Вита с радостью согласилась. Она тысячу лет не танцевала. А в его руках было так хорошо! Они неспешно кружились под прекрасную музыку, в предвкушении не менее прекрасного продолжения вечера. Вита все для себя решила. Она подарит себе Бачо в качестве подарка на Восьмое марта. Продолжения, понятное дело не будет. Не потому, что она не захочет. Просто... Не с её счастьем получать такие подарки судьбы. Вот и остаётся просто пользоваться моментом. Ну и что, что её поступок слишком легкомысленный? О нем ведь никто не узнает. Даже с подружками не станет делиться, иначе такой шум поднимется! Новость о сексуальном приключении Виты уж точно станет топовой темой для обсуждений на несколько недель, а то и месяцев вперед. Поэтому эта ночь будет только их с Бачо секретом.

Тем временем пальцы мужчины принялись ненавязчиво поглаживать талию, и от этого тысячи мурашек разбежались по её истосковавшемуся по ласке телу.

– Мммм... – Вырывается невольный стон удовольствия.

– Хорошо?

Голос с лёгким грузинским акцентом упал на несколько

тонов и стал ещё более хриплым. Сексуальным... А руки и вовсе осмелели, опустились с талии на попку, сжали половинки. С удивлением Вита отметила, что ни капельки не комплексует из-за своих пышных форм. Какая ей разница, понравится ли Бачо её фигура, если она видит его в первый и в последний раз? Пропади все пропадом! И комплексы тоже... Одежда испарилась каким-то магическим образом. Не было никаких заминок или неловкости в процессе раздевания, просто спустя пару мгновений они оказались полностью обнаженными. Ух... Вите понравилось то, что она увидела! Зарылась рукой в густые волосы на крепкой груди, провела ладонями вниз, обхватила сочный член. Пожалуй, она ещё никогда не была настолько раскрепощенной с мужчиной в их первый раз.

– В спальню! – скомандовал сипло Бачо и подтолкнул Виту к выходу. Черт... Ей нравились даже его командирские замашки! Так нравились на самом деле! Она настолько устала что-то решать, нести на себе груз ответственности, что с большой радостью отдала бы мужчине это право. Да, ей положительно нравился этот медведь...

Падают на кровать, большие руки сжимают полную грудь, не жалея, не сдерживаясь, не боясь оставить следы. Да-да-да! Вот так... Черт, как же все-таки хорошо побыть иногда плохой девочкой! Какой он вкусный, какой ароматный... Его феромоны ввелись в её кожу, она пропахла им, и какой это был коктейль! В нетерпении толкается бёдрами, трется, как

кошка, о его ногу промежностью, требуя ещё большего. Бесстыдно оставляя влажные следы на его коже. Он рычит. Медведь... Как есть, медведь! Максимально разводит в стороны её ноги и лижет сердцевину, в то время как рука шарит где-то в тумбочке, отыскивая презервативы. Отстраняется на мгновение, ловко натягивает резинку и сразу же погружается внутрь.

– Ещё, Бачо, ещё... – Она не понимает, что кричит это вслух. Не отдаёт себе отчёта, окунувшись по маковку в удовольствие. Не замечает, как своими пятками жадно подталкивает мужчину, как красивыми ухоженными ногтями царапает спину, доводя его этими нехитрыми действиями до сумасшествия. Они кончают одновременно, сопровождая процесс громкими бесстыдными криками.

Даже три недели спустя Вита с замиранием сердца вспоминала ту ночь. Никогда в жизни ей не было так хорошо. Так остро, так сладко, так полно... Она постоянно думала о Бачо. Мечтала о том, что он её разыщет (ведь при должном уровне желания это не так уж и трудно сделать), и уже никуда не отпустит! В общем, дурак думкой богатеет, как говорится... На самом деле, конечно же, никто её не искал. Он, наверное, уже и думать забыл об их приключении. У него, небось, модели всякие в любовницах, что ему она – толстая, сентиментальная корова?! Ещё и двинутая на всю голову! Сбежала посреди ночи, сразу же, как только он уснул. Разве так поступают взрослые самодостаточные женщины?! Опо-

зорилась только...

– Вита, ты слышишь вообще, что я тебе говорю?!

– А? Прости, Галочка. Задумалась. Так о чем мы?

– Нет, ну ты точно сама не своя в последнее время! Я о статье!

– Кто о чем, а вшивый о бане...

– Ну, знаешь ли... Тебе хорошие деньги за неё предлагают.

– Деньги – это хорошо.

– Так вот, этот ресторан совсем недавно получил мишленовскую звезду, ты в курсе... Первое заведение в городе с таким статусом, понимаешь? Ажиотаж невероятный. Киплиани в мыле, конечно, но мы убедили его в насущной необходимости дополнительной рекламы. Он согласился на короткое интервью и фотосъёмку.

– Киплиани? – сглотнула Вита.

– Вит, ты что, вообще меня не слушала?

– Почему же... Мишленовская звезда, статья в журнале, фотосъемка... А я здесь при чем?

– Все при том же. Кто у нас лучший ресторанный критик?! Мы хотели бы в статье разместить твоё мнение о заведении.

– Исключено!

– Это почему же? – заинтересовалась Галочка.

Вита замялась. Ну, не могла она рассказать подруге о ночи, которую провела со звездным шефом... Не могла – и все!

– У меня много мороки со своей кулинарной колонкой.

Ты ж сама подкинула мне эту работу!

– Так это ведь то же самое! Только твою колонку поместят в большую статью с фотографиями...

– Ну, не знаю... Мне ещё на пробы идти.

– В новое кулинарное шоу? Не оставляешь идею попасть в жюри?

Вита пожала плечами:

– Ты сама сказала, что я лучший ресторанный критик в стране. А участие в шоу – это реальный доход. У меня, между прочим, Сашка в Массачусетский технологический надумал поступать. Денег надо будет – прорва.

– Губа не дура у твоего Сашки.

– Ты знаешь, какой он молодец.

– Знаю... Так я на тебя рассчитываю? Придёшь, поешь, напишешь рецензию? Ужин оплатит редакция... Вкусно будет, сама знаешь, что мишленовские звезды просто так не раздают... Ну, соглашайся! – искушала подруга.

– Я не успею подготовиться к прослушиванию на телевидении...

– Глупости какие! Там и так все тебя знают. Ты – лучшая.

– Я толстая, – всплакнула Вита.

– Ты что, себе цену набиваешь? – подозрительно поинтересовалась подруга. – По-моему, ты даже похудела в последнее время!

Галка была права. На нервной почве у Виты действительно пропал аппетит, и она скинула целых четыре килограмма.

ма. Но для того, чтобы выглядеть пристойно в кадре, этого не хватало... А она очень надеялась получить эту работу. Ресторанные критики много не зарабатывали, и только пробившись на телевидение, можно было рассчитывать на то, что больше не придётся крутить баранку, чтоб свести концы с концами.

– Вит, ну, выручай, а? Кто, как не ты, с твоим острым языком, опишет все прелести кухни Киплиани? А вдруг в святая святых удастся проникнуть? Увидишь шефа за работой?!

Вита чуть не подавилась вином, которое до этого пила. Рассказала бы она, что видела шефа и за работой, и за другими... Более интересными делами, да лучше промолчит.

– Сколько у меня времени?

– Две недели до выхода свежего номера. Так что, поторопись!

Вита и правда решила не откладывать в долгий ящик поход в ресторан Бачо. Наоборот, ей нужно было как можно скорее справиться со своей работой, ведь ожидание встречи с Ним в данном случае было смерти подобно. Женщина не знала, чего ей хочется больше – встретиться с Бачо, или сохранить своё инкогнито. Ведь вполне возможно, что они даже не увидятся. Шеф не так часто выходит в зал... Единственное, что Вита знала совершенно точно, так это то, что она должна быть на высоте, если их встреча все же произойдёт, поэтому к своему походу в ресторан она подготовилась основательно! Разорилась на парикмахера, освежила

маникюр с педикюром. В который раз порадовалась, что ей не нужно волноваться по поводу гладкости в стратегически важных местах. Несколько лет назад Вита не пожалела денег на лазер и избавилась от ненужной растительности раз и навсегда. Мамочки... О чем вообще она думает?!

Уже сидя за столиком в ресторане, и дожидаясь свой заказ, Вита пришла к неутешительному выводу, что, скорее всего, из её похода ничего толкового не выйдет! Она настолько волновалась, что вряд ли смогла бы оценить выбранные блюда по достоинству. Ни о какой рецензии не могло быть и речи! Отставила бокал, вскочила... И тут же наткнулась взглядом на тяжёлый, изучающий взгляд. Вот же черт...

– Явилась! – бесцеремонно прокомментировал Бачо.

– И что ты этим хочешь сказать?

– Тебя где-то носило три недели! А сейчас что? Захотелось повторения?!

– Меня носило?! Ты в своём уме?

– Посреди ночи свинтила, как ворюга последняя! Мне пришлось пересчитывать столовое серебро...

– Пересчитывать серебро?! Да ты... Да ты... Индюк надутый!

– А что мне было думать?! Какой нормальный человек так поступил бы?!

– Ещё скажи, что хотел со мною проснуться! Мог бы поблагодарить меня за то, что я избавила тебя от неловкости утренней встречи!

– Дура!

– Что?! Ну, знаешь ли... – Вита гордо отвернулась и двинулась в сторону выхода, но мужчина не позволил ей этого сделать. Схватил за руку и потащил куда-то. Впихнул в комнату, щёлкнул замком двери.

– Т-ты, ччто это себе ппозволяешь? – заикаясь, выдавила из себя Вита.

– Даю тебе то, ради чего ты в действительности сюда пришла.

– Я пришла из-за статьи! – отчаянно запротестовала женщина. – Мне поручили написать рецензию на твой ресторан. Ты ведь в курсе, что сейчас готовят в печать материал о твоём заведении... Не можешь не знать... А я ведь ресторанный критик... – лепетала Вита. А Бачо, не обращая на ее слова никакого внимания, решительно усадил женщину на собственный письменный стол и дёрнул вверх подол её платья. Объяснения любовницы его мало интересовали. Гораздо больше мужчину волновало совсем другое – его горяченькая рыжуля, о которой он мечтал столько времени, наконец, снова с ним!

Руки проводят по бёдрам, перемещаются на талию. Бачо хмурит брови и стаскивает женщину со стола, волчком поворачивает ту к себе спиной и снова зажимает половинки.

– Ты что, на диете сидела? – недовольно интересуется, продолжая поглаживать полюбившуюся попку.

– Мне кастинг проходить... На телевидении, а там камера

пять килограммов прибавляет... – прерывающимся голосом шепчет Вита, с которой вмиг слетели вся напускная холодность и безразличие.

– Никаких диет! Не потерплю рядом с собой сушёную воблу!

Она не спорит. Только выгибается сильнее навстречу его жадным рукам.

– Скажи: «Хорошо, Бачо. Никаких диет».

– Никаких, – всхлипывает женщина и стонет, потому что его руки, наконец, касаются ее трепещущей груди. Ладонь ныряет под чашечку лифчика, пальцы жадно сжимают отвердевший сосок, оттягивают его, заводя Виту ещё сильнее. Другая рука отодвигает в сторону трусики, и тут же член погружается внутрь. Она готова принять всю его длину, готова ответить на каждый агрессивный толчок. Руки хватаются за спинку кресла, в попытке удержаться. Бедра бьются о бёдра, изо рта вырывается первый крик, и тут же звонкий шлепок обжигает ягодицу:

– Тише! – шикает Бачо. – Кричать будем дома!

От этого непотребного действия, от его хриплого голоса с акцентом тело окончательно слабеет. Вита прижимается к спинке кресла грудью, головой упираясь практически в сиденье, и ещё сильнее прогибает поясницу. Зрелище невероятно эротическое. Бачо, который совсем недавно беспокоился по поводу сопровождающих процесс звуков, забывает обо всем и рычит, продолжая вбиваться в податливую разгоря-

ченную плоть. А потом собственным фартуком вытирает с тела любовницы следы своей несдержанности, в то время как она приходит в себя, после оглушительного оргазма.

– Так что там по поводу статьи?

– Нужно написать рецензию на твой ресторан. – Язык слушается с трудом, тело переполнено удовольствием и негой. Насквозь мокрые трусики неприятно холодят промежность.

– Значит, ты и есть та самая Вита Волк?

– Ага. Вот она – я.

– Ну, хоть кого-то толкового прислали из этой редакции!

– Эй, Галка хороший корреспондент!

– Она спрашивала у меня, с кем я сейчас встречаюсь! Как это относится к моей кухне?!

– Ну, знаешь ли, этот глянец все-таки ориентирован на женщин! А им, как правило, интересны такие вопросы... – Вита, провела рукой по волосам в попытке придать им подобие какой-то причёски, одернула в который раз подол платья. Бачо тоже привел себя в порядок. Обтерся и без того испачканным фартуком, поправил форменную рубашку шефа.

– Ну-ну, интересно им... Пойдём. Покажу тебе высший пилотаж.

Вита покраснела, потому, что в голову пришла абсолютно справедливая мысль о том, что высший пилотаж она сегодня не только выдела, но и испытала на себе. Бачо считал её мысли мгновенно. Рассмеялся, а она, вспыхнув ещё сильнее, поспешила к двери, чтобы не насмешить его ещё больше. А

потом... Потом он все-таки показал ей своё мастерство шефа, и если можно было завести её воображение ещё сильнее, буквально влюбив в себя, то это случилось в тот самый момент. Вите понравилось все! И просто слушать объяснения Бачо, и вступать с ним в спор относительно сочетания некоторых специй или компонентов, и молча наблюдать за волшебством, которое творили его большие, сильные руки.

– А с чего критики в таксисты подаются?

– От безденежья. – Его вопрос настолько неожиданный, что Вита рубит все, как есть – без стеснения.

– Серьезно?

– Угу. Думаешь, мне много платят за мой блог, или колонку в журнале? Одной бы, может, и хватало, но у меня Сашка...

– А всякие презентации? Тебя ведь по любому зовут.

– Ага, зовут. Только на такие мероприятия абы как не пойдёшь. И наряд нужен, и украшения соответствующие. Знаешь, сколько на это деньжищ уходит?! Что на этом заработала – то и потратила. Мята?! Сюда?!

– Мята-мята. Будет вкусно! Ну-ка... Что скажешь?

– Мммм... Хочу ещё.

И так весь вечер. Удивительный, потрясающий вечер... Ну и вляпалась же она! По самое не хочу...

– Ну, все... Мне домой пора. Ещё рецензию ведь писать.

– Тогда давай прощаться, я здесь ещё не скоро освобожусь.

– Ага, пока.

Прощается, а саму такое разочарование накрывает! Только бы не показать ему, только бы не показать... Бачо договяет Виту уже у машины – знакомой голубой Шкоды.

– Стой! Погоди... Дай телефон!

Мужчина забирает из её дрожащих ладоней старенький айфон и что-то в нем набирает...

Эй! Что происходит?

– Звоню себе с твоего номера. Запиши... – Возвращает трубку законному собственнику.

– Хорошо... – лопочет Вита, а у самой по телу волнами расходитя искрящаяся радость. Он взял её номер!

– Сейчас запиши! А то потеряешь, а мне потом опять знакомых ментов на уши поднимай... Ищи её по всему городу!

– А ты искал? – выдыхает счастливо. И пузырьки счастья, проходя по венам, ударяют в голову.

– Искал-искал, – бормочет, сохраняя в собственном телефоне её номер.

– А чего же не объявился?!

– Чтоб мозги тебе, дуре, вправить! Ничего умнее не нашла, чем смуться посреди ночи?!

– Не нашла... – Улыбается, ну точно, как дура!

Он звонит не сразу. Ближе к двум ночи. В нормальных условиях она бы уже спала, но сегодня...

– Алло! – Сразу же, после первого аккорда рингтона телефона.

– Ты почему мне не написала, как доехала?

– Эээ... Не думала, что надо.

– Не думала, она... – буркнул Бачо. – Так думай! Голова-то тебе зачем?

Вита улыбается до ушей. Он нравится ей безумно! Даже некая грубоватость, которая другую могла бы и отпугнуть...

– А ты почему не позвонил, а? – Одна рука удерживает трубку, вторая – сварливо упирается в бок. Бачо не видит этой картины глазами, она возникает в его воображении, но он уверен, что все так и есть. Улыбается, устало откинувшись на подголовник кресла:

– Заработался. Прости, рыжуля.

Вот черт, что ж он с ней делает своим голосом, своими словами?!

– Тогда отдыхай...

– Увидимся на выходных?

Аж на выходных?! Блин, только начало недели...

– Увидимся...

– Я позвоню.

– Угу... Пока.

Неделя тянется мучительно долго. Вита пишет и отсылает Галке свою рецензию. Статья вот-вот выйдет, но женщину даже это не радует. Она безумно соскучилась по своему шефу! Нет, он звонил, как и обещал. Они болтали. Порой разговор затягивался на час, а порой, вот как вчера, и вовсе превращался в самый натуральный секс по телефону. Вита уже

была готова наплести чего-нибудь Сашке и, наплевав на все, рвануть к любовнику, но... Это было бы совсем за гранью. Инициатором отношений должен быть он. Вита чувствовала, что с Бачо может быть только так. Он – охотник, она – жертва. Все, как в старые добрые времена.

И вот, наконец, пятница... Бачо приглашает её на свидание, а она не может пойти! Вита уже обещала быть на открытии нового ресторана, где так же будут присутствовать продюсеры кулинарного шоу, в которое она мечтала пробиться. Ей просто необходимо быть там! Отказывается с сожалением, и каждой клеткой чувствует его недовольство. Медведь!

Ей ужасно скучно. Вроде, все, как всегда, знакомые лица, и удалось проникнуть в круг нужных людей, и даже обратить на себя внимание удалось! Не зря ведь старалась: на ней красивое платье с шикарным декольте и умопомрачительные туфли.

– Вот значит, как ты занята... – Знакомый голос раздаётся совсем рядом, не менее знакомые руки собственническим жестом обвивают талию.

– Бачо?!

– Какие люди! – восторгается Галкин главред. – А мы думали, ты со своим рестораном зашиваешься...

Бачо, не снимая руки с талии Виты, пожимает протянутую главредом ладонь свободной рукой, здоровается ещё кое с кем из компании.

– Не мог не поддержать друга, – поясняет он.

– И как тебе кухня?

– Недурно. Мне не хватило специй.

– Эй! С ними все было в порядке! – запротестовала Вита.

– Натяни платье повыше. Твои груди вот-вот выпадут. –

Раздраженный шёпот не в тему на ухо.

– Эй, у меня красивое декольте!

– Именно поэтому половина присутствующих вот-вот заработает косоглазие!

Вита растерянно оглядывается по сторонам. Они разговаривали шепотом, но все равно оказались в центре всеобщего внимания. Ведь он не постеснялся выставить их отношения на всеобщее обозрение! А ещё (и это было, пожалуй, самым главным сегодня) он ее ревновал!

– И не подумаю ничего прятать! Почему я должна это делать?! – подстрекала мужчину Вита, в то время как у неё самой в животе стайками взмывали ввысь бабочки...

– Ах, до тебя ещё не дошло?!

– Не-а! – Она сдула со лба прядь волос и вызывающе уставилась на мужчину.

– Значит, я тебе сейчас покажу!

Он кивает на прощание наблюдающим за их сценой приятелям и, схватив Виту за руку, стремительно идёт к выходу. Женщина молча семенит следом. Проходит через стоянку к большому черному Лексусу, открывает перед ней дверь и буквально запихивает Виту в салон автомобиля. Едет молча и быстро. Тем неожиданнее его вопрос:

– Сашка дома?

– Нет, у родителей... – Вита едва находит в себе силы на ответ. Рядом с ним, она вообще соображает с большим трудом.

– Значит, едем к тебе.

– Ко мне? Почему?

– Из своей квартиры ты точно не убежишь!

Ну вот! И это припомнил... Ишь, какой злопамятный!

– Какой этаж?

– Третий...

– Открывай!

Руки трясутся, и со своей задачей Вита справляется с трудом. Медведь сзади нетерпеливо сопит, но в процесс не вмешивается. Заходят в темную прихожую, щёлкает выключатель. Никакого мрамора и витражей. Обычный качественный ремонт, который она смогла себе позволить несколько лет назад. Впрочем, вряд ли его сейчас интересует интерьер её квартиры. Бачо довольно резко придвигает Виту к стене, одним стремительным движением стаскивает бретели вечернего платья вниз, оголяя великолепную женскую грудь.

– Это нельзя никому демонстрировать, потому что это моё! Поняла?! – шипит, сжимая и без того напряженные вершины.

– Чем докажешь? – вызывающе вскидывается Вита, ступая на тонкий лёд...

– Ах, тебе нужны доказательства?!

– Ну, знаешь ли, языком болтать любой умеет...

Ох, он умел... Языком... И не только болтать...

– Уммм, ещё... Да-да, вот так, мммм... И тут. Хорошо...

Бачо... Ба-а-ачо... ну же...

– Так чьё здесь все, ммм? – Как он может разговаривать в такой момент, Вита совершенно не понимает. Её накрывает дикое, примитивное желание.

– Твоё...

– Что-то я плохо слышу. Старею, наверное... – задумчиво протягивает мужчина, и снова таранит пальцами скользкое горячее нутро. Вита не может больше терпеть эту муку! Она выскальзывает из его рук, резко толкает любовника в грудь, и тот падает, не ожидавший такого подвоха. Она тут же берет ситуацию под контроль, забирается сверху и резко насаживается на крепкую плоть... Кричат оба. Раньше Вита всегда считала, что подобный шум в спальнях – выдумка создателей фильмов для взрослых, а теперь... Теперь она не знает, как можно молчать, когда он так глубоко, так плотно в ней. Она всем телом стремится к нему, стискивает внутренними мышцами каждый раз, как только он устремляется к выходу. Отчаянно подаётся навстречу.

– Моё, все мое! – рычит Бачо, сжимая в руках половинки значительно поуменьшившейся попки.

– Жадина.

– Ты... даже... не представляешь... какой – в такт каждому её движению.

– Не могу больше... Устала...

Позиция наездницы хороша, но трудоёмка – ноги дрожат и подкашиваются.

– Лентяйка, – шепчет в губы, и тут же скидывает её с себя. – Ложись на живот!

Вита делает, как ей было сказано, и уже через несколько минут кончает. Засыпает мгновенно. Она настолько вымоталась, что даже не в силах анализировать ситуацию, хотя и надо, наверное... Утром просыпается поздно. Одна. В кухне шум и разговоры! Звонкий, ломающийся голос сына, и мужественный баритон с лёгким грузинским акцентом, от которого даже сейчас у неё поджимаются пальцы на ногах. Черт! Звонкий ломающийся голос сына?! Вита пулей слетает с кровати, мечется по комнате, не зная, как поступить. Она впервые в жизни так опростоволосилась! Как же неудобно! Что Сашка подумает?! Срамота-то какая! Тайком пробирается в ванную, принимает душ, чистит зубы. На голове черте что – от влаги волосы завились в кудри, и теперь непослушно торчали во все стороны. Но с этим уже ничего не поделаешь... Вышла, тенью скользнула в сторону кухни.

– А вот и наша рыжуля проснулась!

– Привет. – Робкий, не свойственный Вите шёпот. – Привет, Сашка. Ты чего так рано? – Это уже сыну, которого Вита по привычке чмокнула в нос.

– Дело было, но планы пришлось поменять, – скривился сынок, которому материнские нежности порядком надое-

ли. – Извини, что помешал.

– Ты не помешал... Бачо уже скоро уходит...

– Да? – удивляется сынок. – А вот мне он другое сказал...

Обманул, что ли?

– И что же Бачо сказал? – поинтересовалась Вита, стрелнув взглядом в мужчину.

– Сказал, что надолго у нас задержится. А может, и навсегда. Я-то скоро уеду, кто тебя кормить будет?

– Хороший у тебя сын. Заботливый, – хохотнул Бачо, переверачивая что-то на сковороде. – Ты мне вот что скажи, рыжуля... Как так случилось, что самый известный ресторанные критик страны не умеет даже яичницу пожарить?

Вита вспыхнула до корней волос. Вот же... Сашка! Выдал все ее секреты подчистую. А ведь то, что она совершенно и абсолютно не умеет готовить – было ее самой главной, самой страшной тайной.

– Не могу, и все! – буркнула Вита.

– Ты ведь знаешь все технологические процессы, разбираешься в тонкостях и нюансах вкуса... – продолжал мужчина.

– Но последний раз, когда мама пыталась приготовить какой-то хитрый соус – у нас случился пожар.

– Просто коньяк загорелся... – заметила Вита уныло.

– Ага, а потом полотенце...

– Сашка! – шикнула на сына.

– Да ладно, пусть знает, с кем жить собирается... А вы, кстати, как? На законных основаниях? Расписываться пла-

нируете?

– Сашка!

– Не знаю – не знаю... Вдруг она и мне дом подожжет?

– Ах, так?! Не знаешь?! Ну, тогда скатертью дорога! – на-
ходится Вита. – Я девушка правильная, у меня только по
любви все... И со всеми положенными штампами! – Выпа-
ливает, и тут же в ужасе зажмуривается. Ну, кто ее за язык
дернул? Сейчас сбежит от нее, как черт от ладана. Какому
мужику, после третьего свидания (да и свидания ли это во-
обще?!), понравятся такие разговоры?! И почему она всегда
все портит?! Что это за напасть?

– Эх... Значит, придется штампами паспорт портить...
Ну, не бросать же тебя, такую правильную?

Любовь... Она окружает нас повсеместно. Кружит в про-
странстве, соединяет судьбы, слагает свои истории...

История 8. Все вместе

Лето. Аномально холодное, как утверждают синоптики. Так с какого же перепугу именно сегодня такая жара?! Зной опалает кожу, и царапает пересохшее горло, пот мелким бисером выступает над губой и по лбу. По раскаленному асфальту парковки катится белый одноразовый стаканчик. Удивительное дело – погода абсолютно безветренная. Вита плачет сигналкой своей новенькой машинки, вытирает платком лицо, и делает шаг по направлению к недавно построенному терминалу аэропорта. Душно невыносимо. Душно так, что утихомирившийся совсем недавно токсикоз, возвращается с новой силой. Нужно было все-таки послушаться мужа, и остаться дома. Под кондиционером. С графином терпкого лимонада со льдом и каким-нибудь незамысловатым романом. Всю другую литературу Вите читать категорически запретили, после того, как она расплакалась над «Каштанкой» Чехова. И дернул ведь черт перечитать сие незабвенное творение?! А главное, ничего не предвещало беды. Просто забеременев, Виту потянуло на воспоминания. Она достала с антресолей огромную коробку, в которой хранились всякие разные артефакты из Сашкиного детства, и принялась их перебирать. Среди кривобоких поделок, выдавших виды игрушек, и роддомовских бирок, в коробке также оказалась первая хрестоматия сына. А в ней приснопоминаемый рас-

сказ... Здорово она тогда напугала своего джигита. Он и так-то седой наполовину, а тут...

– Что, Вита, что?! Куда звонить, что болит, почему плачешь?! – Едва успев переступить порог квартиры.

– Ууууу... Каштанкааааа...

– Какая каштанка, рыжуля?! Это какая-то новая запеканка? Или что?! – суетился Бачо, подхватывая жену с пола, на котором она сидела в окружении кипы использованных бумажных салфеток. – Ты пыталась её приготовить, а она опять сторела?! – Продолжал гадать.

– Нееет, это ик... собака такая. У Чееееховаааа. – Вита кивнула в сторону оставшейся на полу книги, и с благодарностью приняла стакан воды, который муж налил ей из стоящего на столе графина. Бачо проследил за её взглядом, снова посмотрел на заплаканную любимую. Уточнил на всякий случай:

– Ты плачешь из-за книжки, да? В ней что-то про собаку?

– Угу. Про Каштанкууу.

– Ты меня доведёшь, рыжая! С тобой ведь с ума сойти можно! – Экспрессивно взмахнул руками её любимый шеф, и тут же упал рядом с ней. Как подкошенный. На диван. – Ты точно себя хорошо чувствуешь? С малышом все в порядке?!

– Угу. Все хорошооооо.

– Ну, а теперь ты чего рыдаешь?!

– Ты такой забоооотливый!

– Твою ж мать! – Заключил муж. И видимо от переиз-

бытка эмоций со всей силой впился ей в губы. Кстати, беременность повлияла не только на ее впечатлительность. Чувственность и либидо Виты тоже претерпели некоторые изменения, поэтому неугомонность мужа была ей только на руку. Она никогда не отказывалась от доброй порции горячего секса, который за почти четыре года совместной жизни ничуть не наскучил. Скорее, наоборот – всяческие предрассудки слетели как шелуха, а фантазии расправили крылья. Чего они только не перепробовали за это время! А потом вдруг как-то вместе пришли к выводу, что для себя нажились. Захотелось большего. Захотелось продолжения. Маленького Бачоевича захотелось. Осознанно, с умом, как только в таком возрасте и бывает. Ну, и за ними не заржавело. С первой попытки, считай, получилось. А чего ещё было ожидать от Витыного медведя?

В общем, хорошо у них складывалось. Даже очень. После встречи с любимым, у Виты вообще все пошло на лад. Сашка получил стипендию в Массачусетском технологическом. А её саму все-таки утвердили в состав жюри нового кулинарного шоу, рейтинги которого вот уже третий сезон били все мыслимые и немыслимые рекорды. Ну а центром всего – сильный властный мужчина, вокруг которого теперь вращалась вся Витына жизнь, и подрастающий в её теле маленький Ваню. И только из-за Сашки душа оставалась не на месте. Далеко он все-таки забрался – скучала. Именно поэтому сорвалась в аэропорт, хотя Бачо и обещал встретить

сына самостоятельно. И, наверняка, был уже где-то здесь, на подъезде. Но она не смогла сидеть дома! К Сашке захотелось немедленно, и не было никакого терпения ждать!

– Сёма, ну куда же ты, Ирод, бежишь?! Или не видишь всех этих оглашенных, что носятся тут?! – Закричала рядом с Витой пожилая, ссохшаяся старушка. Вита невольно притормозила, и стала наблюдать за происходящим. В то время, как пожилая еврейка (здесь Вита не могла ошибиться), продолжала свой монолог, – Соня, ну наконец-то. Как-то долго вы с этими чемоданами!

– Мама, сейчас везде очереди! С багажом неразбериха. Все, как будто взбесились. – Вмешался в разговор немолодой мужчина, и подхватил на руки шустрого мальчишку, которого до этого вычитывала старушка. – Ну, ты чего бабу Розу расстраиваешь?

Вита прижала ладонь к губам. Она ведь знает этого мужчину! Это ведь его она тогда подвозила тогда... четыре года назад. Ну! Точно ведь он! Пока Вита изумленно разглядывала Бориса, события стремительно развивались:

– Деда, у меня уже нету никаких сил торчать на этой парилке. – Серьёзно заметил Семён, и для пущей убедительности вытер пот со лба. Жест вышел очень театральным. Вита улыбнулась, а мальчик продолжал. – Эта рубашка мне жмёт, и я даже не могу нормально вдохнуть! Смотри...

– Семушка, но мы ведь предлагали тебе купить новую рубашку. – Мягко заметила Соня. – И даже примеряли

несколько.

– Там тоже давило! – В отчаянии воскликнул мальчонка.

– Ты бы сказал, мы бы выбрали размер побольше.

– А при чем здесь размер, я тебя спрашиваю?! Меня жаба давила. Ты, таки, видела какие цены были в том магазине?!

Тут уж не выдержали все: и Вита, и Борис, и лучезарная Соня, и сварливая баба Роза – рассмеялись. И только маленький Семён не мог понять причину всеобщего веселья.

– Роза Самуилловна, как все же прошло ваше обследование? – Отсмеявшись поинтересовалась Соня.

– Как и следовало ожидать. Но так даже лучше. А то обидно будет умереть посреди полного здоровья... – а потом без всякого перехода, – А почему нас Лизка не встретила, обещала ведь...

– Да какая тебе разница, мама? Соня и Сёма – встретили, разве плохо?!

– Так, а Лизка, почему нет?! – Нетерпеливо допытывалась старушка, пока Борис усаживал внука в детское автокресло.

– Беременная твоя ненаглядная внучка. Токсикоз у нее! – Отмахнулся мужчина от матери.

– Ох, Боренька, правда? Не шутишь?! Еще правнучку на руках поддержи?! – Старушка неверяще уставилась на сына, и перевела пытливый взгляд на невестку. – Сонечка, скажи мне, что Боря не шутит!

– Да какие уж тут шутки, Роза Самуиловна. Сестричка будет у Семена.

– И, если ты перестанешь Лизку доставать, она подумет над тем, чтоб в честь тебя назвать внучку. – Поддел мать мужчина.

– Дак я ж не достою ее, милый. Я люблю ее без ума.

– Вот-вот. Бедная Лизка уже не знает, куда от этой любви сбежать! Ты переигрываешь, мама!

Они еще продолжали о чем-то спорить, но Вита уже не слышала слов... Она стояла посреди раскаленной, как сковородка стоянке, и улыбалась во весь рот.

Хороший все-таки день, – подумала Вита, возвращаясь в реальность. Но, не успев сделать следующий шаг, остановилась. Неподалёку плакал ребёнок. И что-то Вита не слышала, чтоб его кто-нибудь утешал. На скамье возле клумбы, немного в стороне от проезжей части, в окружении чемоданов сидела девчушка лет трёх, и во все горло ревела. Вита невольно шагнула вперед.

– Привет! Ты чего это сырость развела? Поливаешь клумбы? – с мягкой улыбкой спросила у девочки.

– Нет! – шмыгнула носом малышка. – Я потеряла свою Пинки Пай. И ее никто не может найти! Ни Тимка, ни Лешка не могут. – Девочка кивнула зареванным личиком в сторону двух мальчишек, которые что-то высматривали в траве неподалёку.

– Это твои братишки? – догадалась Вита, протягивая малышке бумажную салфетку. Старший из мальчиков обернулся и, заметив возле сестры чужака, спешно направился к

ней.

– Угу. Тимка и Лешка. Тиме уже четырнадцать, а Лешке шесть. Они большие мальчики. И я большая...

– Угу. А раз большая, то чего ревешь? – резонно заметил старший брат, искоса зыркнув на Виту.

– Мне жалко мою Пинки Пай! И я хочу к мамочке... Ну, или к папочке, – добавила, подумав.

– Вон они. Уже идут, – кивнул мальчик в сторону пешеходного перехода. – Может, ты маме свою игрушку отдала, и забыла?

Убедившись в том, что ребёнок находится под присмотром, Вита не стала больше задерживаться. Помахала ребятне рукой и двинулась дальше. А потом снова остановилась. Прямо навстречу ей шла Леся! И её гуляющий муж! А плачущая девчушка, наверное, их дочь, которая, судя по возрасту, родилась уже после измены. Выходит, Леся все-таки простила неверность?! Святая женщина... Она бы не смогла, наверное, выкинь Бачо такое. Ноги бы ему выдрала, голову бы открутила, но сначала непременно кастрировала бы! Чтоб никому не достался! Такой... ммммм... Тепло разлилось внизу живота, стоило только вспомнить, каким идеальным любовником он был... Нет, кастрировать такого – преступление против человечности. Она ведь первая пожалеет потом...

– И чего он на тебя пялился?! А ты ему улыбалась, Леся! Я видел. Не отрицай, – донёсся сердитый шёпот мужчины.

Леся остановилась. Склонила голову к плечу, с интересом

разглядывая семенящего за ней следом мужчину.

– Он просто помог нам найти Пинки Пай. А ведь ему пришлось возвращаться к самолету, – спокойно заметила Леся.

– Ага, не велико дело! Он ведь – пилот. Я бы тоже вернулась, будь у меня такая возможность!

Вита улыбнулась, тайком поглядывая на парочку. Коля был такой смешной... И ревнивый! Заело, что жене улыбнулся бравый пилот. А сам-то! А сам! По себе, что ли, Лесю ровняет?!

– Слушай, ты чего разошёлся, Отелло? – хмыкнула женщина и закусила губу.

Николай стащил с носа солнцезащитные очки, потёр переносицу, глянул из-под насупленных бровей:

– Не могу я, когда вокруг тебя кто-то вьётся! А этот отпуск вообще – испытание. По-моему, к тебе успело подкатить все мужское население Испании! А тут ещё этот... Пилот!

– Ты преувеличиваешь, – улыбнулась Леся, обнимая подошедшую дочь.

– Моя Пинки Пай! – восхитилась девочка, увидев в руках матери любимую игрушку. – Спасибо-спасибо-спасибо! – счастливо закричала она.

– Пожалуйста. Больше не теряй, а то видишь, как папа нервничает.

– Я не нервничаю! – снова взвился мужчина. – Я не понимаю, о чем с ним можно было болтать столько времени!

Леся шагнула к мужу, положила ладонь на его загорелую

щеку и тихонько ответила:

– Мы обсуждали предпочтения дочерей. У них с женой тоже девочка. Примерно Наденькиного возраста, но той больше по душе Флаттершай и Сумеречная Искорка.

Плечи мужчины заметно расслабились. Он обнял обеих своих девочек и прошептал на ухо старшей:

– Я тебя так люблю, Лисёнок, и так боюсь потерять... Если бы ты знала, как боюсь.

Непонятно откуда налетевший порыв ветра, унёс прочь тихий Лесин ответ, не желая, по-видимому, чтобы у столь интимного разговора были посторонние слушатели. Вита кивнула, соглашаясь с ветром, и ступила на проезжую часть. Рядом, визжа шинами, резко затормозила машина. Красивая, Вита тоже остановилась на этой модели, когда Бачо тоном, не терпящим возражений, приказал ей выбрать подарок ко дню рождения. А поскольку её медведь о полумерах отродясь не слышал, то и подарок получился не абы каким. Он сразу отмахнулся от идеи жены купить бюджетную малолитражку. А из остальных вариантов для Бачо оказался приемлемым только старый добрый мерседес. Спортивный. Заоблачно дорогой. Сама бы Вита в жизни себе такой автомобиль не купила. Зажала бы даже для себя, любимой. А Бачо не зажал. Он вообще ей ни в чем не отказывал. Хороший, любимый, родной...

Вита проходя рамки металлоискателей Вита улыбалась. Невозможно было не радоваться, глядя на счастье трёх пар, с

которыми её однажды свела судьба, как и невозможно было поверить в случайность таких встреч. Вита невольно осмотрелась. По логике вещей, где-то здесь её поджидала встреча с восточной красавицей и её властным мужем. Кажется, его звали Савелий. Воспоминания женщины прервал резкий пинок.

– Ванька, что ж ты лупишь так, а? – пробормотала Вита, обращаясь к своему выпирающему животу. – Или думаешь, раз папки нет, можно делать все, что угодно?! Со мной этот номер не пройдёт, так и знай...

Вано маме внял и немного утихомирился. По крайней мере, живот перестал ходить ходуном. И на том спасибо. Вита выдохнула, поправила волосы и потопала в зону прилёта. А там он! Савва! Вот только один, без жены. Нетерпеливо поглядывает на часы и переминается с ноги на ногу. Его нетерпение, вкупе с шикарными бутонами пионов в руке, красно-речиво свидетельствовало о том, что он встречает любимую. Вдруг что-то в облике мужчины неувовимо изменилось. Вита и не увидела бы этой перемены, если бы не наблюдала за ним, открыв рот. Она проследила за взглядом Саввы и понимающе улыбнулась. В толпе прибывающих показалась хрупкая женская фигура в обрамлении шикарных иссиня-чёрных волос, струящихся вниз по груди аж до пояса драных джинсов. Женщина была не одна. Буквально за секунду до того, как муж сгрёб её в объятия, Вита успела заметить, что Малика сжимала ладошку маленького темноволосого мальчика.

Значит, и эта пара стала родителями! Настоящий беби-бум. А они с медведем до определённого момента тоже не спешили с продолжением рода.

Вита вернулась взглядом к Савве и Малике. Те беззастенчиво целовались, стоя прямо посреди зала. Толпа людей обтекала их со всех сторон, а им до того и дела не было. Неизвестно, сколько бы продолжался этот жадный несдержанный поцелуй, если бы Савву не дёрнул за руку сынок:

– А меня поцеловать, забыл? – возмущенно поинтересовался ребёнок.

Савва нехотя оторвался от жены и опустился перед сыном на присядки.

– Не забыл. Ну-ка, иди ко мне!

Мальчишка прыгнул в раскрытые объятия отца и повис у того на шее.

– А я был на самой настоящей свадьбе! И видел самую настоящую невесту! – поделился с отцом малыш.

– Угу, – буркнул тот, и как-то так посмотрел на жену... – Никаких больше свадеб, похорон, дней рождения... И никаких других поездок без меня! Это был первый и последний раз. Я серьёзно, Малика! Никогда вас больше не отпущу. Я ведь чуть с ума не сошел, пока вас не было...

– Но ты же сам настоял, Саввушка, – мягко заметила женщина, сжимая сильную мужскую ладонь. Очень светлую, на фоне её потемневшей на родине кожи.

– Потому, что ты и так только с нами и возишься! Я хотел,

чтобы ты хоть немного от меня отдохнула, развеялась. У тебя ведь должна быть жизнь вне Саввы Рослова, – запальчиво начал мужчина, и тут же замолчал под её пристальным, все понимающим взглядом.

– И как? Больше не хочешь? – сверкнула белозубой улыбкой Малика.

– Чего не хочу? – Савва уставился на губы жены, ощущая, как в штанах заинтересованно приподнялся член.

– Чтобы у меня была личная жизнь вне тебя? – пояснила женщина сквозь смех.

Савва хмыкнул. Коснулся пальцами точёной монгольской скулы, провёл ими вниз по лицу. Даже Виту передернуло от чувственности происходящего. Что уж говорить о Малике, грудь которой стала подниматься подозрительно часто. Тем временем пальцы прошлись по горлу и поддели тонкий кожанный чоппер, украшающий шею Малики. Боже! Кровь прилила к щекам Виты. Эта штука – то, что она думает?! Символ принадлежности? Вауууу...

– Нет. Не хочу, – прошептал Савва. И если бы Вита стояла хоть немного дальше, она его бы попросту его не услышала. – Ты не для этого создана.

– А для чего же тогда? – хрипло поинтересовалась Малика.

– Быть со мной. Подо мной. Для меня.

Интимную сцену родителей прервал сынишка, который завертелся в руках у отца. Парочка ещё раз обменялась жар-

кими взглядами и поспешила к выходу. Что-то подсказывало Вите, что их ждёт очень бурная ночь. Да ей бы и самой не мешало остыть после такой сцены! Где же её медведь?! Позвонить ему, что ли? Фух! Как же адски жарко. Нет, не в самом терминале. Здесь отлично работали кондиционеры. Жарко внутри! Вита осмотрелась по сторонам, и зашла в одну из многочисленных кафешек аэропорта. Жутко хотелось чая со льдом. В идеале – лимонада. Но после шедевра, приготовленного заботливым мужем, абы что пить не хотелось. Уж лучше чай. Вита устроилась за ближайшим столиком, и с блаженством вынула ноги из летних туфель. Пошевелила пальцами. Вообще-то в неполных сорок беременность не проходит бесследно по определению. У неё отекали ноги, и часто ныла спина. Так, что к концу дня желание присесть и разуться становилось попросту нестерпимым. Где-то рядом с оглушительным грохотом что-то упало. Вита обернулась на звук и встретила с извиняющимся взглядом карих глаз. Нет, ну сегодня точно день каких-то чудес! Оля и её Бахтияр! А ещё маленькая Бахина копия, которая и стала причиной шума, опрокинув соседний стул.

– Осторожней, пирожок. Ты ведь могла удариться, – предостерег дочь красавчик-Бахтияр. Все-таки, и правда, было что-то эдакое в мужчинах в форме. Девочка на слова отца никак не отреагировала, проворно выбралась из-за стола и пошла разглядывать витрину с десертами.

– Она измаялась, пока тебя сегодня дождалась, – пояснила

Оля, с любовью наблюдая за дочерью.

– Прости, милая. Не мог оставить в беде одну маленькую пассажирку. Пришлось задержаться.

– Да? – тут же вскинулась Ольга. – Что-нибудь случилось? Нештатная ситуация? – забеспокоилась она.

– Можно и так сказать, – хмыкнул Баха, успокаивающе поглаживая ладонь жены. – Одна малышка потеряла свою Пинки Пай.

Оля облегченно выдохнула, переплела пальцы с мужем и, озорно сверкая глазами, поинтересовалась:

– Ну, и как прошла поисковая операция?

– Отлично прошла. Только вас ждать заставил. Говорю ведь тебе, что буду сам добираться. А ты каждый раз встречаешь. Можно подумать, ближний свет.

– Нет, Баха. Даже не проси. Я всю жизнь мечтала тебя встречать...

– Оленька... – Невооруженным взглядом было видно, какими ценными для мужчины стали слова жены. Однако он мягко продолжал настаивать на своём. – Тебе ведь уже тяжело. Да я и не прошу совсем меня не встречать. Встречай! Дома.

Только после слов Бахтияра Вита, наконец, обратила внимание на то, что Оля тоже была беременна. И срок у них примерно одинаковый. Только Оленька даже сейчас оставалась очень худенькой, так что, не видя живота, никто бы и не догадался, что она в положении, а вот беременность Ви-

ты в глаза бросалась моментально. Она как будто налилась. Грудь стала ещё тяжелее, и живот был таким... Внушительным. Бачо просто балдел от него! Нет, ну что за напасть! Стоит только подумать о муже – и все, дыхание учащается, пульс зашкаливает, и хочется только одного...

– Ну, наконец-то. Нашёл! – пробасил за спиной знакомый голос. – Тебе телефон зачем, а, рыжуля?!

Вита резко обернулась и в каком-то блаженстве уставилась на мужа.

– Не слышала, как ты звонил, дорогой. Извини.

– Ты меня точно доведёшь до ручки! – вздохнул Бачо, усаживаясь рядом на стул.

Отвлечшись на любимого, Вита прослушала дальнейший разговор Ольги и Бахтияра, так что, когда парочка вновь завладела её вниманием, женщина не сразу поняла, о чем говорили супруги:

– ... так что, вот. Не знаю, что и думать.

Бахтияр задумался, отпил из чашки, снова вернулся взглядом к жене.

– Думаю, ничего страшного не случится, если твои родители познакомятся с Софьей. И маленьким, когда он родится...

– Ты правда так думаешь, Бахтияр? Или считаешь, что это нужно в первую очередь мне, и соглашаешься только поэтому?

– Оленька, разве не ты говорила, что умение прощать –

одна самых главных добродетелей?

– А я и сейчас этого не отрицаю. И зла на родню не держу. Просто, если они опять начнут поливать тебя грязью, терпеть я тоже не стану. Не позволю им тебя обижать, пусть даже за глаза. А тем более – в присутствии Софьи.

– Ты стала настоящей амазонкой, тебе не кажется? Выходит, правы были твои родители, когда говорили, что я тебя научу плохому, – поддел жену Бахтияр.

– Да ну тебя! – отмахнулась Ольга. – Я просто перестала бояться всего на свете, и стала сильнее. А ещё я очень тебя люблю, Бахтияр! И никогда никому не позволю нас разлучить.

– Оленька, любимая, моя...

– Вита, ты вообще меня слушаешь?!

– А? Ты что-то сказал?

Бачо вздохнул, выразительно закатил глаза и, подперев щеку крупной ладонью, пожаловался:

– По-моему, у меня появился конкурент. Мужчина за соседним столиком занимает тебя гораздо больше, чем собственный муж.

Вита вскинула взгляд:

– Скажешь тоже... Я просто давно знакома с этой парой. Им очень нелегко далось личное счастье, вот я и кинула ухо, чтоб убедиться, что у них все хорошо.

– Ну и как? Судя по тому, что ты ещё не рыдаешь, у них все в полном порядке.

– Эй! Не такая уж я и плакса, – возмутилась Вита.

– Ну да, ну да... – рассмеялся медведь. А потом посмотрел на часы. – Допивай, и пойдём. Самолёт вот-вот приземлится.

– Не хочу допивать. Это преступление – пить такую гадость.

Бачо улыбнулся, помог жене выйти из-за стола и одним махом выпил остатки чая из её стакана.

– Нечего продукты переводить! Ты видела, сколько этот чай стоит?

– И ты туда же! – рассмеялась Вита. – Мне уже сегодня встречался один маленький жадина. У него в голове вместо привычных всем тараканов жаба живет. И она все время его душит. Представляешь?

– Да? Какой необычный у тебя знакомый! – с энтузиазмом поддержал разговор Бачо. – Ручаюсь, что он ничего не покупал в этом чертовом аэропорту. По-моему, даже в моем меню нет таких заоблачных цен... Ну-ка, погляди, это наш рейс приземлился?

– Точно! Приземлились... Ну, слава Богу!

– Да ты не спеши, Вит. Пока это он все контролирует!

Вита с мужем согласилась, и вместе они отошли в сторону, чтобы не мешать другим встречающим. А там... Ирина с Петром, и для полного восьмимартовского комплекта не хватает только Богдана и Женьки, которую Вита очень хотела увидеть с тех самых пор, как познакомилась с её женихом. Интересно ведь было, что это за девушка влюбила в себя та-

кого замечательного мальчишку. Ирина с годами совсем не изменилась, а Петр, напротив, ещё больше возмужал. Вместе они смотрелись удивительно гармонично. И эту гармонию только дополнял тихонько сидящий рядышком с родителями мальчик. Он был настолько погружён в лежащую на коленях книгу, что Вита невольно подумала, что он такой же особенный малыш, как и сестра. Но нет. Буквально несколько минут спустя мальчик отложил книгу в сторону и принялся что-то живо обсуждать с отцом. Ирина наблюдала за своими мужчинами с легкой улыбкой на губах. Все-таки улыбка женщины может о многом поведать! Улыбка Ирины просто кричала о женском счастье её обладательницы. Вита тоже теперь так улыбалась...

– Ну, когда уже Женька вернётся?! – донёсся до Виты звонкий голос ребёнка.

– Совсем скоро, хороший мой.

– Мама! – недовольно свёл брови ребёнок.

– Что, опять я с тобой слишком нежничаяу, да?

– Угу! А я ведь уже большой.

Ирина переглянулась с мужем и кивнула головой:

– Просто здоровенный! Я все время думаю, кто этот большой мальчик? А это мой сын.

– Наш! – поправил Петя.

– Наш... – согласилась Ирина.

– Я соскучился за Женькой. Зачем только она поехала в эту Америку!

– Ты же знаешь, зачем. У неё там большой заказ. – Пётр широко развёл руками, демонстрируя размеры заказа, и щёлкнул сына по носу.

– Женька не любит перемен, – сварливо заметил ребёнок. – И Америка ей тоже не понравится!

– Это не означает, что она бы отказалась от интересного, денежного предложения поработать.

– Это да.

– Ну, а ты все сказки дочитал?

– Угу, они глупые.

– Это потому, что книга рассчитана на обычных детей. А ты у нас настоящий вундеркинд!

– Угу... – флегматично и совсем не скромно согласился ребёнок, и тут же вскочил. – Женька! – без всяких переходов что есть мочи заорал мальчишка. Побежал навстречу сестре, запрыгнул на руки и звонко чмокнул ту в щеку. – Я так скучал по тебе, сестра!

– Я тоже по тебе очень-очень скучала. Мы с Богданом привезли тебе гору подарков.

– И где же они? – взял быка за рога ребёнок.

– В багаже, который ещё предстоит получить! – рассмеялся Богдан, пожимая руку Пётру. – Слава Богу, дома, – добавил, подумав.

– Что, совсем тяжело было? – заглянула в глаза зятю Ирина.

– Да так, нам ведь не привыкать, да, Жень? – обхватил за плечи жену. Та растерянно уставилась на него в ответ. Она

пропустила разговор Богдана и матери, перешёптываясь о чем-то с обожаемым братом. Несмотря на все опасения, рождение Тошки не стало для неё уж слишком большим испытанием, хотя поначалу никто не мог понять, как Женька реагирует на появившегося в доме ребёнка. Она просто часами на него смотрела, сидя в стороне, и время от времени сыпала короткими рекомендациями: «так ребёнка держать нельзя», «ну, кто так к груди прикладывает?!», «это лекарство можно только после четырёх месяцев», «от колик лучше всего помогает вот этот чаёк», ну, и в таком духе. Порой становилось непонятно, кто из них более опытный родитель – Ирина или Женька. Последняя делала все по науке, и тому же учила непутёвых родителей. Прикорм – по графику, с брокколи, никаких пелёнок, и никакого «фуфломицина» для профилактики, потому, что прогулки и свежий воздух в любую погоду – лучшая профилактика от всего. В общем, строгой Женька была. Спуску не давала ни матери, ни обожающему её Пётру. И как-то так повелось, что Тошка за Женькой больше всех тянулся. А она тянулась к нему. Наверное, проще всего Жене было общаться именно с братом. Он был таким же бесхитростным, непритязательным, как и она сама. Он не умел притворяться, говорил все, что думает, без прикрас – им было легко найти общий язык.

– Вита, смотри, Сашка!

– Ох, ты, Господи, вымахал-то как! – Вита бросилась в толпу. Желание обнять своего большого мальчика стало по-

просту нестерпимым! Следом, чертыхаясь, и ругая жену, бежал Бачо:

– Осторожно, рыжая! Зашибут ведь!

– Сашка! – счастливо выдохнула женщина, сжимая сына в объятьях.

– Привет! – сверкнул улыбкой парень. – Ты такая эээ... большая! – не придумал ничего лучше сказать «ребёнок». Бачо тут же напрягся, еле сдерживая себя от того, чтобы не вклеить непутёвому чаду подзатыльник. Ведь, если Вита сейчас расплатится из-за набранных килограммов – то все! Тушите свет... И попробуй тогда докажи, что ему это только в радость. К счастью, жена слова сына пропустила мимо ушей. Видимо, не до слез ей сейчас было. Счастье от встречи переполняло. Вита полностью сосредоточилась на сыне, и только дома, когда, вдоволь наболтавшись, они разошлись по своим комнатам, и лежали каждый в своей кровати, вспоминая события минувшего дня, женщина припомнила, что на сегодня у неё был ещё один архиважный план! Осторожно перевернулась на бок, провела ладонью по волосатой груди мужа, сжала сквозь трикотаж трусов тяжёлую плоть.

– Вит, ты что это творишь?

– А ты не видишь? – улыбнулась женщина, аккуратно сползая вниз. Туда, где требовалось её особое внимание. Сдвинула плотную резинку боксёров, извлекая заинтересованно приподнятый член.

– Вижу! Но тебе же рожать со дня на день и...

– А мы осторожно. На полшишечки... Не могу просто, как хочется... Ну, или ртом... – предложила она, зазывно сверкая глазами.

Бачо застонал. Поднялся решительно, уложил жену на спину. Задрал повыше подол тонкой сексуальной сорочки. Провёл головкой по влажной припухший киске, а дальше – ещё и ещё, медленно, тягуче, даже не погружаясь. Дразнил...

– Уммм...

– Тише!

Ну и ладно! Раз ты такой... Зубы смыкаются там, где мощное плечо Бачо переходит в не менее впечатляющую шею, заглушая стоны. Мужчина шипит, поворачивает жену на бок и, устроившись у неё за спиной, наконец, погружается внутрь. Медленно и аккуратно, но так правильно! Удовольствие накрывает Бачо с головой, он кончает, не в силах сдержаться. Даёт себе немного времени, чтобы прийти в себя, и тут же опускается вниз. Ему нужно помочь любимой, которая не успела за ним. Разводит ноги, и ртом доводит её до оргазма.

Два часа спустя.

– Бачо! Бачо... Да вставай же ты, уууу, медведь!

– Что... Что случилось?

– Рожаю я...

Ещё через шесть часов.

– Вита... Ты что, плачешь?!

– Чуть-чуть...

– Тебе плохо?! Мне доктора позвать или...

– Нет, мне хорошооо. Ноги, правда, ещё не скоро сойдутся вместе, но я в порядке, – шмыгнула носом Вита.

– Ну, а плачешь чего?

– Ты так трогательно выглядишь с Ваню на рукаааах, в этой нелепой шапочке и в дурацком костюмеее...

Бачо сглотнул, опустил взгляд вниз. Ну, да, больничный зелёный костюм и правда смотрится на нем совершенно по-идиотски. То ли дело – форменная рубашка шефа! Но разве сейчас это имеет значение? Главное, вот они – любимая жена, крошечный сын... На него похож, тут и к бабке ходить не надо. Его главные украшения! Так что, черт с ним – с костюмом.